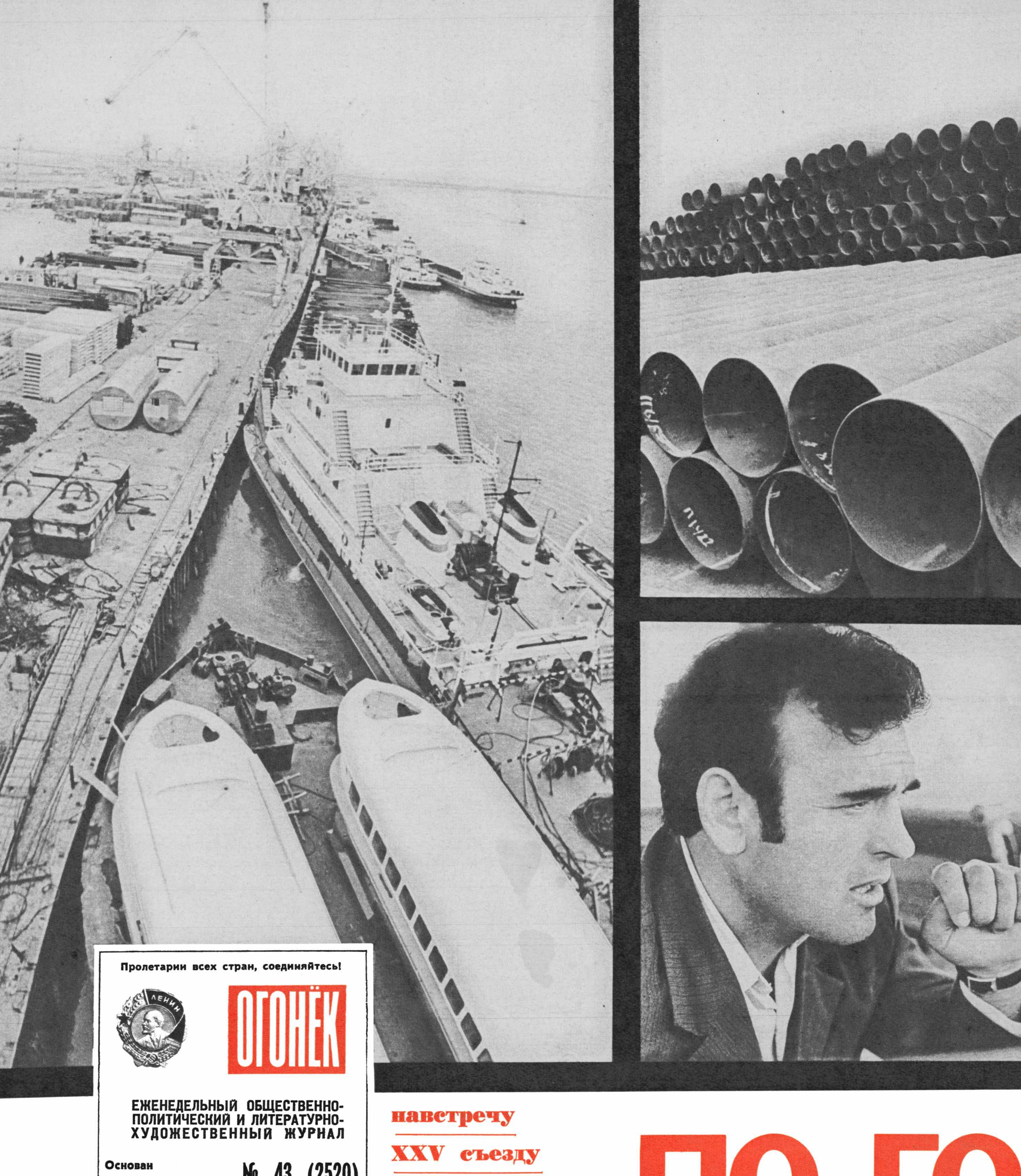

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 43 ОКТЯБРЬ 1975

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 43 (2520)

25 ОКТЯБРЯ 1975

навстречу XXV съезду

Ю. ЛУШИН
Фото автора

ПО ГО

Река не спит...

Прибыли трубы для нефтепровода Самотлор — Куйбышев.

Диспетчер по обработке грузов Михаил Зубков.

Мастера стропильного дела Владимир Грузинов и Виктор Щапов.

РЯЧЕЙ ВОДЕ

«Закончить строительство Тобольского и Сургутского речных портов».

Из Директив XXIV съезда КПСС

Река не спит. Трудится денно и нощно, несет на себе несчетные караваны судов, которые все спешат на север. И не спит денно и нощно Сургутский речной порт, он тоже трудится, машет без устали стрелами кранов, вычерпывает содержимое барж, торопится. А на очереди уж вереница новых. Навигация. И сама вода кажется в навигацию горячей...

Стою в диспетчерской — этакой модерновой избушечке из кирпича, стекла и бетона, вознесшейся высоко над рекой. Вся Обь отсюда как на ладони. То есть, разумеется, не все ее три с половиной тысячи километров от слияния Бии и Катуни до Карского моря (их можно увидеть одновременно разве что из космического корабля), а тот кусочек Оби, что входит в акваторию порта. Вот он-то виден весь — с километровой причальной стенкой, штабелями контейнеров, железобетонных плит и балок, грудами мешков с цементом и мукой, со всеми судами, пришвартовавшимися к стенке и стоящими на рейде. Тот же отрезок реки изображен масляными красками прямо на полукружии стола. Хочешь — в окно смотри, хочешь — на картину, тем более что и тут, на картине, стоят для наглядности двойники судов — магнитные фишки. Одно уходит — фишка убирается диспетчером, подходит другое — и тут же ставится его символ с названием судна. Удобно... Невидимые капитаны переговариваются по судовым рациям друг с другом и подчас все вместе с диспетчером. Просят, требуют, умоляют диспетчера — скорее разгружайте, пора в новый рейс. Шум и звон великий по всей реке. Нет, не спит Обь и даже не дремлет, работает в полную силу.

— Эка, что творится,— роняет словно про себя Михаил Зубков, дежурный диспетчер,— как на общем собрании!

Это он о капитанах.

— По пирсам, что ли, пробежаться, взглянуть в упор, как там дела идут?

Это уже и для меня намек: дескать, хватит тут глаза мозолить, к тому же в диспетчерскую посторонним вход воспрещен...

А на пирсе идет работа. Стропощики-виртуозы Владимир Грузинов и Виктор Щапов из бригады Сергея Бабинцева ловко цепляют пучки бурильных труб, которые невесомо взлетают под облака, чтобы через считанные секунды опуститься точно на трубовоз.

— Он не снайпером раньше был? — показал я на крановщика.

— Нет,—засмеялись строповщики,— он еще молодой...

— Хорошо работают, — заметил я.

— Плохо,— неожиданно не согласились строповщики.— Вон там, где контейнеры, хорошо — удобно, быстро и безопасно. Тут же трубы могут неожиданно раскатиться или просто выскользнуть из пачки. Опасно, глаз да глаз нужен. Вот если бы заводы-изготовители прямо у себя, на месте, связывали их в пакеты по пять, десять тонн, мы б их со свистом грузили...

Я посмотрел на предмет зависти строповщиков — контейнеры. Работа там действительно шла «со свистом», и гора их таяла на глазах. Потом я поинтересовался у начальника порта Александра Мельничука:

— Что в них?

— Все,— ответил он.— Швейные иголки и швейные машины, соки и мотоциклы, мини-юбки и импортная мебель, обувь, апельсины из Марокко, телевизоры, ткани... Словом, все.

Только теперь, наблюдая, что называется, жизнь порта вплотную, я понял вдруг одну простую истину. И сам этот современнейший порт, и новый большой город, раскинувшийся за ним, и мощная ГРЭС, и железнодорожные мосты через Обь, и таежные поселки на ее берегах, и сотни буровых на глухих притоках Оби — все это приплыло и приплывает по реке. Помню, как в 1966 году каждого прибывавшего в Сургут водили на экскурсию к первому строившемуся панельному дому. Он тоже приплыл по реке и высился тогда над деревянным царством как дом из будущего, а теперь таких столько, что никто не смог сказать мне, где же тот, первый. Только в этом году сургутяне получат 126 тысяч квадратных метров жилья.

Десяток лет назад все грузы сваливали прямо на топкий глинистый берег, и на нем царила такая неразбериха, что, казалось, распутать ее никто уже не сможет. Однако смогли, да еще так скоро... Взять хотя бы те же бурильные трубы. В прошлом году знаменитая теперь на всю страну бригада Геннадия Лёвина пробурила на Самотлоре сто тысяч метров скважин, поставив неслыханный доселе рекорд. А это невозможно без буровых труб. И чтобы рекорд состоялся, надо было те трубы доставить бригаде Лёвина, что и сделала река. А сколько таких бригад на Тюменщине хотят догнать и перегнать Лёвина? Так что пошевеливайся, Обь, вези и трубы и все прочее — для труда, для жизни. И она не отказывается, несет на себе бесчисленные грузовые флотилии, заставляя гудеть Сургутский порт днем и ночью, как бы подчеркивая, что и она, река, играет не последнюю роль в развитии Тюменского края. В этом году в Сургутском порту будет принято и переработано 3,5 миллиона тонн различных грузов. В честь XXV съезда КПСС портовики выдвинули встречный план — переработать сверх нормы еще семьдесят тысяч тонн.

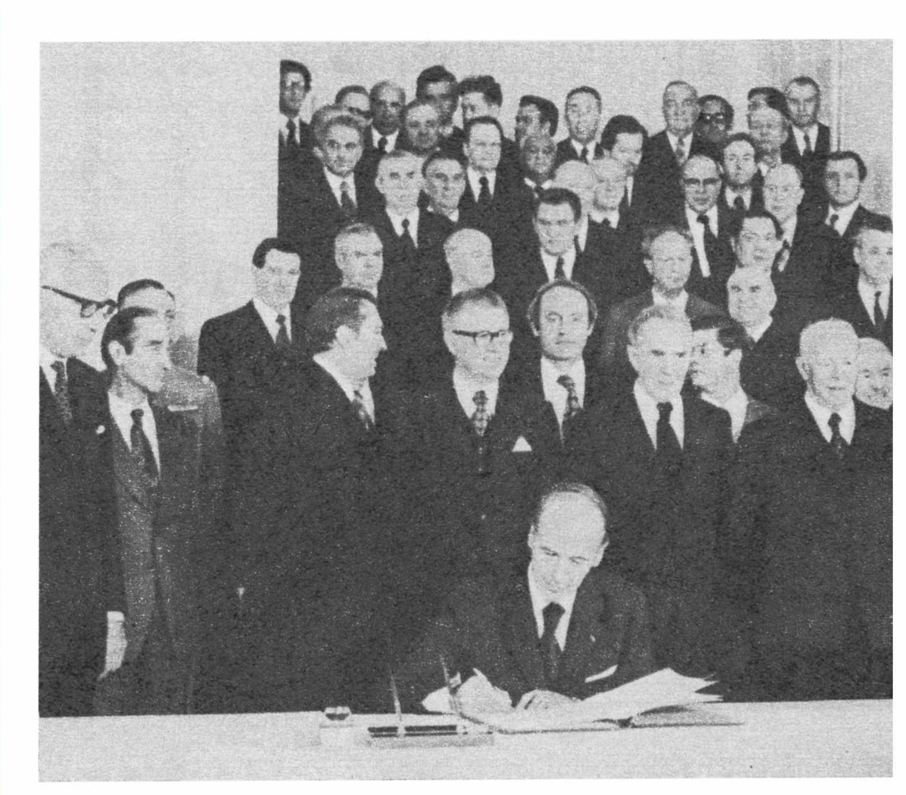
Теперь в Сургут пришла железная дорога. До этого года порт был, так сказать, сезонником. Как только Обь надевала свой ледяной панцирь, порт замирал. Теперь другое дело. Железная дорога обеспечит его работой круглый год, и, как объяснил Мельничук, из порта прибытия грузов он превратится в перевалочный. А это чрезвычайно важно для снабжения тех месторождений, к которым грузы можно доставить либо по большой воде, либо по зимникам. Так что, когда мы говорим или пишем об удивительных достижениях тюменских нефтяников, не след забывать обских да иртышских речников.

...К вечеру я снова заглянул в диспетчерскую. На нарисованной реке уже стояли другие фишки-символы. Значит, суда разгрузились, а их место заняли новые.

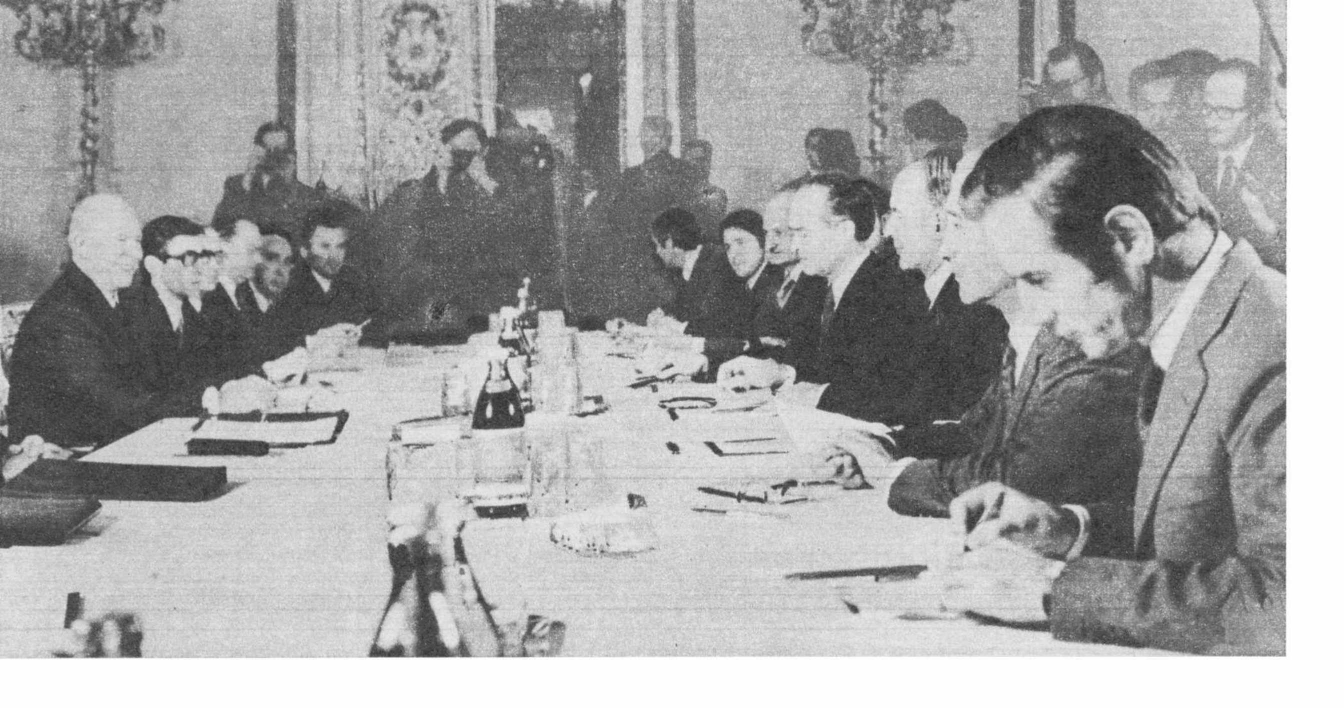
Во время переговоров.

СОТРУДН

Подписание Декларации о дальнейшем развитии дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и Францией.

По приглашению Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства Президент Французской Республики В. Жискар д'Эстэн с супругой с 14 по 18 октября 1975 года находился с официальным визитом в СССР.

ИЧЕСТВО КРЕПНЕТ

Президент Франции возложил венки к Мавзолею В. И. Ленина и на могилу Неизвестного солдата в Москве. В. Жискар д'Эстэн возложил также венок у мемориальной доски, установленной в Москве в память об авиационном полке «Нормандия — Неман», который сражался совместно с Советской Армией в годы второй мировой войны.

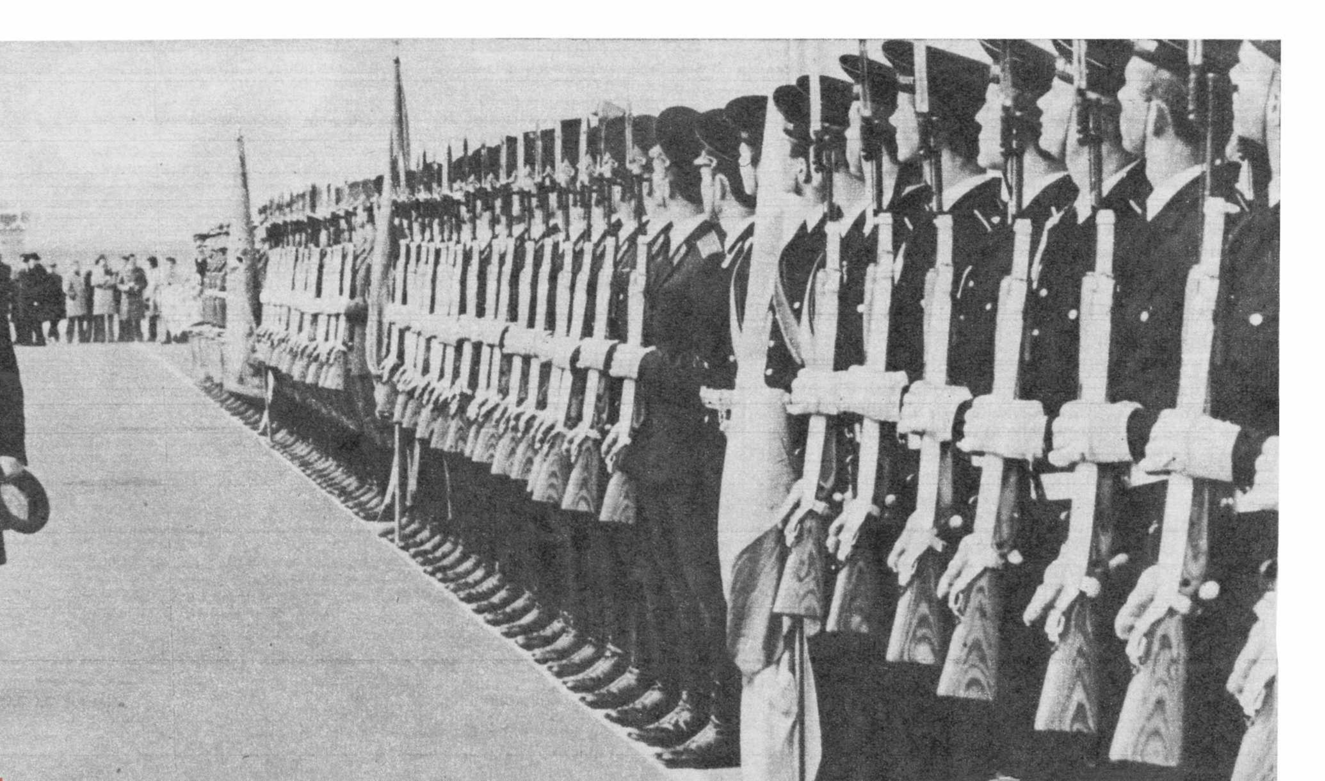
Во время пребывания в Советском Союзе Президент Франции и сопровождавшие его лица совершили поездку в Киев. Высоким представителям дружественной Франции был оказан радушный прием, отражающий чувства уважения, которые питают друг к другу народы СССР и Франции.

В ходе визита состоялись переговоры Л. И. Брежнева, Н. В. Подгорного, А. Н. Косыгина и А. А. Громыко с В. Жискар д'Эстэном.

17 октября имела место беседа Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева с Президентом Франции В. Жискар д'Эстэном. В беседе приняли участие член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко и министр иностранных дел Франции Ж. Сованьярг.

В обстановке широкого взаимопонимания между советскими руководителями и Президентом Франции имел место обстоятельный обмен мнениями по крупным проблемам европейской и мировой политики и по вопросам дальнейшего развития сотрудничества и согласия между Советским Союзом и Францией.

Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев и Президент Французской Республики В. Жискар д'Эстэн подписали Декларацию о дальнейшем развитии дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и Францией. В ходе визита были также подписаны: Соглашение о сотрудничестве в области гражданской авиации и авиационной промышленности, Соглашение о сотрудничестве в области туризма, Соглашение о сотрудничестве в области энергетики.

Проводы на Внуковском аэродроме.

МАТЕРИАЛИЗАЦИЯ РАЗРЯДКИ

Владимир НИКОЛАЕВ

«Сейчас самым насущным требованием международной жизни становится материализация разрядки»,— сказал Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев в своей речи на обеде в честь Президента Французской Республики Валери Жискар д'Эстэна. Эта новая встреча на высшем уровне явилась ярким примером того, как термин «материализация разрядки» наполняется конкретным содержанием, и продемонстрировала динамизм процесса разрядки напряженности. Эта встреча также еще раз показала роль Советского Союза в обеспечении мира и безопасности народов. Не случайно парижское агентство Франс Пресс писало: «Жискар д'Эстэн и Л. И. Брежнев встречаются в Москве через два с половиной месяца после заключительной встречи в верхах на Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе. Хельсинки отчасти являются плодом усилий Л. И. Брежнева, имя которого идентифицируется с успехом общеевропейского совещания».

Да, всего через два с половиной месяца после исторического совещания в Хельсинки этой встречей в Москве был сделан еще один существенный вклад в дело мира в Европе и во всем мире. А до этого, в декабре прошлого года, состоялся рабочий визит Л. И. Брежнева во Францию, во время которого он вел переговоры с Жискар д'Эстэном. Мне довелось освещать эту встречу в качестве корреспондента, и поэтому я, будучи ее очевидцем во Франции, с особой силой ощущал в те дни единодушие мировой прессы, писавшей об успехе переговоров, об их важных практических результатах. Выступая несколько дней назад по советскому телевидению, Президент Франции отметил, что французско-советские отношения развиваются успешно. 1975 год, например, явился рекордным по развитию экономических и торговых связей между обеими странами. Сотрудничеству, продолжал Жискар д'Эстэн, был придан новый смысл и развитие теми соглашениями, которые были подписаны в этот раз.

Встречи и переговоры Жискар д'Эстэна с Л. И. Брежневым, Н. В. Подгорным, А. Н. Косыгиным, А. А. Громыко завершились подписанием в Кремле Декларации о дальнейшем развитии дружбы и сотрудничества между СССР и Францией. Важное значение также имеют подписанные в Москве соглашения о сотрудничестве в области гражданской авиации и авиационной промышленности, туризма, энергетики. Все эти документы конкретизируют на двусторонней основе положения Заключительного акта совещания в Хельсинки.

Отношения между Советским Союзом и Францией — пример мирного сосуществования двух государств с различными социальными системами. «И вполне закономерно,— сказал Л. И. Брежнев во время последней встречи с Жискар д'Эстэном в Москве,— что многое родившееся именно в процессе советско-французского сотрудничества перешло затем в более широкую международную практику». А эта практика сегодня позволяет с полным основанием сказать, что материализация разрядки набирает силу. Взять хотя бы советско-американские отношения. Между СССР и США подписано более сорока соглашений в самых разных сферах человеческой деятельности. В качестве корреспондента я присутствовал при подписании многих из них и затем, во время встреч с советскими и американскими специалистами как в нашей стране, так и в США, убеждался, как эти соглашения успешно претворяются в жизнь.

Осуществление Программы мира, провозглашенной на XXIV съезде КПСС, вылилось в мощное мирное наступление, идущее по всем континентам. Завершившаяся общеполитическая дискуссия на XXX сессии Генеральной Ассамблеи ООН продемонстрировала, какую силу и популярность обрела идея разрядки международной напряженности. Подавляющее большинство выступавших в общей дискуссии говорили о необходимости новых мирных инициатив, особенно в области разоружения. Член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко на сессии Генеральной Ассамблеи внес в повестку дня предложения «О запрещении разработки и производства новых видов оружия массового уничтожения и новых систем такого оружия» и «О заключении Договора о полном и всеобщем запрещении испытаний ядерного оружия». Большинство участников общеполитической дискуссии в ООН, мировая общественность подчеркивают важность и своевременность советских предложений, их значение для судеб человечества. «Если в соответствии с советским предложением,— пишет японская газета «Майнити»,— будет достигнута в мировом масштабе договоренность о всестороннем запрещении испытаний ядерного оружия, то это поистине явится благом для всего человечества как шаг к всесторонней ликвидации ядерного оружия».

Все увереннее поступь мира, но пока еще рано сбрасывать со счетов происки противников разрядки как на Западе, так и в Пекине. Показательно, что позиции тех и других практически смыкаются. Так, отставной лидер английских консерваторов Э. Хит, опираясь, по его выражению, на «единственную в своем роде возможность беседовать с Мао Цзэ-дуном и его коллегами об их отношении к мировым делам», пересказывает в «Санди таймс» злобные нападки пекинской пропаганды на разрядку напряженности. Не случайно ряд западных обозревателей связывает человеконенавистническую пропаганду Пекина с поддержкой маоистскими лидерами агрессивных империалистических сил.

Не легок и не прост путь разрядки напряженности. Но ее материализация, проходящая на наших глазах, вселяет уверенность в том, что в конечном счете дело мира и дружбы народов победит!

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

С ДРУ

21 октября в Москву по приглашению Советского правительства с официальным дружественным визитом прибыл член Политбюро ЦК ВСРП, Председатель Совета Министров Венгерской Народной Республики Дьердь Лазар.

На Внуковском аэродроме, украшенном государственными флагами ВНР и СССР, Д. Лазара встречали член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров РСФСР М. С. Соломенцев, заместители Председателя Совета Министров СССР И. В. Архипов, М. А. Лесечко, министры СССР Н. С. Патоличев, В. Д. Шашин, А. И. Шокин, Н. А. Щелоков, председатель ГКЭС С. А. Скачков, заместитель заведующего отделом ЦК КПСС Г. А. Киселев, председатель исполкома Моссовета В. Ф. Промыслов, заместители министров СССР Ю. Г. Мамсуров, Н. Н. Родионов, посол СССР в ВНР В. Я. Павлов, заведующий протокольным отделом МИД СССР Д. С. Никифоров, другие официальные лица.

Среди встречавших был посол ВНР в СССР Д. Рапаи.

На аэродроме высокого гостя приветствовали представители трудящихся Москвы.

Во время встречи.

Фото А. ГОСТЕВА

21 ОКТЯБРЯ — НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРАЗДНИК СОМАЛИЙСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ — ДЕНЬ РЕВОЛЮЦИИ

Пять тысяч жителей поселка Саблале — переселенцы с севера Сомали, из охваченных засухой районов — торопятся достроить свои дома до начала сезона тропических дождей. В числе первых возведено здание центра национальной ориентации.

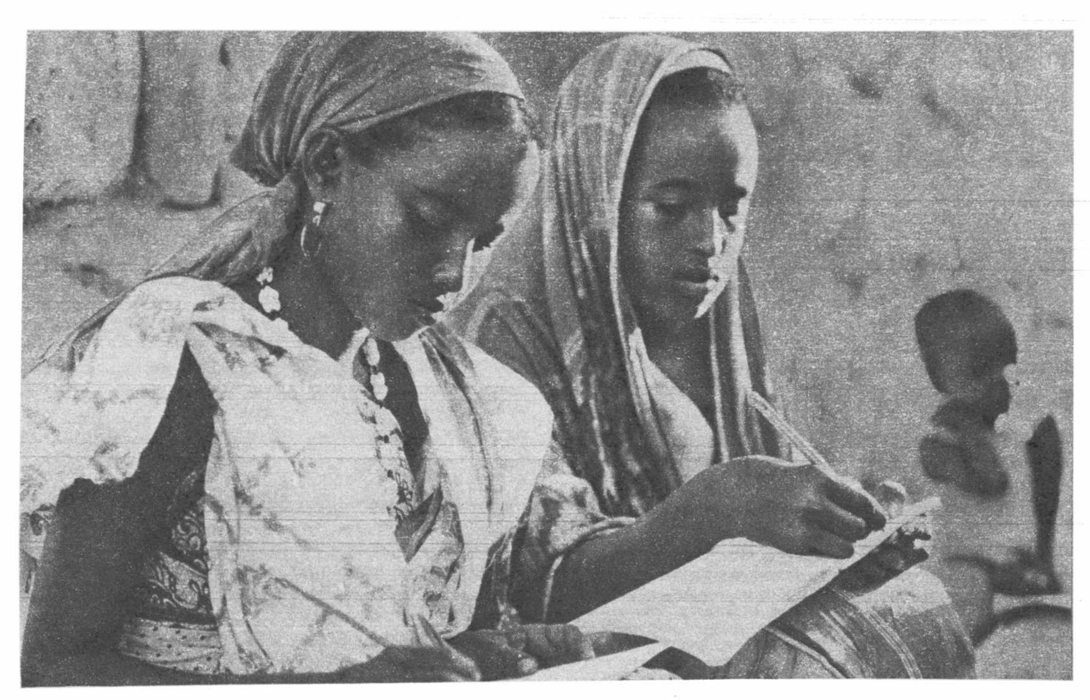
Эти центры — совершенно новое явление в Сомали. Оно рождено революционными событиями 21 октября 1969 года, когда к власти пришел Верховный революционный совет во главе с Мохамедом Саидом Барре. Так 6 лет назад начался период подлинного возрождения страны. Верховный революционный совет провозгласил курс на социалистическую ориентацию Сомали. Под контроль государства перешли иностранные банки и фирмы, введена государственная монополия на оптовую торговлю основными продуктами питания, принят трудовой кодекс, появились рабочие советы на предприятиях. Кроме того, в качестве органов новой власти на местах с участием представителей трудящихся созданы поселковые, районные и областные революционные советы. Порывая с дискриминацией прошлого, правительство Сомали в этом году приняло закон о семье, который предоставил сомалийским женщинам равные права с мужчинами.

В претворении в жизнь этих реформ важное место занимают центры национальной ориентации, организованные в последние годы по всему Сомали. Через эти центры Верховный революционный совет проводит политическое воспитание трудящихся, знакомит их с принципами научного социализма. Заметную роль играют центры ориентации в общенациональной кампании по борьбе с неграмотностью. Только после революции в Сомали была создана своя письменность. За последние 2 года на сомалийском языке научились читать и писать 1 миллион 260 тысяч человек — это более трети населения Сомали.

В поселке Саблале, где мы побывали во время поездки по Сомали, центр ориентации еще не достроен, но работа в нем уже началась. Абдалла Хаджи Ахмед, губернатор провинции Нижняя Шебели, сообщил в беседе с советскими журналистами: «Работники центра сейчас помогают переселенцам, которые ранее были кочевниками-скотоводами, приобретать навыки

ЖЕСТВЕННЫМ ВИЗИТОМ

ПО ПУТИ СОЦИАЛЬНОГО ПРОГРЕССА

На уроке.

земледельческого труда. Они разъясняют задачи правительственного плана массового переселения из охваченных засухой северных районов на юг Сомали, рассказывают об огромной помощи Советского Союза. Эта помощь,— подчеркнул Абдалла Хаджи Ахмед,— новое доказательство советской политики интернационализма, братской дружбы между народами СССР и Сомалийской Демократической Республики».

Правительство Сомали приняло чрезвычайную программу помощи пострадавшему от засухи населению. Засуха охватила к тому времени 6 северных провинций Сомали, превратив в пустыню поля и пастбища, погубив один миллион голов скота. Чтобы спасти от угрозы голода население этой зоны, революционное правительство разработало план его переселения на плодородные земли юга страны и на побережье Индийского океана. По просьбе сомалийских властей правительство СССР направило в районы бедствия в Сомали транспортные самолеты, автомашины. Советским летчикам и шоферам пришлось работать в необычайно сложных условиях — во время песчаных бурь и ураганных ветров, на засыпанных песками дорогах и в спешке оборудованных аэродромах. С их помощью сомалийские власти переселили в новые районы 120 тысяч человек.

Дружественная помощь Советского Союза Сомали — это пример высокого гуманизма, конкретное претворение в жизнь советско-сомалийского договора о дружбе и сотрудничестве. При содействии СССР в Сомали сооружены десятки объектов. В их числе мясокомбинат в Кисмаю — крупнейшее промышленное предприятие страны, рыбоконсервный завод в Лас-Хоре, молочный завод в Могадишо. Ускоренными темпами возводится «сомалийский Асуан» — плотина, ГЭС и ирригационная система на реке Джуба. И на этой важнейшей стройке и на других уже сооруженных заводах и фабриках рука об руку с советскими специалистами работают сомалийцы — выпускники советских вузов. Девять из каждых десяти сомалийских инженеров, техников, агрономов, врачей получили высшее образование в СССР.

Тяжелая засуха не смогла помешать социально-экономическим преобразованиям в Сомалийской Демократической Республике. Революционное правительство и народ Сомали, опираясь на помощь дружественных стран, успешно осуществляют пятилетний план развития, твердо следуют по пути социального прогресса.

В. ЛОБАЧЕНКО
Фото автора.

Могадишо (по телефону).

Очередная облава в Сантьяго.

свидетельствует пресса

«БИТЬ, ПОКА НЕ ПОТЕРЯЕТ СОЗНАНИЕ»

По оценке международных организаций, после фашистского путча в Чили было убито около 30 тысяч человек. 2 тысячи бесследно исчезли, около 8 тысяч мужчин, женщин и детей содержатся в четырех официальных и девяти секретных концентрационных лагерях. Недавно 12 чилийцев прибыли из этого преддверия ада в Австрию. Четверо из них рассказали в беседе с корреспондентом «Курир» историю их страданий. Чтобы не повредить их родным, находящимся в заключении в Чили, мы не можем назвать их имена. Один из них, 29-летний мужчина, беспартийный, симпатизировавший Альенде. Он женат. Его жена еще находится в Чили.

«Я был арестован в ноябре 1974 года,— рассказал он.— Однажды вечером, когда я был дома, ко мне ворвались гражданские лица, вооруженные автоматами. Они арестовали меня, не предъявив никаких документов. Со связанными руками и завязанными глазами меня привезли в какой-то частный дом. Первое, что я там услышал, были крики истязаемых. После первого допроса меня вместе с одиннадцатью другими поместили в камеру размером не более двух квадратных метров. Из-за недостатка кислорода некоторые из нас потеряли сознание. Когда мы стучали в дверь, чтобы получить глоток воздуха, нас избивали. Через три дня меня привезли в концлагерь «Трес-Аламос». В течение восьми дней меня непрерывно допрашивали и пытали. Мне не ставились никакие конкретные вопросы, лишь выдвигались общие обвинения. Меня били, погружали с головой в воду, надевали на голову пластиковый мешок, пытали электричеством. После этого меня на 12 дней и ночей посадили с завязанными глазами на стул, причем в первые пять дней меня не кормили и не поили.

В конце марта я получил разрешение на выезд. Когда меня привезли на аэродром, мне дали всего 5 минут времени, чтобы проститься с родными. Предварительно меня заставили подписать документ о том, что я выезжаю добровольно и что по отношению ко мне не были допущены никакие злоупотребления».

Второй мужчина — 44-летний рабочий, коммунист, профсоюзный активист. Его жена и четверо детей содержатся в заключении в Чили. Он рассказывает:

«Меня арестовали в сентябре 1973 года. Сначала меня поместили в полицейскую тюрьму, в камеру размером три на три метра, где уже было 23 человека. Мы вынуждены были спать стоя. Днем нас выводили со связанными руками во двор тюрьмы под палящее солнце. Четыре дня нам не давали ничего есть. Мы постоянно слышали крики пытаемых, я видел, как заключенным вырывали ногти.

Потом нас привезли на стадион Лос-Анхелес — 140 человек на одном грузовике, со связанными руками и завязанными глазами. Когда нас туда доставили, некоторые были уже мертвы. С сентября 1974 года я находился в концлагерях «Чакабуко», «Пучункави» и «Трес-Аламос».

Следующий собеседник был арестован 17 сентября 1973 года. Он был служащим и активистом социалистической партии. Ему 34 года, женат, отец четверых детей.

«Они арестовали меня в моем бюро, бросили в грузовик, в кузове которого уже лежали раненые и мертвые. Нас доставили в уголовную полицию. В течение 7 дней меня допрашивали, а потом сказали, что я свободен. Однако, как только я вышел из двери, меня снова арестовали, и так повторялось пять раз. Последний раз это случилось 24 декабря 1973 года. После этого меня на 8 дней посадили в одиночную камеру, привязали к столбу, и полицейские развлекались тем, что швыряли в меня футбольные мячи. Если начинался дождь, меня выносили во двор, и я лежал там, пока дождь не прекращался. Другой вид «развлечений» полицейских заключался в том, что они сбрасывали нас одного за другим в яму с нечистотами. Когда один из полицейских, пожалев нас, разрешил после этого сходить в душ, его самого тотчас арестовали».

Четвертый собеседник — тоже служащий, 33-летний член социалистической партии. Женат, трое детей.

«Первый раз меня арестовали 19 сентября 1973 года, но через 10 часов выпустили, так как у полиции не хватало машин для транспортировки арестованных. Через месяц меня снова арестовали и доставили на одну из военно-воздушных баз. Каждый день офицеры убивали по нескольку заключенных. Перед этим они говорили своим жертвам, что хотят предложить им «прогулку на вертолете». В действительности их сбрасывали с высоты нескольких сот метров.

Последним моим местом заключения был «Трес-Аламос». До сих пор он пополняется новыми заключенными.

Лично я рад быть теперь в Австрии. Но это не выход из положения. Я здесь, а многие товарищи еще там. Поэтому мы призываем к международной солидарности. Это поможет заключенным».

«КУРИР»

«Особое внимание будет уделяться... исследованию и освоению космоса».

Из Декларации о дальнейшем развитии дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и Францией.

Ванда БЕЛЕЦКАЯ

Каменистая стартовая площадка Кергелена — скалистого острова в Индийском океане. Французская ракета «Эридан» готова к полету. Пять, четыре, три, два, один!.. И взорвана тишина острова. Испуганно разбегаются и ныряют в воду пингвины. Опасливо посматривают на небо морские слоны. Что произошло? Советско-французский эксперимент «АРАКС» начался. В эти мгновения в космосе держит экзамен труд ученых, проверяются их гипотезы, их надежды. Сбудутся ли они?

Вот ракета достигла максимальной высоты. Отстрелен защитный кожух... Но остановим на минуту ход эксперимента и расскажем, в чем же суть этой работы, которую председатель совета «Интеркосмос» академик Б. Н. Петров назвал наиболее значительным исследованием года в области советско-французского научного сотрудничества. А для этого перенесемся с далекого французского острова в другое полушарие Земли, на совсем маленький островок в Белом море, остров Вознесенье. Здесь находится опорная обсерватория Института земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн Академии наук СССР.

Закончилось обсуждение плана «АРАКС», и мы вышли из теплого здания в морозный, снежный вечер.

— Всего два дня назад я был у себя дома, в Тулузе, и там была такая же температура, как здесь,— 22 градуса. Вся разница в том, что там тепла, здесь мороза,— улыбаясь, сказал доктор Франсис Камбу, руководитель работ с французской стороны.— Я счастлив, что проект, о котором я и мои советские коллеги давно мечтали, начал осуществляться в такой теплой, несмотря на северный холод, атмосфере. Думаю, что мы сумеем добиться успеха, хотя проект очень сложен и требует огромных усилий ученых и конструкторов.

— Да, работы предстоит много,— подтвердил руководитель проекта с советской стороны академик Роальд Сагдеев.— С острова Кергелен на французских ракетах-носителях «Эридан» надо будет поднять в преддверие космического пространства ускоритель-инжектор заряженных частиц. Он выпустит мощный пучок электронов, и в это время на севере другого полушария Земли, в Архангельской области, должно вспыхнуть искусственное полярное сияние.

Тайны полярного сияния давно волнуют ученых. Эти красивые огненные сполохи на северном небе не так безобидны. Во время сильных магнитных бурь стрелка компаса отклоняется и неточно показывает маршрут кораблей и самолетов, нарушается радиосвязь.

— А что означает таинственное название «АРАКС»? — спросила я.

Ответил Игорь Жулин, доктор физико-математических наук, заместитель руководителя работ.

— Название соответствует первым буквам английских слов, определяющих цель и содержание проекта,— «Искусственное полярное сияние и радиация в двух магнитно сопряженных точках: Кергелен — Советский Союз». Французский остров связан магнитной силовой трубкой с нашей Архангельской областью.

«АРАКС»

Наиболее сложные задачи вставали перед советскими учеными. Им предстояло создать миниатюрный и надежный «космический» ускоритель, электронную пушку, выстрелы которой должны вызвать искусственное полярное сияние. Над ее созданием работали в Киеве, в Институте электросварки имени Патона.

В Москве, в Институте атомной энергии имени Курчатова, решалась не менее важная задача. Здесь создавался плазменный генератор, прибор, от работы которого тоже зависел успех «АРАКСа». Плазменный генератор используют для нейтрализации положительного заряда ракеты. Непрерывно испускаемая плазма, словно облако, окутает тело ракеты, протянется за ней гигантским шлейфом.

Полярное сияние надо было не только сотворить, но и зафиксировать на Земле, увидеть. Специально для проекта создавались радиолокаторы и сверхчувствительные телевизионные системы, трудились оптики и электронщики. Координировал всю эту сложнейшую работу Институт земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн АН СССР.

И вот наконец наступил момент, когда драгоценный груз, плод мысли и труда целого коллектива советских и французских ученых отправился во Францию, в Тулузу.

В Тулузе прошла генеральная репетиция полета — пока не в космосе, а на Земле. Русская пословица «семь раз проверь, один — отрежь» стала в эти дни популярной и у французов. Последняя проверка показала согласованность действий ученых двух стран и созданной ими аппаратуры.

И, наконец, ящики с оборудованием благополучно прибыли в Марсель и были погружены на советское и французское океанские суда. Их путь лежал к далекому острову, открытому двести лет назад французом Ивом-Жозефом де Кергеленом.

Готовность к запуску ракет и научных приборов — только половина дела. Сама природа должна была пойти навстречу исследователям и создать одинаковую геофизическую погоду в обеих точках планеты, на Кергелене и за 14 тысяч километров от него, в далекой Архангельской области.

На севере тоже обосновались советские и французские ученые. Они должны были зафиксировать впервые в истории полярное сияние, вызванное по воле человека.

И хотя северный и южный штаб разделяли четырнадцать тысяч километров, ученые работали согласованно и четко, словно чувствовали биение пульса друг друга. Постоянно действовала радио- и телексная связь. Остров в Индийском океане ежесекундно был связан с Парижем и Архангельском.

Если на Кергелене в это время не заходило солнце, то на севере нашей страны наступила полярная ночь и океан у берега был скован льдом. Но ученые работали так же напряженно. На севере сосредоточился мощный арсенал научного наблюдательного оборудования, чуткие оптические приборы, радиолокационные устройства. В эксперименте принимал участие и самолет — летающая научная лаборатория. Полярный день и полярная ночь, север и юг нашей планеты вели отсчет времени по единым часам.

И наконец... Кергелен шлет депешу в Архангельск: «У нас все в порядке».

«Готовы»,— отвечает Архангельск...

А теперь вернемся к началу репортажа. Отстрелен защитный кожух, включился космический ускоритель на борту ракеты. Первые выстрелы электронной пушки. Часть электронов захвачена магнитным полем Земли. Их путь — на север нашей планеты. Меньше чем за секунду пучки электронов прилетят на север. Они мчатся почти со скоростью света. Вызовет ли выстрел полярное сияние?

В Архангельской области небо взято под контроль научных приборов. Десятки глаз устремлены на чуткие аппараты наблюдения. Но бесстрастны линии самописцев. И вдруг магнитограф регистрирует всплеск! Еще всплеск! Это подтверждают и чуткие радиоприборы. Значит, электроны, выпущенные космическим ускорителем на Кергелене, достигли севера!

Мне довелось видеть радость ученых в дни окончания работ, беседовать с ними.

— Это был очень сложный эксперимент, требовавший согласованного участия специалистов самых различных профилей,— говорит директор Института космических исследований академик Р. З. Сагдеев.— Я думаю, что обработка данных покажет, насколько мы приблизились к пониманию загадки физики полярных сияний, насколько мы приблизились к пониманию того, каким образом можно управлять процессами в верхней атмосфере.

Когда мы начинали этот проект, мы полностью отдавали себе отчет в тех трудностях, которые нас ждут впереди. Нам удалось доказать, как объединение большого коллектива ученых, использующих самые разнообразные методы исследования, систематическое нацеливание на одну проблему в сжатые сроки могли привести к тому, что мы фактически не только смогли создать искусственное возмущение в окружающем Землю пространстве и исследовать его характер, но и научились тому, каким образом нужно в будущем вести исследования столь крупного масштаба. Ведь нам еще предстоят совместные работы.

— А каково практическое значение эксперимента? — спрашиваю я.

— Думается, что он позволил проверить многие гипотезы о строении магнитосферы и в конечном счете будет интересен для разгадки природы полярного сияния и магнитных бурь. Это важно и для сугубо практических вопросов — выявления роли солнечной активности в формировании погоды, надежности радиосвязи, а также других практических вопросов.

— Обработка и анализ результатов «АРАКСа» еще только начинаются, но многое можно сказать уже сейчас,— добавляет И. А. Жулин.— Надо обязательно отметить хорошую работу бортовых детекторов частиц и волновых излучений, созданных советскими и французскими физиками. Ведь процессы взаимодействия волн и частиц были основным предметом исследования. Теперь есть интересные данные о волновых излучениях. В этом отношении нам очень помог научно-исследовательский корабль «Боровичи», находившийся вблизи Кергелена. На этом корабле производился прием телеметрической информации от советских приборов, работавших на борту ракеты «Эридан».

Получены радиолокационные данные о приходе электронов в Архангельскую область. Наземными наблюдениями обнаружено радиоизлучение, связанное, по-видимому, с прохождением пучка электронов в околоземной плазме.

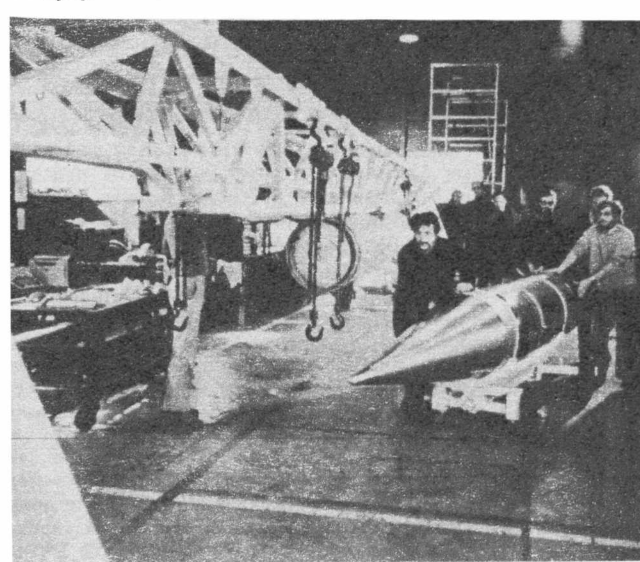
— Осуществление «АРАКСа» дает возможность уточнить наши представления не только о пространстве, окружающем Землю, но и другие планеты,— дополняет доктор Франсис Камбу.— В эксперименте огромное околоземное пространство используется как гигантская естественная физическая лаборатория. Эта работа, без сомнения, является фокусирующим моментом научного сотрудничества Советского Союза и Франции.

Во время обсуждения проекта доктор Франсис Камбу и академик Р. З. Сагдеев.

Фото В. ДОКУКИНА и Г. КОПОСОВА

Остров Кергелен. Подготовка ракеты «Эридан» к старту.

БОГАТЕЮТ СОКРОВИЩНИЦЫ ИСКУССТВА

М. ШАШКОВА

Удивляет ли теперь кого-либо из нас длинная очередь у входа в музей, толпа желающих попасть в выставочный зал? Приобрести билет на выставку сокровищ гробницы Тутанхамона или на краткую встречу с «Моной Лизой» было весьма не просто. Переполнены посетителями дворцы Павловска и Кускова, Петродворец и Абрамцево. А терпеливые «хвосты» из поклонников искусства под присмотром вежливых милиционеров у огромных зданий Манежа, где находится Центральный выставочный зал, или Третьяковской галереи; люди, переносящие любые невзгоды ленинградского климата у заветного портала Эрмитажа — это ли не приметы нашего времени? Это ли не праздничное торжество социалистической культуры, одно из самых убедительных доказательств духовной революции?

Музейным взрывом назвали такое явление журналисты. Его изучают социологи, им занимаются теоретики искусства. Музейные работники ломают головы над тем, как увеличить пропускную способность залов, как расширить экспозиционную площадь и... как уберечь паркет от сотен тысяч ног.

В сознании давно и незаметно для нас самих изменился смысл слов «музей», «музейный». Вырос социальный престиж этих учреждений культуры, умножаются и богатеют фонды наших сокровищниц.

Редко ли, часто ли бываем мы на выставках, однако почти никогда не задумываемся над тем, как пополняется, как изменяется собрание того или иного музея.

А ведь каждый из них ведет постоянную, систематическую работу по расширению своих запасников: работают закупочные комиссии, реставраторы раскрывают «записанные» шедевры, рассылаются экспедиции в самые удаленные уголки нашей страны, искусствоведы делают порой неожиданные находки среди анонимных произведений в собраниях своих же музеев, а иногда поступают целые коллекции от частных владельцев.

Это тоже стало приметой нашего времени. Люди, увлеченно занимающиеся собиранием предметов искусства, передают в дар государству свои коллекции. История каждой из них включает в себя удивительные происшествия, неожиданные приобретения, огорчения, радости, открытия.

Конечно, поступления, ценные единством экспонатов, исторической значимостью предметов и художественным уровнем работ, случаются не часто. Тем более приятны и значительны они бывают.

Сейчас в Ленинграде, в Русском музее, готовится выставка новых поступлений, полученных в дар от частных владельцев, и насчитывает она свыше ста экспонатов.

Большое собрание произведений декоративно-прикладного искусства, живописи и графики получено в дар от коллекционера В. В. Тищенко. В основном это изделия из фарфора конца XVIII — первой половины XIX века, они вольются в прекрасное музейное собрание русского фарфора, производившегося на государственных заводах и частных мануфактурах.

Интересную расшифровку позволил сделать кусок так называемого золотного атласа, где на темно-лиловом фоне золотной нитью выткан растительный орнамент. Сарафан, сшитый из точно такого же материала, уже давно хранился в Русском музее. Клеймо «С. Ш. Ф. К. К. Г. Л.» — содержателя шелковой фабрики коломенского купца Гурия Левина, — сохранившееся на полученном в дар отрезе, позволяет датировать эту ткань и изделие из нее 1790-ми годами. Образцов тканей XVIII века дошло до наших дней не очень много, потому так бесценны подобные поступления.

В коллекцию В. В. Тищенко, кроме фарфора, изделий из серебра и тканей, входят серия миниатюр и живописные портреты XIX века.

Особое внимание посетителей выставки привлекут также живописные полотна и графические листы русских художников XVIII—XX веков, подаренные Русскому музею И. М. Вороновым. Среди авторов этих работ известные художники И. Айвазовский, В. Поленов, И. Шишкин, В. Васнецов, М. Нестеров, Б. Кустодиев, М. Добужинский, В. Бялыницкий-Бируля, Л. Бакст, И. Горюшкин-Сорокопудов.

Более ранние произведения, относящиеся к XVIII веку, в большинстве своем анонимны. Но все эти вещи обладают большой исторической ценностью и высоким художественным уровнем, как, например, старинный холст с изображением стольника Никиты Федоровича Волконского — предка Льва Николаевича Толстого по материнской линии.

Лет десять назад при реставрации была обнаружена первая картина, подписанная Иваном Локтевым. Этот живописец, работавший в восемнадцатом веке, ученик знаменитого Рокотова, был известен прежде только по архивным сведениям. Теперь Русский музей обладает второй документированной работой художника; на оборотной стороне портрета фельдмаршала П. С. Салтыкова сохранилась подлинная подпись автора: «1762 год мая 20 числа малевал Иван Локтев».

Среди интимных, то есть не парадных, портретов обращает на себя внимание небольшого размера полотно, на котором изображена женщина с голубым бантом на груди. Портрет подписан монограммой «АТ». Реставратор С. Ямщиков убежден, что под ней скрывается Алексей Тыранов. Ученик К. Брюллова и А. Венецианова, иконописец в молодости, этот художник, проживший пятьдесят лет, оставил довольно значительное наследство. Его имя стоит в одном ряду с Венециановым. Избежавший влияния брюлловского классицизма, А. Тыранов пошел по стопам своего второго учителя; он был бытописателем своей эпохи, эпохи обращения к национальной тематике, ко всему русскому.

— Я во многих музеях видел работы А. Тыранова, — говорит С. Ямщиков, — и уверен, что расшифровка монограммы, сделанной на обороте портрета женщины с голубым бантом, — «А. Тыранов, ученик Венецианова», — соответствует действительности.

Не один десяток полотен, изображающих море, создал замечательный русский маринист Иван Айвазовский. Удивителен талант этого художника, сумевшего увидеть и запечатлеть неуловимое, казалось бы, движение волн, воспеть вечно меняющуюся, то ласковую, то грозную стихию. Четыре больших полотна живописца не были известны широкому зрителю. Теперь эти марины стали достоянием музея, достоянием каждого, кто придет на выставку.

«Прибой у скалистого берега»... Бурное после грозы море бьется о неприступные утесы. Водяная пыль висит в воздухе и туманным флером окутывает выступы гор, огромные валуны у самой кромки прибоя. И. Айвазовский часто возвращался к полюбившимся сюжетам, делал авторские повторения одной и той же картины; те полотна, которые пополнили коллекцию музея, принадлежат к разным этапам его творчества и обогатят наше знание о неисчерпаемом таланте художника.

Среди произведений, которые входят в собрание И. М. Воронова, есть работы замечательного художника Василия Поленова. Мастер совершал далекие путешествия, привозил множество живописных эскизов. Часть из них, ранее неизвестная, вошла теперь в фонд Русского музея. Значительную серию эскизов дополняют два законченных полотна: «Мечты» и «Возвратился в Галилею».

Зрители увидят и работы русских художников, имена которых хоть и входят в историю отечественного искусства, но сейчас, может быть, незаслуженно забыты или, вернее, отступили на задний план.

К ним принадлежит, например, Петр Грузинский. Художник-баталист, он в тридцать пять лет получил звание академика. Его кисти принадлежат полотна, живописующие военные действия на Кавказе, широкие батальные сцены, небольшие зарисовки бивуачной солдатской жизни. Картины на темы русского народного быта, пейзажи, многочисленные рисунки и акварели составляют творческое наследие П. Грузинского, который представлен на цветной вкладке «Огонька» небольшой работой «В солдаты».

Бытописателем русской жизни можно назвать и другого мастера из этой плеяды художников — И. Горюшкина-Сорокопудова, вся жизнь и творчество которого связаны в основном с Пензой. Там он прожил почти всю свою жизнь, написал большинство своих работ, долгие годы преподавал в художественном училище. В его «Московской улице» видна уверенная рука мастера-реалиста, прекрасного рисовальщика, тонкого колориста.

Среди поступивших графических листов есть, например, рисунок Виктора Васнецова и акварель Михаила Нестерова «Сумерки» — тонкая, живая, полная глубокого лиризма и любви к родной природе. В ней нет экстатичности, которая присуща порой некоторым его большим сюжетным картинам. В ней все просто и безыскусно, «здесь русский дух, здесь Русью пахнет».

Необычайно привлекательна и акварель И. Белоусова, архитектора XIX века, строившего Петербург. На ней изображена широкая панорама города: вид на Адмиралтейство и Исаакий со стороны покрытой льдом Невы. В четкой перспективе, в строгих линиях рисунка чувствуется рука архитектора, но акварель эта насыщена неподдельной любовью к городу, «Петра творенью», в ней безукоризненное чувство стиля, и она может служить самым точным документом времени.

Трудно перечислить все экспонаты выставки, можно только продолжить список имен авторов выставленных произведений: И. Крамской, В. Маковский, Н. Неврев, М. Клодт, Н. Самокиш... И уже одно это, надо думать, скажет истинным поклонникам искусства, что их ждет много прекрасных минут в тех залах Русского музея, где показываются эти новые, никогда ранее не виданные картины, рисунки, фарфоровые и серебряные изделия. Может быть, далеко не все они заслуживают первоклассной оценки, может быть, не будет здесь сенсационных открытий, но зато, несомненно, возникнет чувство большой радости от встречи с дотоле неизвестными работами известных мастеров.

В. Маковский. 1846—1920. ДЕТИ В МАСТЕРСКОЙ ХУДОЖНИКА.

Государственный Русский музей.

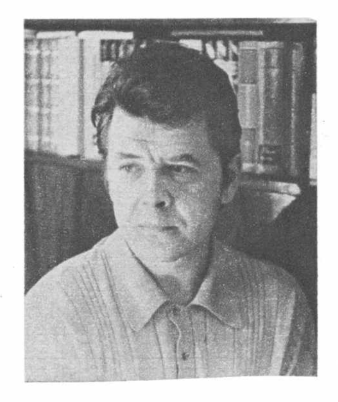

П. Грузинский. 1837—1892. В СОЛДАТЫ.

Государственный Русский музей.

Иван ИСАЕВ

ГЕОГРАФИЯ ЖИЗНИ МОЕЙ

ПЛОТИНА

Замолкли и трубы оркестров,
и трубные клики трибун,
сшибавшие с сопок окрестных
лавин одичалый табун,
последняя речь отзвучала,
окончен строительный пир...
Конец
означает
начало.
Плотина, твой час наступил.
Отныне и присно — лишь скалы.
Отныне и вечно —
труды.
Скрипи и крепись,
пропуская
поток разъяренной воды.
Слепая стихия теченья —
и точный расчет киловатт.

Нет высшего предназначенья,
чем свет и тепло даровать.
Нам выпала доля такая,
что равной не ведаю я.
Скрипи и крепись,
пропуская
сквозь сердце
поток бытия.
Крепись и корпи понемногу
над словом —
быть может, оно
осветит
заблудшим
дорогу,
затеплит
озябшим
окно...
Тревога твоя и отрада,
крепись —
и динамо крути,
покуда стучит генератор
в отзывчивой к песне груди...

СЕВЕР, СЕВЕР!..

И погода опять нелетная,
и навряд ли зайдут суда.
Занесла же меня нелегкая
не куда-нибудь, а сюда!
Городок, окруженный сопками,
самолеты, домов ряды
нереальны,
как будто сотканы
из туманов и струй воды.
Все миражно: размыто, смазано...
Ну и остров!
Как бутерброд,
кем-то мазанный-перемазанный
до того, что не лезет в рот...
Но ведь это же —
та же Родина.
Сколько тут за любую пядь
поту пролито, силы отдано,
судеб смолото — посчитать!
Что ни сопка, то память мужеству,
что ни топь — обнажай главу...
...Ох, и шаткое преимущество —
первым
день встречать
на плаву!
Треплют волны скорлупку сейнера,
но путина не ждет. Пора!..
А на пирсе —
ромашки Севера,
белобрысая детвора.
А на пристани — жены-матери,
как от чаек, бело от платков...
Ох, и мытарны, эх, и маетны
просоленные дни рыбаков!
Не для слабых здесь жизнь.
Если маяться
станет больше невмоготу,
снова вещи в мешок собираются,
занимаются кресла в «Ту»...
Забываются вроде бы тяготы,
зарубцовываются сердца:
и в садочке цветочки-ягодки,
и в подвале запас винца.
Припеваючи, припиваючи,
поживай себе, словно бог!
Но однажды
его, Иваныча,
вдруг как будто кто двинет в бок.
И во мраке почившей Винницы,
пробудившемуся, ему
вдруг пригрезится,
вдруг привидится,
вдруг представится наяву:
городок, окруженный сопками,
и туманы,
и синь,
и ширь
так реальны,
как будто сотканы
из его из оживших жил.
Прикоснись —
и повеет северным,
тем единым, чье имя — Жизнь,
и кровать
закачается
сейнером,
и потянет —
да так, что держись!..

ПОСЛЕДНЯЯ СКАЗКА

Все —
и новых сказочек
не будет.
Век таков, что более они
не навеют сон и не разбудят
никого из телеребятни.
Жизнь за тех,
кто с хваткою практичной,
с трезвым отношеньем к бытию.
Где уж тут
натуре поэтичной
веру исповедовать свою!
Хорошо
рассудочным и дошлым!
Нищий духом, сказано, блажен.
Но ведь кто-то непременно
должен
позаботиться и о душе.
Кто-то должен
жертвою извечной
в самообнажении гореть,
чтобы этот мир очеловеченный
был очеловеченным и впредь.
Никому —
ни дьяволу, ни богу —
не доверишь ты своих вериг.
...Выхожу
с поэтом
на дорогу...
Да,
звезда с звездою
говорит!
Все — как встарь
в тумане закоулка:
плач сердец
да скрип земной оси...
Сивка-бурка, вещая каурка,
встань передо мною!
Унеси...

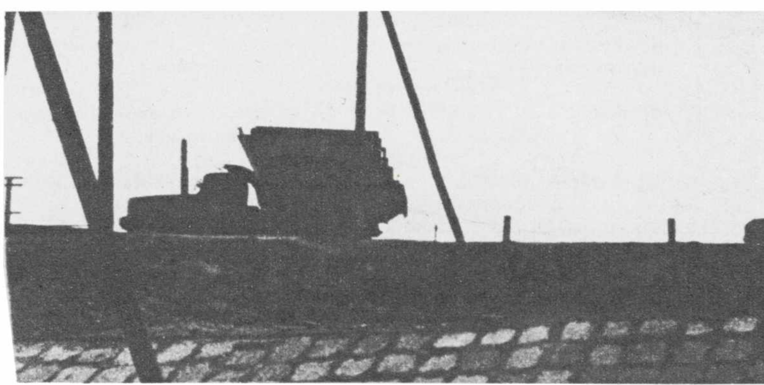
МАЛИНОВАЯ ГРИВА

На Малиновой Гриве — малина.
На Малиновой Гриве — грибы.
Как манила она, как манила,
заклиная,
перстами судьбы,
что ни год, то острей, неизбывней,
неотвязнее день ото дня...
Никого —
ни родни, ни избы —
в ней.
Ничего —
за душой —
у меня.
Все забылось, завяло, зачахло,
поросло обелисками пней...
Но ведь это ж начало —
начало! —
географии жизни моей!
Вот у этой кедровой таежки,
и пугая и далью маня,
ручеек прикрылечной дорожки
подхватил, карапуза, меня.
Подхватил и понес —
да куда я?! —
сквозь размывы годов и картин,
и из крайности в крайность кидая
и катая по горкам крутым.
Посчитать — наломали дровишек...
Только толку-то ни на вершок:
то ли в люди я так и не вышел,
то ли... то ли в себя не вошел.
Версты шалые, ветры шальные,
да припевки мальчишеской зуд:
«Раз тебя
без тебя
оженили —
соответственно и разведут...»
«Развели» вот: руками насилу
развожу.
А за мной, за спиной —
океан
шириною в Россию,
в тридцать лет ледоходных длиной.
Детство, где ты?..
За дымкой проселков.
Годы юности, где вы!.. Увы!
Только крупные капли на стеклах,
только трупные пятна листвы.
За окошком опять зарядило,
задождило —
до жженья в груди.
Золотая моя середина?..
Наконец-то и ты! Заходи...
Вот где встретились...
Чаять не чаял,
что наступит подобный момент:
мы в деревне,
в начале —
начале! —
а начала
деревни
и нет!
Как ведется,
едва от кроватки
мы без мамы дошли до двора —
и штанишки нам коротковаты,
и деревня родная —
дыра.
Но позднее,
как символы отчей
стороны,
мы лелеем в себе
материнские ясные очи,
огонек керосинки в избе.
Прогрессисты во всем, вертопрахи,
если ж дело доходит до них,
мы заковываем их в оправы,
запираем в заветный тайник,
кержаками пред чудо-иконой
мы радеем,
в святой простоте
умиляясь исконной-посконной,
неподвластной годам красоте.
Обгоняя с азартом друг друга,
посвящаем родимым стихи,
в коих автор, конечно, от плуга,
а иной, побойчей,— от сохи.
Обещаемся вскорости в гости,
да, вестимо, делишки-дела...
А нагрянули —
мать на погосте,
а вокруг —
ни двора, ни кола...
Рви рубаху и грохайся оземь,
забивая под ногти помет —
поколения нового озимь
все равно ни черта не поймет!
Будут вновь,
спотыкаясь и ранясь,
вдалеке от родимых куртин
и кидаться из крайности
в крайность
и кататься по горкам крутым.
Пусть потешатся —
их не убудет.
К возмужанью дорога крута.
Будут новые люди —
и будут
по Сибири расти города!
Метрополии угля и газа,
суперпорты у нефтеморей...
Так чего же тягаться-пугаться
обреченной деревне моей?
Есть конец —
значит, есть и начало.
Жизнь прошел —
становись на привал.
С новизной Стрежевого, Бакчара
век Малиновых Грив миновал.
Пробил час их.
И неумолимо —
по законам таежной борьбы —
наступает на избы малина,
обступают задворки грибы.
И над ними,
над нами,
над прошлым,
уходящим навеки за кадр,
выжидающе-молча,
как коршун,
распростерся багровый закат...

Хозяйка каменного карьера москвичка Нина Дроздова.

Подушка БАМа — рабочее место бригады.

На дорогах Тынды.

«ОГОНЕК» НА БАМе

ВПЕРЕДИ ЧАРА

В. КУЗНЕЦОВ, специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора

Крутой подъем кончился, и четырнадцатитонный автосамосвал легко покатил под гору. В рамке ветрового стекла открылась взору широкая просека, устремившаяся на запад. Часть просеки уже покрыта железнодорожной насыпью, на которой заметны прямые линии — мосты и окружности — водоводы. Параллельно с насыпью золотится свежестью песка лента дороги, по ней бежит наша машина. Автодорогу и насыпь украшают разноцветные точки — машины, тракторы, краны, катки...

Сворачиваем влево, на неширокий перешеек, соединяющий готовую автомобильную дорогу с будущей железной. Шофер Дмитрий Макарцев осторожничает, будто в кузове не полтора десятка тонн камней и щебня, а ящики со стеклянными пробирками. И машина удивительно послушна.

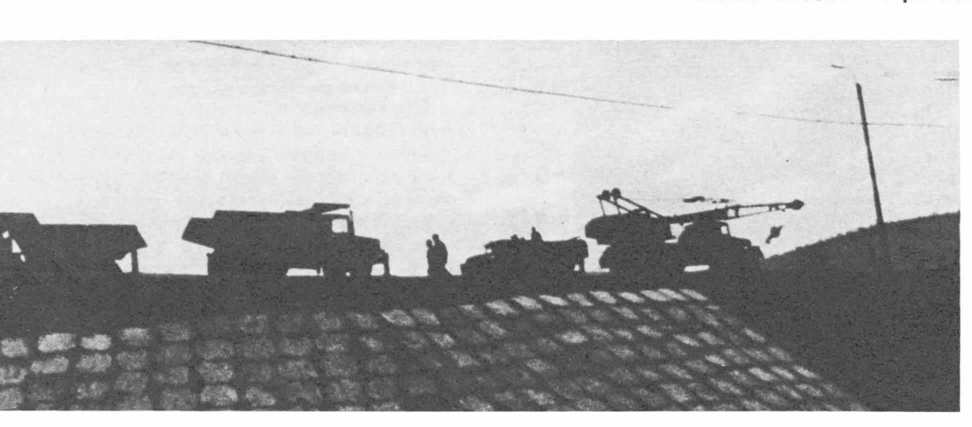
— Давно за баранкой этой машины? — спрашиваю я.

— Нет. Недавно всей бригадой переучились,— отвечает Дмитрий Макарцев.— Нашу сто сорок первую мехколонну пересадили на новую импортную технику. Получили вот эти автомобили из ФРГ и сейчас как бы испытываем их, смотрим, на что способны. Начинал-то я строить магистраль на «МАЗе». Тогда мы делали насыпь линии Бам — Тында. «МАЗ» — машина хорошая, надежная. Плохо только то, что здешний мороз пробирается в кабину.

Костя Слезин — строитель БАМа.

В кабине автомобиля из ФРГ комфорт, но вообще-то говорить о нем пока рано, посмотрим, как поведет себя зимой. Да, БАМ потребовал немало техники, слышал я, что одних только самосвалов грузоподъемностью десять — двадцать тонн на стройку поступит более десяти тысяч. Видишь, страна дает бамовцам все. И мы, бамовцы, должны беречь технику. А наш брат, шоферы,— люди ведь разные. Большинство-то, конечно, понимает, но есть и такие: чуть захандрит двигатель или еще что, они скорей орать: «Давай новый».

Дмитрий оборвал рассказ и, выполняя распоряжение мастера, регулирующего отсыпку, включил заднюю скорость. Самосвал попятился в центр насыпи.

Неделю назад этот участок уже был отсыпан, выровнен и укатан. И вдруг камни провалились, поглощенные болотиной, в насыпи образовался прогиб. Обычное коварство вечной мерзлоты.

Освободив машину от груза, самосвал пошел в новый рейс.

— Сколько рейсов делаешь за день?

— А это как придется. Сейчас отсыпаем девятый километр — он рядом с карьером — так делаю рейсов по сорок. Столько же накручивает напарник во вторую смену. В общем, на один самосвал в сутки приходится тысяча тонн грунта. Бригада у нас комсомольско-молодежная — шоферы, экскаваторщики, бульдозеристы, всего сорок два человека. Двенадцать машин, три экскаватора, три бульдозера. Бригадир наш Гриша Запорожец. Есть у нас в бригаде почетный член — герой Великой Отечественной войны разведчик Николай Кузнецов. Работаем комплексом. Деньги — всем поровну. Доля Николая Кузнецова идет в Фонд мира.

Макарцев повернулся в мою сторону и улыбнулся. Лицо у него доброе, славное.

Он вырос на Украине, в Черкасской области. Окончив школу, сел за руль. Не расставался с машиной и в армии. Отслужив действительную, вернулся домой. Узнал от друзей о формировании ударного комсомольского отряда на строительство Байкало-Амурской магистрали и тут же отправился в райком комсомола. Здесь, на БАМе, комсомольцы бригады выдвинули Дмитрия своим вожаком. Тындинцы избрали его депутатом в районный Совет.

Друг Дмитрия, Костя Слезин, серьезный и основательный парень, управляет экскаватором. Пять-шесть до секунды рассчитанных поворотов механического хобота, и самосвал загружен. Отъезжаем, уступая место машине Володи Чуйко.

Работа у Кости ответственная и на виду. От экскаваторщиков во многом зависят дела всей бригады. Раньше они были сами по себе. Черпали, грузили, покуривали. Шоферы тоже были наособицу. Выйдет из строя экскаватор — шоферам до него дела нет, отдыхают. Автомобиль поломался — чини, хозяин, сам. И общее дело от этого страдало. Вот тогда-то Григорий Запорожец и предложил создать комсомольско-молодежную комплексную бригаду, где один за всех и все за одного. А деньги поровну, так же, как и работу. Ребята поддержали, проголосовали за комплекс. Так в феврале этого года родилась первая на центральном участке строительства магистрали комплексная бригада механизаторов. Сейчас она работает на сооружении насыпи для линии Тында — Чара. Заканчивают отсыпку на одном участке и берут аккордный подряд на следующие четыре километра. Берут и повышенные обязательства: на каждый кубический метр ковша обязуются разработать и отсыпать двадцать тысяч кубометров грунта. А главное — обязуются содержать полученную технику так, чтобы доработать на ней до конца строительства дороги. Обстановка в бригаде, как и на всей стройке, такова, что человек ощущает себя частью сообщества единомышленников, людей молодых, сильных, беззаветно преданных своей Родине, традициям отцов, положивших начало коммунистическому отношению к труду.

РАВЕНСТ

Равенство, развитие, мир — эти три лозунга стали девизом проходящего ныне Международного года женщины, провозглашенного XXVII сессией Генеральной Ассамблеи ООН. Никогда прежде не звучал столь авторитетно голос женской общественности, выступающей против милитаризма, за прочный мир, за национальное и социальное освобождение народов. Разрядка международной напряженности, осуществленная благодаря миролюбивой внешней политике Советского государства и других стран социалистического содружества, открывает большие возможности для развития демократического женского движения во всем мире.

Вот почему 1975 год наполнен встречами, конференциями, симпозиумами, на которых со всей остротой ставятся проблемы правового положения женщин и социального развития. Главным событием года является Всемирный конгресс в Берлине, посвященный Международному году женщины.

«Один из очень серьезных выводов, который уже можно сделать из многих мероприятий года,— это то, что борьба женщин за свои права все теснее сливается с общей борьбой народов за демократическое переустройство общества, носит политический характер,— подчеркивает председатель Комитета советских женщин В. В. Николаева-Терешкова.—...Мы гордимся тем, что нашему поколению дано открыть новую страницу в истории женского движения, что наши усилия будут способствовать установлению во всем мире должного положения женщины в обществе».

Сегодня, в канун открытия Всемирного конгресса в Берлине, «Огонек» пригласил на свои страницы девять советских женщин с просьбой рассказать о своей жизни и работе в этот знаменательный для каждой из них год.

ПОЕТ О НАС СТРАНА

Помните довоенную песню:

А ну-ка, девушки,
а ну, красавицы,
Пускай поет о нас страна!

Эти слова и о ней, Татьяне Викторовне Федоровой, о ее подругах, их юности.

Вся жизнь Федоровой связана с метро. Девчонкой начала землекопом, была проходчиком, бригадиром бетонщиков. Ее избрали членом правительства. Перед самой войной закончила Московский институт инженеров транспорта. Начальник смены, потом участка, а затем четырнадцать лет начальник шахты — единственная женщина в Советском Союзе.

7 сентября 1941 года в Москве состоялся митинг, принявший обращение к женщинам всего мира. Вместе с Мариной Расковой, Полиной Гризодубовой, Долорес Ибаррури с трибуны митинга выступала и она, Татьяна Федорова. Она участвовала и в первом Международном конгрессе женщин в Париже в конце 1945 года, была избрана в руководство Международной демократической федерации женщин.

ФЕДОРОВА Т. В. Международный год женщины всколыхнул женское движение и придал ему новую силу. К голосу женщин прислушиваются в Организации Объединенных Наций. Международная демократическая федерация женщин пользуется сегодня большим авторитетом в мире. И по сей день я работаю в Комитете советских женщин.

Совсем недавно была волнующая встреча с представительницами Южного Вьетнама, с Нгуен Тхи Динь, председателем Союза женщин за освобождение Южного Вьетнама. Мы показывали друзьям метро, и на одной из станций наши девчата подарили гостям букеты незабудок. Подруги из Вьетнама спрашивали, как называются эти нежные цветы, просили семена. А потом мы привезли их на станцию, построенную в послевоенный год. Там на одном из плафонов изображена встреча вернувшихся с победой воинов, им дарили такие же незабудки.

Иногда за рубежом меня спрашивали: «У вас женщины и на стройках и тракторы водят, так работать их заставляет ваш строй?»

...Мне шел пятнадцатый год, когда я пришла на строительство метро. Дали спецовку, сапоги 41-го размера. И работать приходилось по колено в воде, но трудились мы с песней. Я никогда не забуду тех лет и считаю, что нам, советским женщинам, можно только завидовать, раз у нас есть дело наравне с мужчинами.

Сейчас женский труд запрещен на подземных работах. В годы войны, когда наши товарищи ушли на фронт, под землей трудились женщины и девушки на самых «неженских» постах. Об этом сейчас напоминают таблички, которые вы видите на станциях метро: «Сооружена во время войны».

А сколько сегодня девчат поехали на БАМ, где и романтики и трудностей хватает! Могу только гордиться ими. Пусть ходят они и в мини-юбках и в длинных шиньоны пусть прикалывают — ни слова в осуждение не скажу: пусть носят то, что модно. Главное, что они живут духом времени, в ритме всей страны, трудятся на самых главных стройках и сопричастны самым высоким идеалам!

Больше всего ценю людей неунывающих, коллективистов. Мне всегда радостно думать о Прасковье Андреевне Малининой, председателе колхоза, неутомимой, веселой женщине: она и в хоре поет и государством управляет.

Я написала книгу «Наверху Москва». На жизненном пути я встретила много чудесных людей — и гвардии рядовых рабочего класса и общественных деятелей. Когда строили первую шахту, над нами шефствовал Коминтерн, в юности посчастливилось знать и Георгия Димитрова, и Жака Дюкло, и Мориса Тореза, и Вильгельма Пика. Познакомилась со Станиславским и Роменом Ролланом и с Валерием Чкаловым встречалась.

Недавно ездила в Грузию и Азербайджан и очень порадовалась за моих подруг: Нина Джавахишвили стала заместителем председателя горсовета, Нина Джавахишвили — член-корреспондент Академии наук Грузии, Виктория Серадзе — секретарь ЦК Коммунистической партии Грузии. Они работают с большим энтузиазмом. А это ведь главное — найти дело по душе! Мне лично это удалось и потому считаю себя счастливой. Мой долголетний труд в коллективе Метростроя увенчан самой почетной наградой Родины: в канун Дня Победы мне присвоили звание Героя Социалистического Труда. Это награда нашему комсомолу, который меня вырастил. Приходили поздравлять и бывшие пионеры, и бывшие фабзайцы, и метростроевцы. Какая это радость для женщины — большая и дружная семья!

Около двух миллионов орденов и медалей вручено советским женщинам. 4 760 женщин удостоены высокого звания Героя Социалистического Труда, а 25 из них дважды награждены золотой медалью «Серп и Молот».

СТО ПЕРВОЕ ИНТЕРВЬЮ

Секретарь ЦК ВЛКСМ Зоя Григорьевна Новожилова, пожалуй, одна из самых молодых участниц сегодняшней встречи на страницах «Огонька». Она родилась в 1943 году. В семье колхозников из Курской области, кроме Зои, было девять детей.

В день нашей беседы на столе у секретаря ЦК ВЛКСМ лежала книга «100 интервью с советскими женщинами», изданная «Молодой гвардией» в этом году. Сто знаменитых женщин страны берут здесь слово. И среди них — Галина Нестерова, технолог Курганского завода колесных тягачей, депутат Верховного Совета СССР, Ирина Шевчук, актриса киностудии имени А. Довженко, Любовь Чураева, бригадир комсомольско-молодежной бригады отделочников треста «Бамстройпуть».

НОВОЖИЛОВА З. Г. Вот какие они, наши женщины: труженицы, активистки, романтики!

Неистребима у юности тяга к трудному и неизведанному, и останется она, наверное, на века. Но одно качество, характерное для сегодняшней молодежи, я хотела бы назвать — зрелое, ответственное отношение к выбору своего места в жизни, стремление быть полезным стране. Поэтому именно молодые сегодня — на важнейших стройках, они инициаторы новых трудовых починов. Всю страну облетел призыв «Работать за себя и за того парня!». У истоков этого патриотического движения стояли московские комсомольцы Игорь Скриник и Ирина Бондарева.

Стремление проявить себя, почувствовать, что твои руки нужны стране, появляется уже в школьном возрасте. Почти восемь миллионов старшеклассников участвовали в летней трудовой четверти под девизом «Мой труд вливается в труд моей республики».

В рядах комсомола свыше 34 миллионов человек. Вся система нашей работы направлена на то, чтобы воспитать каждого юношу и девушку деятельным, целеустремленным гражданином, борцом за интересы своей страны. Школу комсомола прошли немало женщин — героев труда, общественных деятелей. Их имена известны всей стране. Среди героев этого года — победитель соревнования на приз Ангелиной, совхозная трактористка из Целиноградской области Наталья Геллерт, лауреат Всесоюзного конкурса молодых ткачих Мария Афонина из Брянска. Многие из девушек уже получили почетное право подписать Рапорт Ленинского комсомола XXV съезду КПСС.

Безусловно, одним из самых важных событий этого года стала Всемирная встреча девушек в Москве, которая только что закончилась. Ничего подобного не было до сих пор в истории. В этой встрече приняли участие более 400 делегаток из 111 стран, представительницы 20 международных и региональных организаций. Мы горды тем, что стали хозяйками форума. Это — свидетельство международного авторитета советской молодежи, нашего государства. Мои современницы, живущие в разных уголках земли, смогли увидеть собственными глазами, как осуществляется в СССР женское

ВО—РАЗВИТИЕ—МИР

равноправие, как Коммунистическая партия и Советское правительство заботятся о женщине. Встреча, я считаю, даст новый импульс борьбе женщин против дискриминации, за участие в социальной и политической жизни.

Моих сверстниц в некоторых странах за рубежом стремятся оградить от общественных дел. Женщине отводится роль безропотной жены, благочестивой матери, хранителя домашнего очага. В ФРГ, например, девушкам доступны только 23 профессии, но и полученное образование еще не гарантирует работу. В США безработица среди женщин в полтора-два раза выше, чем среди мужчин, причем самый высокий процент — среди девушек до 20 лет. У нас только в профтехучилищах, которых в стране 6 тысяч, у девушек есть возможность приобрести 975 специальностей.

Три миллиона семьсот тысяч женщин отмечены орденами «Материнская слава», десять миллионов — медалями «Медаль материнства». Знак высшей материнской доблести —почетное звание «Мать-героиня» — имеют двести тысяч матерей.

В чем, по-моему, состоит женское счастье? В возможности участвовать вместе с мужчиной в производстве, общественных делах, в жизни страны. В благополучии семьи, счастье и здоровье детей, над которыми мирное небо.

Советские женщины окружены заботой государства. Мужчины дарят им, своим неутомимым коллегам и верным спутницам, уважение и любовь. И я желаю вам, дорогие соотечественницы, много прекрасных, светлых дней в любом году.

«НИЗКИЙ ПОКЛОН ТЕБЕ, РУССКАЯ ЖЕНЩИНА!»

Ярким осенним солнцем залит просторный кремлевский двор. По кремлевской брусчатке энергично идет высокая, статная женщина. У входа в здание Президиума Верховного Совета она замедляет шаги, достает из сумочки удостоверение и протягивает дежурному. Тот с улыбкой возвращает его: «Пожалуйста, товарищ Мордюкова!»

Через четверть часа под председательством члена Политбюро ЦК КПСС, Первого заместителя Председателя Совета Министров СССР К. Т. Мазурова начинается очередное заседание Комиссии по проведению Международного года женщины в СССР и народная артистка Советского Союза Нонна Викторовна Мордюкова займет свое место за столом.

МОРДЮКОВА Н. В. В такие минуты я мысленно возвращаюсь к простой, мудрой русской женщине Александре Соколовой, так блистательно сыгранной Верой Марецкой в фильме «Член правительства».

Я бы фильм этот предъявляла за рубежом как визитную карточку советской женщины! В Португалии священники пугают крестьянок социализмом и колхозами, и я подумала: вот бы познакомить их с нашей крестьянкой Александрой Соколовой. Пусть бы поглядели, как распрямило и возвысило женщину наше социалистическое государство. Мы современницы многих замечательных событий, которые сегодня происходят на земле. Мир, социальное равенство, единство — эти слова стали паролем. На заседаниях Комиссии мы обсуждаем сейчас работу наших общественных организаций, и особенно отчетливо видно, как же далеко шагнула наша советская женщина. Она участница международных симпозиумов ученых. Она лечит ребятишек в далекой африканской стране. Она вместе с геологами ищет в пустынях полезные ископаемые. Честно признаюсь, я влюблена в нашу женщину, влюблена с трудных военных дней. Неизбывная сила жизнелюбия, великая душевность, веселость нрава — ну, как не полюбить за все это наших женщин! Иногда на Западе нас, «бедных», жалеют: мол, все мы только о работе и думаем, а радостей земных не знаем. Услышишь такое, посмеешься, но и задумаешься. Ведь сколько у нас замечательных фильмов о женщинах, поистине золотой фонд! Мы завоевали право показать всему миру красоту и величие наших современниц. Мне очень дороги мои героини из картин «Простая история», «Председатель», «Русское поле», «Возврата нет».

Французский продюсер, с которым меня однажды познакомили, увидев «Простую историю», был восхищен. Но он посетовал, что рядовой француженке не понять жизнь моей героини, председателя колхоза. Что ж, может быть, мещанка, которая живет только заботами о своем доме и кошке, и вправду не поймет. Но тысячи француженок, которые участвуют в международном женском движении, поймут и другим сумеют объяснить, что такое коллектив.

440 тысяч женщин являются научными работниками, 5 тысячам женщин нашей страны присвоены ученые звания и степени академиков, членов-корреспондентов Академии наук, профессоров и докторов наук, 15 тысяч женщин являются членами творческих союзов: писателей, художников, композиторов, кинематографистов, архитекторов, журналистов.

Вообще этот год у меня счастливый. Съемки в фильме Бондарчука, с которым я очень люблю работать, участие в новой киноленте по сценарию Юрия Нагибина «Семья Ивановых», где я играю с Рыбниковым, и, наконец, на днях вместе с писателем Анатолием Калининым, режиссером Алексеем Салтыковым мы обсуждали будущую картину, в которой мне предстоит сниматься,— «Эхо войны». Это будет фильм не столько о войне, сколько о судьбах поколений.

Мне очень по сердцу фильм «Они сражались за Родину». Хотя моя героиня Наталья Степановна недолго живет на экране, тема верности, которую она несет, нерасторжима с идеей шолоховского сценария. С этой картиной мы едем на Кипр для участия в кинофестивале, посвященном тридцатилетию Победы над фашизмом.

Международный год женщины проходит одновременно с юбилеем тридцатилетия Победы над фашизмом. Это не простое совпадение, как не случайно и то, что наши, советские женщины были инициаторами проведения самого первого Всемирного конгресса в защиту мира. Война и женское счастье несовместимы.

ТОЧНЫЙ БАРОМЕТР

«Школа — довольно точный барометр, она живо реагирует на события, которые происходят сегодня в мире,— говорит заместитель министра просвещения СССР Марина Ильинична Журавлева.— Благодатный микроклимат, созданный осуществлением ленинской Программы мира, ощущаем и мы, педагоги».

ЖУРАВЛЕВА М. И. Педагогика в наши дни стала традиционно женской специальностью. Например, в СССР 71 процент учителей — женщины. На заседании Комиссии по проведению Международного года женщины мне недавно довелось выступать с сообщением о состоянии дошкольной системы воспитания. Для нас этот год был деятельным и плодотворным. Мы видим, как растет за рубежом интерес к нашей педагогике, к русскому языку. Чувствуется влияние разрядки международной напряженности. Ширятся международные связи, советских учителей приглашают на работу во многие государства, прежде всего в развивающиеся страны. Особенно много наших преподавателей сегодня в Конго, Мали, Сенегале, Сомали, Замбии, Танзании. Письма, которые получают советские учителя от своих учеников из-за рубежа, могли бы составить не одну книгу. Государства, где десять лет назад о контактах с СССР всерьез и не помышляли, сегодня присылают к нам делегации, которые изучают достижения советской педагогики.

Некоммуникабельность, разобщенность и индивидуализм, процветающие в капиталистическом обществе, привели к катастрофическому росту психических заболеваний среди молодежи, к увлечению наркотиками. Это тревожит прогрессивную часть американского общества и прежде всего

учителей. И вот американцы решили исследовать наши методы воспитания черт коллективизма в дошкольном возрасте. В этом году уже во второй раз будет проходить совместный советско-американский педагогический семинар по вопросам обучения, воспитания. Достигнута договоренность о создании совместной комиссии по учебникам.

В подобных двусторонних комиссиях уже давно и успешно работают советские педагоги и ученые со своими коллегами из Болгарии, Венгрии, Польши, ГДР, Чехословакии и Финляндии. Сотрудничество с коллегами из социалистических стран переросло в близкую дружбу и совместную работу. Единая марксистско-ленинская основа развития школьного образования и общие задачи диктуют сегодня необходимость обобщить наш опыт в области интернационального, идейно-политического, нравственного и эстетического воспитания молодежи. Именно об этом шла речь на 1-й конференции министров просвещения социалистических стран, которая проходила в Москве в этом году.

У педагогов Финляндии и Швеции большой интерес к нашей организации всеобщего обязательного среднего образования. Ни для кого не секрет, что в капиталистических странах сознательно предусматривается разделение школьников на «талантливое» меньшинство — элиту, которой предстоит учиться дальше, и «бесталанное» большинство, которому путь к знаниям закрыт из-за тощего кошелька родителей. В этом суть классового подхода.

Среди специалистов с высшим и средним образованием 50 процентов составляют женщины. 31 процент советских инженеров, 72 процента врачей.

В нашей стране каждый имеет право получить законченное среднее образование. Не случайно наша методика обучения вызывает большой интерес в мире. Когда социалистическая Куба принялась за создание новой системы образования, первыми помощниками кубинских учителей стали советские педагоги.

Женщина стоит у колыбели человека. Она ведет за руку ребенка, когда он делает первые шаги. Она объясняет, как пишутся буквы, учит различать добро и зло. Вот почему можно всех женщин на земле по праву назвать педагогами.

Наш социальный строй — главная гарантия подлинного равноправия. Мало того, наш закон охраняет его. В статье 139 Уголовного кодекса РСФСР подчеркивается: тот, кто откажет в приеме на работу женщине, которая ждет ребенка, или кормящей матери, будет нести за это уголовную ответственность!

Научно-техническая революция расширила участие женщин в сфере производства и в капиталистических странах. Но из-за существующей дискриминации в общественном положении, в уровне образования и профессиональной подготовки женщина по сравнению с мужчиной имеет, как правило, более низкую квалификацию. Концентрация женского труда выше всего в сфере услуг. Женщина — постоянный резерв рынка труда и первой страдает от безработицы. Таким образом, принцип равной оплаты за равный труд, провозглашенный в ряде международных актов, не выполняется. По данным Международной организации труда, зарплата женщин в капиталистических странах ниже, чем у мужчин: в Швеции — на 24 процента, а в Японии — почти на 50.

В августе этого года в Москве проходил международный симпозиум на тему «Законодательное регулирование участия женщин в политической, экономической и общественной жизни». Среди участниц этой встречи была также Нобуко Инако, представительница Японии. И вот она, известный профессор социологии, выступая на симпозиуме, с горечью говорила, что заработок ее коллег-женщин гораздо меньше того, что получают за ту же работу мужчины. Увы, острая социальная проблема не решена еще во многих странах. И потому наша большая работа в защиту прав женщин не должна завершаться вместе с окончанием Международного года женщины.

НЕ НА СЛОВАХ—НА ДЕЛЕ!

В списке для голосования стояло четырнадцать кандидаток. Четырнадцать имен авторитетных юристов-женщин из разных стран мира. Тринадцать фамилий надо было вычеркнуть и оставить одну. Шли выборы вице-президента Международной федерации женщин юридических профессий. Наконец председатель объявил: «Избрана Нина Сергеева, Советский Союз».

Наша встреча с Ниной Юрьевной произошла в Москве, в ее служебном кабинете с табличкой на двери «Заместитель председателя Верховного суда РСФСР». Этот пост Нина Юрьевна занимает с 1957 года. Она вице-президент Ассоциации советских юристов и уже во второй раз избрана вице-председателем Международной федерации женщин юридических профессий. Н. Ю. Сергеева — член Комитета советских женщин, участница многих международных встреч, посвященных защите прав женщин.

СЕРГЕЕВА Н. Ю. Что заставляет нас сегодня так много говорить о равноправии? В наши дни заметно усилилась социальная активность женщин. Одна треть всех материальных благ на земле создается трудом, умом и талантом тех, кого принято называть слабым полом.

Например, в нашей стране женщины составляют больше половины среди тех, кто участвует в общественном производстве. В США — 39,2, в Японии — 32,4 процента.

Такое широкое участие советских женщин — огромная заслуга нашей партии и государства. С первых шагов Советского государства были разработаны экономические и правовые мероприятия, которые стимулируют вовлечение женщин в общественное производство. Веками шли споры о том, должна ли жена и мать ограничить круг своих интересов семьей, детьми? Марксизм ответил исчерпывающе: женщина должна участвовать в полной мере в социальной жизни и общественном труде, это обогатит ее духовно, и, следовательно, тогда она сможет больше дать своей семье, своим детям.

Ко многим нашим достижениям мы так привыкли, что перестали удивляться. Как-то в руки мне попал журнал «Вестник воспитания» за 1908 год, где было написано, что в Российской империи женщины избавятся от неграмотности не раньше чем через 280 лет! 80 процентов всех работающих женщин в то время были заняты неквалифицированным трудом. Прислуга, прачка, поденщица — вот основной набор женских специальностей.

Сегодня в нашей стране женщины осваивают все виды профессий. Это не стихийный процесс, а результат целенаправленной политики нашей партии и государства. Об этом шла речь на многих съездах партии, включая XXIV съезд. Я хочу подчеркнуть прямую связь между решениями, записанными в партийных документах, и законодательными нормами.

В конституциях буржуазных стран вы найдете слова о женском равноправии. Но что стоят эти права без реальных гарантий?

ХЛОПОК С МОИХ ПОЛЕЙ

Герой Социалистического Труда Саодат Гульахмедова — бригадир колхоза имени Хамзы, Ташкентской области. Уже не первый год она является членом Ташкентского областного женского совета.

ГУЛЬАХМЕДОВА С. Однажды в холле московской гостиницы ко мне подошла женщина примерно моих лет. Это была иностранка, через переводчицу она сказала: «Вас украшает Золотая звезда. Очевидно, вы все свои силы и время отдаете работе, но молодость быстро пролетит. Вам не жалко себя, ведь вы женщина!» Я искренне ответила, что не мыслю жизни без своей работы, что живу так, как мне хочется. Приносить людям и радость и пользу — в этом и мое личное благо.

Минувшей весной из-за небывалой засухи пришлось принимать срочные меры, чтобы спасти молодые всходы хлопчатника. Признаюсь, тревожные были дни. Но осенью, когда на заготовительных пунктах поднялись белые горы хлопка, я подумала: а все-таки хороший был год, счастливый, и я счастлива. Неустанный труд нашей бригады увенчался успехом. Впервые в истории колхоза имени Хамзы урожайность хлопчатника составила пятьдесят центнеров! Естественно, это большая радость для всех нас. Я уверена, счастье — в успешном преодолении трудностей. Но не всяких. Еще много времени отнимают у женщин кухонные и другие домашние заботы, которые вовсе не доставляют радости, когда вернешься домой с поля. Я считаю, нужно сделать решительный шаг в развитии службы быта на селе. Это значит, что у миллионов тружениц станет больше времени для воспитания детей, для отдыха и участия в общественной жизни.

Не случайно Международный год женщины имеет три лозунга: Равенство, Развитие, Мир. Эти три понятия тесно связаны с каждой женской судьбой. Принцип равенства в нашей стране восторжествовал. Добиться равенства для женщины в тех странах, где его нет, помочь развитию личности там, где женщина угнетена, обездолена,— в этом благородная цель международного женского движения. А необходимейшее условие для осуществления этой цели — прочный мир во всем мире.

ЕСТЬ ГДЕ РАЗВЕРНУТЬСЯ

Гальванический участок Таллинской ювелирной фабрики небольшой, ритм работы спокойный, операции все давно известны. Но вот входит в цех Юта Эльмик, простая работница, одна из многих. Халатик сверкает белизной, улыбка солнечная, а язык — бритва. Юту избрали в комсомольское бюро фабрики, она возглавила сектор культурной и спортивной работы. Каждую неделю комитет комсомола придумывает что-нибудь интересное! И обязательно с выездом в загородный дом отдыха. Юта подавала пример, начала играть в волейбол и баскетбол, в теннис и пинг-понг, а со стрелковым кружком отправлялась в тир. Одно время увлеклась парашютным спортом и

лыжами. А еще она любит фабричный ансамбль эстрадной песни, где и сама поет.

ЭЛЬМИК Ю. Э. Осенью ансамбль пока бездействует — грибной сезон! Грибов уйма. И в цехе у нас «урожай» хороший. Скоро наше предприятие переедет в новое здание. А пока надо думать, как бы в новые цеха не войти со старыми привычками. Что я имею в виду? Не люблю хмурых людей. Не люблю тех, кто садится на комсомольском собрании на последней скамейке, чтобы их не «вовлекли». А еще не люблю авралов, штурмовщины в конце месяца. Хочется, чтобы всего этого не было в нашей работе.

Я не знаю войны, я родилась, когда следы ее сгладились, но понимаю, что мир — это то, без чего немыслима сама жизнь.

1975 год в моей биографии необыкновенный: в одно прекрасное утро я узнала, что меня выдвигают кандидатом в депутаты Верховного Совета республики. Чувства были разные — я и обрадовалась и испугалась. Ведь такая ответственность. Стала искать статьи о работе депутатов, штудировала указы, постановления, кодексы. Теперь я должна все это знать назубок. Больше всего меня поразил первый вопрос на первой встрече с избирателями: «Собираетесь ли вы выходить замуж?» Я растерялась, но тут же ответила: «Во всяком случае, не в данную минуту и не на данном собрании!» После разговор пошел деловой. О трудоустройстве, о производстве. Первая сессия меня многому научила. Я член планово-бюджетной комиссии. А что касается того первого вопроса, то у каждого человека должна быть семья. Я к этому очень серьезно отношусь: чтоб никаких ошибок, никаких разводов! За кого выхожу, пока секрет, но на свадьбу приглашу.

Хотите знать, какую проблему считаю самой острой? Отношение к труду! Почему наш цех выполнил пятилетку еще в апреле, а другие отстают? Дело не в способностях. Дело в атмосфере, которая царит в коллективе. И тут мы, женщины, можем многое сделать. По-моему, мужчинам, особенно тем, кто любит после работы полежать на диване, надо брать пример с жен, которые ответственны и за производство и за домашние дела. Как будет хорошо жить, когда все люди станут работать вдохновенно!

Около 500 женщин удостоены звания лауреатов Ленинской и Государственной премий в области науки и техники, литературы, искусства и архитектуры.

С НЕБОМ ПОРОДНИТЬСЯ

Это счастье — с небом
породниться,
Посвятить ему большую жизнь.
Повелителем стальной и грозной
птицы
Уходить в заоблачную высь.

Так звучит первая строфа стихотворения «Никогда не кончатся полеты». Его автор — летчик-испытатель, кандидат технических наук Марина Лаврентьевна Попович.

В Звездном городке, к дому, где живут Поповичи, подступает расцвеченный осенью лес...

— Сегодня летаю,— говорит Марина. Она женственна, элегантна и вместе с тем решительная, уверенная в себе. Многие наши девушки мечтают походить на нее. Ежедневно со всех концов страны и из-за рубежа ей приходят десятки писем. Молодежь просит советов, делится планами на будущее.

ПОПОВИЧ М. Л. Всегда я стараюсь помочь тем, кто об этом просит. Ощущение того, что ты нужна людям, способна что-то сделать для них полезное, дает несравнимое чувство удовлетворения. Без этого не может быть полного счастья, как его не может быть, если больны дети, если работа не приносит радости.

Мне порой говорят: «Какое надо мужество, чтобы летать, устанавливать мировые авиационные рекорды, проходить через звуковой барьер». Я отвечаю, что это все моя работа, мое призвание, моя радость. А мужество — и немалое — требовалось, когда я днем работала, вечером училась в институте, а потом бежала за продуктами, готовила обед, смотрела за детьми да еще, как каждая женщина, старалась быть хорошо причесанной и красиво одетой. Ведь тогда себя чувствуешь совсем по-другому, уверенней.

Мне кажется, свой «звуковой барьер» есть у каждой женщины. Чтобы с ним справиться, надо быть настойчивой, уметь дерзать, мечтать, добиваться выполнения намеченной цели. А главное, не быть равнодушной. Равнодушный человек — страшный человек. От равнодушия до предательства один шаг.

Часто спрашивают, приходилось ли мне выступать перед зарубежной аудиторией. Да, и не раз. Например, в Западном Берлине, куда я приехала в составе советской делегации. Выступала в огромном переполненном зале. Рассказывала о себе и чувствовала: не верят. Мои авиационные рекорды не подлежат сомнению, они зарегистрированы Международной авиационной федерацией, которая присудила мне диплом Поля Тиссандье за летные достижения, за вклад в развитие авиации... А вот что я по образованию инженер, кандидат технических наук да еще стихи пишу, не укладывалось в представление моих слушателей о советской женщине. Вот это и решили проверить. Стали задавать разные коварные вопросы, но потом дружно и горячо аплодировали.

И еще о счастье... Оно просто невозможно, если нарушен мир, если идет война. Я родилась на Смоленщине, в селе Самусенки. Едва пошла в школу, как фашисты напали на Советский Союз, наступило страшное лето 1941 года. Навсегда запомнила: большое, все вытоптанное поле пшеницы, и люди, в ужасе разбегающиеся кто куда. А рядом рвутся снаряды, бомбы, в воздухе стоит гул танков и самолетов.

Я летчик и отлично представляю, какие страшные демоны разрушения будут спущены с цепи, если начнется новая война. И прежде всего надо укротить этих демонов, надо решить проблему ограничения стратегических ядерных вооружений, самую жгучую проблему современности. На ее решение направлены усилия нашей партии, правительства. В этом заинтересована лично каждая женщина планеты.

Свыше трех миллионов женщин — члены Коммунистической партии Советского Союза, 12 миллионов — члены Ленинского комсомола.

САМОЕ ГЛАВНОЕ

Среди картин, выдвинутых летом этого года на соискание Ленинской премии,— три полотна украинской художницы Татьяны Ниловны Яблонской. «Вечер. Старая Флоренция», «Безымянные высоты», «Юность». Эти картины полны тишины, раздумья.

Мастерская у Татьяны Ниловны — в тихом месте. Крохотный палисадник с желтыми цветами, под ногами скорлупки от каштанов, а вдали, на холмах, виден в дымке весь Киев...

ЯБЛОНСКАЯ Т. Н. В детстве в темные августовские вечера я следила за падающей звездой, чтобы успеть быстро загадать желание, пока она летит. Желание было одно — быть художником!

Институт я закончила летом 1941 года, за несколько дней до начала войны. Через месяц, 24 июля 1941 года, едва успели эвакуироваться, родила первую дочь. Работала в колхозе дояркой. О живописи тогда не могло быть и речи. В ту горестную пору я часто по фотокарточкам — порой это было единственное, что оставалось у людей от погибших близких,— писала портреты отцов, сыновей, мужей...

Накапливались впечатления. Хотелось рассказать о дорогах войны, о доброте и силе наших женщин, взявших на себя и мужские заботы.

Я люблю писать простых женщин, за плечами которых уже немало прожито. Наблюдая за ними, я убеждалась, что с возрастом умная, интересная женщина не теряет, а, напротив, приобретает, становясь мудрой, сдержанной.

Конечно, мне по сердцу и молодежь, но мне кажется, в зрелом возрасте особенно проявляется цельность характера человека. У женщин — моих современниц, пожалуй, особенно сильно проявляется не только тяга к семье, присущая женщинам всех времен, но и влюбленность в свою профессию, в свое дело. Мне кажется: самое необходимое женщине — постоянное духовное обогащение. Для этого нужно поднимать свой культурный уровень, развивать интерес к музыке, театру, живописи.

Близость к природе, встречи с искусством возвышают человека. Чувство красоты, гармонии, мира — вот что должен нести художник людям.

У меня, конечно, бывали разные минуты в творчестве. Иногда не получалось то, что хотелось написать; иногда казалось: вот тут-то наконец нашла истину. Но, главное, чтобы поиски никогда не кончались.

Мне посчастливилось пробыть целый месяц в Италии — в Венеции, во Флоренции. Дома по памяти я написала картину «Вечер. Старая Флоренция». Италия настроила меня на размышления о мире, мире в широком, философском смысле: как спокойствие, как равновесие и гармония, побеждающая войну, рознь и ненависть. Эта же тема в картине «Безымянные высоты». На этих мирных безымянных высотах, заросших травой, прежде шли жаркие бои, здесь погибали люди, здесь убивали счастье. Но они, эти высоты, должны оставаться во веки веков мирными, освещенными закатом солнца.

Мир, защита его — вот главное, чему должна быть подчинена жизнь каждого из нас. Служить миру, счастью человека — разве это не прекрасно?

Гостей «Огонька» представляли: И. ГАВРИЛОВ, А. ГОЛИКОВ, А. ГОСТЕВ, Н. ИВАНОВА, В. КОСТЫРЯ, Н. КРЫЛОВА, Б. ЛАБУТИН, В. САЛЬМРЕ, Г. СМЕТАНИНА, В. ТУТИН, Н. ХРАБРОВА, Л. ШЕРСТЕННИКОВ.

Ю. НОВИКОВ

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА

Кажется, совсем недавно, в жаркий, солнечный августовский полдень, собрались у входа в один из павильонов ВДНХ сотни людей — деятели культуры и просвещения, представители книгоиздательств различных стран, а вместе с ними и мы, советские и зарубежные журналисты, чтобы присутствовать на торжественном открытии Международной выставки «Книга-75». В самом деле, всего месяц назад в огромном павильоне межотраслевых выставок, похожем на зал ожидания аэропорта (сходство усиливают лестницы и пандусы, ведущие на антресоли второго этажа), расцвеченном плакатами и транспарантами — сверху, а на уровне глаза — яркими пятнами цветастых суперобложек, еще бурлило людское кипение, стоял приглушенный гул голосов, звучала ненавязчивая музыка, светились телеэкраны, то тут, то там вспыхивали синеватые молнии фотокамер, а под потолком вдоль одной из стен бежали слова световой газеты, сообщая последние новости книжного смотра...

Ни минуты не пустовал павильон. Сюда, на ВДНХ, к книгам, несущим идеи мира и прогресса, съезжались отовсюду, со всех концов страны библиофилы, любители, коллекционеры, патриоты и специалисты книжного дела, деловые люди из-за рубежа. Общение «человек — книга» было открытым и массовым. Большинство экспонатов лежало на открытых стеллажах и стендах — бери, садись, читай, знакомься, оценивай. Даже видавших виды книголюбов поразили масштабы экспозиции — это был книжный город с «населением» в 25 тысяч экземпляров, говорящих на 88 языках, отечественных и зарубежных. Чтобы свести хотя бы шапочное знакомство со всеми, не хватило бы и месяца... «Вот уже несколько раз была на этой выставке. Удивительно прекрасен мир книг!»— записывает 30 августа посетительница Осипова и, возможно, не подозревает, что выразила чувства многих почитателей книги.

Быть или не быть книге в век электроники? Кажется, тут не может быть двух мнений. Но кое-где все еще проповедуют «низведение книги с престола» (именно так названа одна ни в чем не повинная книга!), все еще ратуют за приоритет кино- и телеэкрана. Конечно, сегодня телевизионную программу уже можно упрятать в кассету, а радиоприемник стал умещаться в нагрудном кармашке пиджака, и роль этих средств массовой информации, бесспорно, велика, но ничто не заменит древнейшее изобретение человека — книгу, как ничто не остановит стремление к знаниям или красоте художественного образа, выраженной в слове, печатными знаками. Книга нетленна: с нее начинается обучение грамоте, а затем человек не расстается с ней на протяжении жизни...

Как подчеркнул в приветственном письме участникам и гостям Московской международной книжной выставки Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев, «в современном обществе книга стала могучим средством развития материальной и духовной культуры, познания мира и распространения духовных ценностей, созданных человечеством на протяжении многовековой истории».

Пройдемся мысленно еще раз некоторыми маршрутами книжных перекрестков и проспектов нашего «города». Вот вводный зал, тема его экспозиции — борьба народов за мир на земле, за социальный прогресс, за дружбу и мирное сотрудничество, за безопасность и разоружение. Здесь книги, изданные в разных странах, и в центре — работы К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. Наглядным свидетельством торжества идей марксизма-ленинизма, стремления народов к прочному миру и общественному прогрессу, подтверждением того, что социализм — оплот мира, являются выставленные в экспозиции сборники произведений руководителей коммунистических и рабочих партий.

Покинув вводный зал и углубившись на «территорию» союзных республик, а затем дальше — к стендам братских социалистических стран, прогрессивных книгоиздательств ряда буржуазных государств, мы не раз еще увидим на книжных обложках знакомый ленинский профиль. По данным ЮНЕСКО, ленинские книги по числу переводов занимают первое место в мире: они изданы на 125 языках в 63 странах. Книги великого гения революции читает весь мир!

Попадая из одной гостеприимной республики в другую, с уважением и восхищением отмечаешь, какого расцвета достигли литература и книгопечатание народов Советского Союза.

Российская Федерация широко демонстрирует продукцию многих полиграфических предприятий, обслуживающих свыше пятидесяти издательств. Среди выставленных ею 2 тысяч книг, брошюр и альбомов обращают на себя внимание издания ленинских работ на башкирском, якутском и других языках, собрание сочинений В. И. Ленина в 45 томах на татарском языке, трехтомники избранных произведений вождя на якутском и тувинском языках; книги серии «В семье российской, братской» (издательство «Советская Россия»), сборники «На разных меридианах», «Борьба без компромиссов» (Лениздат), книги издательств «Просвещение», «Детская литература», «Московский рабочий», «Малыш», альбомы и монографии издательства «Художник РСФСР», сувенирные и подарочные издания предприятий Карелии, Урала, Поволжья, Дальнего Востока. В разделе художественной и детской литературы — произведения русских классиков, книги советских писателей, поэтов, литературоведов и критиков Российской Федерации. Широко представлены произведения Михаила Шолохова, 70-летие которого было отмечено в мае этого года.

Видное место занимает на выставке экспозиция изданий Украинской ССР. Полиграфисты республики порадовали разнообразием продукции, искусством своих умельцев. Достаточно упомянуть хотя бы самое маленькое в мире издание — «Кобзаря» Т. Г. Шевченко или не менее уникальную двухтомную «Энциклопедию кибернетики»...

В разделе Киргизской ССР среди многих отличных книг привлекает внимание оригинальное иллюстрированное издание «Манифеста Коммунистической партии» с воспроизведенными факсимиле обложек первых изданий этого труда, с великолепной графикой художника А. Мисюрева.

Узбекистан по выпуску книжной продукции занимает ныне третье место в стране после РСФСР и Украины. В выставочном отделе Узбекской ССР — книги, рассказывающие о годах становления республики и ее нынешнем дне. Как сказал председатель Госкомиздата Узбекистана З. И. Есенбаев, к концу девятой пятилетки полиграфические предприятия Узбекистана будут выпускать ежегодно 46,5 миллиона экземпляров книг. «Мы провели несколько дней в Ташкенте, Бухаре, Самарканде,— читаем запись, сделанную на французском в книге отзывов,— и нам приятно здесь, на выставке, увидеть книги Узбекистана, вспомнить о счастливых днях, проведенных в этой республике, богатой солнцем... Ч. Вене».

Подобных записей много в отделах и других союзных республик. Каждая из 15 республик имела свое неповторимое лицо, запоминалась теми или иными искусными полиграфическими изделиями, интересной тематикой книг, подарочными изданиями в национальном оформлении.

Грузинские мастера представили оригинальное факсимильное издание плакатов военных лет в металлической обложке с чеканкой, бессмертное творение Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» на грузинском языке и языках многих народов мира, сборник «Грузинская народная поэзия». Эстонцы, чье полиграфическое мастерство славится давно, знакомят нас с детской литературой на русском, эстонском и многих других языках; с двухтомником эстонской детской прозы «Во имя дружбы», с многочисленными переводами с более чем сорока языков. Армения продемонстрировала великолепные факсимильные издания памятников армянской поэзии (издательство «Айастан»).

«В едином строю» — так назвали свой сборник воспоминаний партизаны Белоруссии. В отделе этой республики немало изданий особо памятных. Потрясает своей трагической правдой альбом «Хатынь». Эту же тему продолжает недавно вышедшая книга «Я из огненной деревни» — воспоминания чудом спасшихся очевидцев трагедии. К книге приложена грампластинка — запись рассказов пяти очевидцев зверств фашистов. Интересны альбом «Советская Белоруссия», «Белорусская советская энциклопедия», издание которой завершилось в этом году...

Запомнились издания молдавского народного эпоса «Кодряну» с иллюстрациями народного художника СССР Т. Богдеско, монографии литовских издательств о М. Чюрлёнисе, детские книги, издающиеся в республике, широкий диапазон деятельности латвийских мастеров книжной культуры... Невозможно здесь просто перечислить все издания, определенные посетителями и знатоками как бесспорно удачные, а то и выдающиеся.

Экспозиции социалистических стран — каждая на свой манер, со своим колоритом. В этой части книжного «города» что ни «квартал», то яркий праздник национальной литературы и в то же время символика единства социалистической культуры, возросшего мастерства полиграфистов.

Внушительна экспозиция Болгарской Народной Республики, состоящая из пяти тематических разделов. В секции художественной литературы обращает на себя внимание тщательно выполненные издания серии «Мировая классика», издающейся с 1970 года. Книги по искусству — «Фракийское искусство», «Современная болгарская иллюстрация» и другие — чаще можно было видеть в руках посетителей, чем на стендовых полках. Популярностью пользовались и книги издательств «Народна культура», Партиздат, «Болгарский писатель» и других...

...Сотрудник министерства культуры Венгерской Народной Республики Янош Фехер, руководитель экспозиции ВНР, с гордостью показывает переводы советской литературы, серию красочных монографий о художниках XIX — XX веков, выпускаемых издательством «Корвина», книжки-картинки для самых маленьких.

...Мета Борст, руководительница экспозиции ГДР, насыщенной до предела, с использованием каждого свободного местечка, книгами «ин-фолио» и в «мини-формате», рекомендует познакомиться с популярной серией «Реклам» (родственной нашей ЖЗЛ), с книгами издательств «Нойес Лебен», «Ауфбау» и других, с антифашистской литературой, сборниками песен протеста, с изданиями классиков немецкой и мировой литературы.

...Директор польской экспозиции Данута Малиновска знакомит с продукцией издательства «Ксенджка и ведза», с его сериями выпусков для молодежи.

...Подолгу задерживались посетители в чехословацком отделе. Здесь много красочных альбомов о городах ЧССР, книг и брошюр по специальным отраслям знаний. Наше внимание привлекли книги Монголии, Вьетнама, Югославии, Румынии...

На обложках книг, изданных братскими странами, то тут, то там встречаешь фамилии советских авторов — наглядное доказательство, какого размаха и интенсивности достиг обмен культурными ценностями между социалистическими странами, как возросло за последнее время общение советских книгоиздателей, распространителей книги с их коллегами в зарубежных странах.

...Мадам Р. Лиленстен, генеральный директор парижского издательства «Фарандоль», сказала, что за 20 лет существования ее фир-

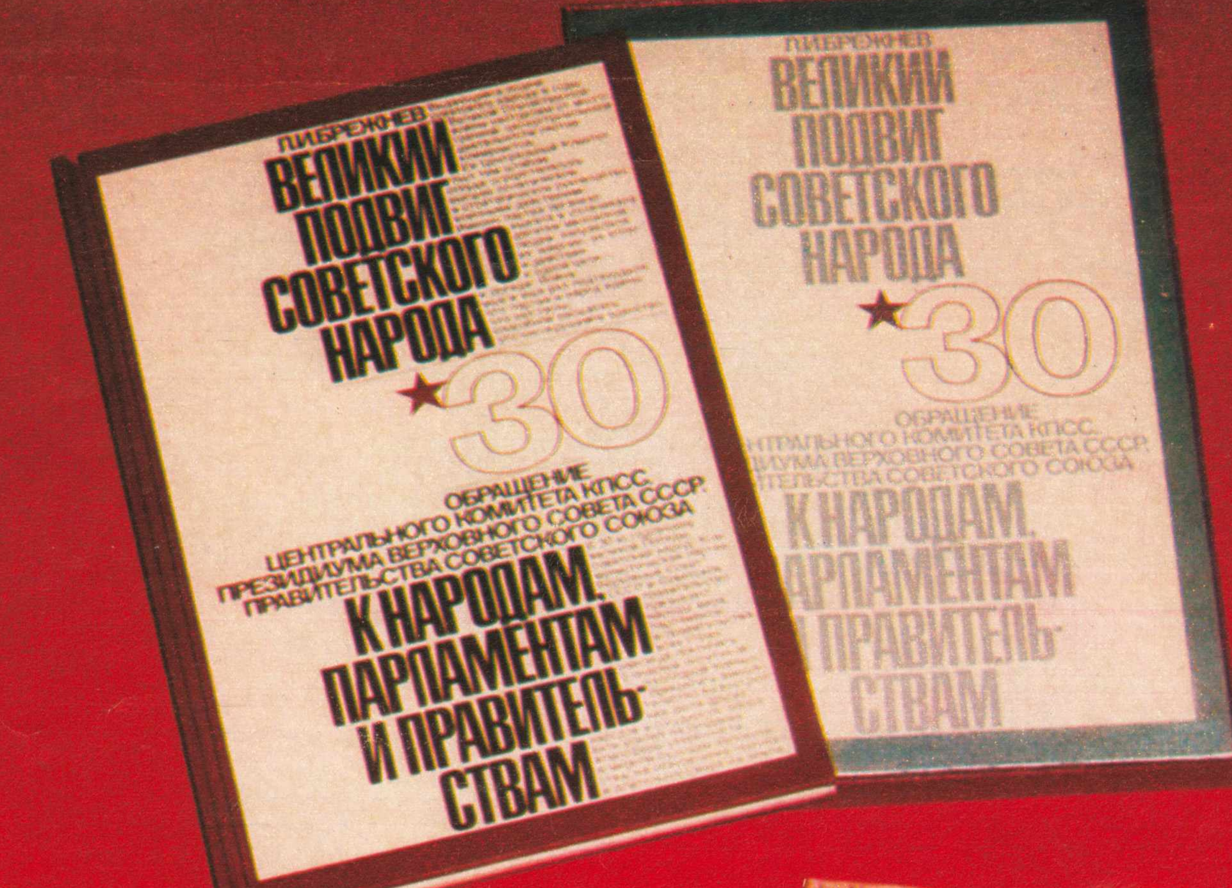
●

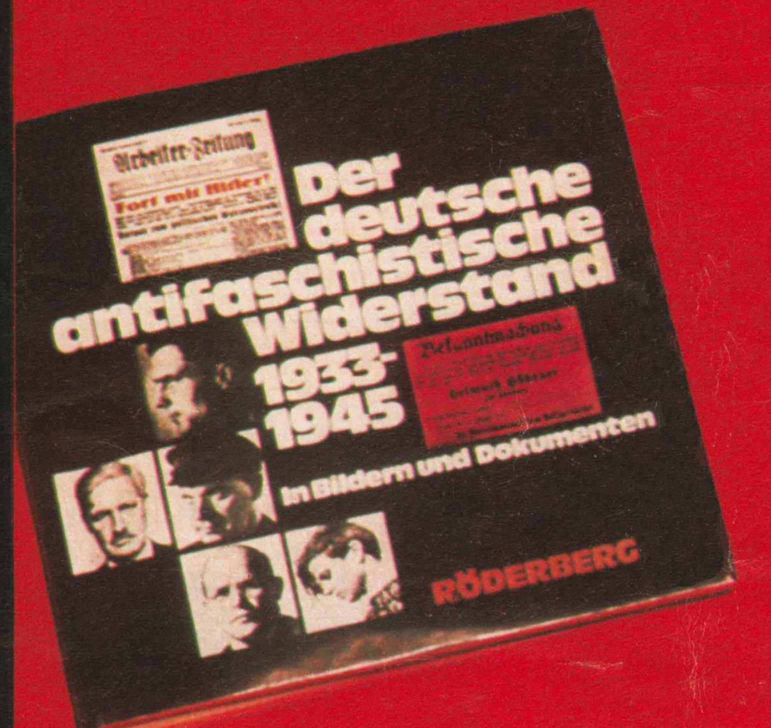
Издания, получившие высшие награды конкурса Международной выставки «Книга-75».

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:

Вводный зал. * Эмблема выставки. * Фрагмент стенда детских книг. * Самая большая книга. * Раздел «Человек и космос».

КНИГИ ВСЕХ КОНТИНЕНТОВ

МИРА–ПРОВОДИ ПОЛИТИКУ МИРА.
ЗА ЭТУ ПОЛИТИКУ!
Л. И. БРЕЖНЕВ

IF YOU WANT PE PURSUE TH
FIGHT FOR THIS ICY!

AUF DEM WEGE LENINS
AUF DEM WEGE LENINS
ДРУЖБА
FREUNDSCHAFT
FREUNDSCHAFT
ДРУЖБА
Im Zeichen des roten Sterns
Erinnerungen
ROTEN STERNS
Der Rat für Gegenseitige Wirtschaftshilfe
RGW
Sozialistische Integration
Spezialisierung und Kooperation der Produktion der RGW-
КНИГА 75
КНИГА '75
КНИГА НА СЛУЖБЕ МИРА И ПРОГРЕССА
МЕЖДУНАРОДНАЯ ВЫСТАВКА КНИГ
ДА СЕРДЦА
ПОМНИТЕ
КАКОЮ ЦЕНОЮ
ЗАВОЕВАНО СЧАСТЬЕ-
ПОЖАЛУЙСТА,
ПОМНИТЕ

ма выпустила очень много книг советских детских писателей — от Пришвина и Маршака до Гайдара и Катаева, но еще более обширные планы у издательства на будущее.

Стенд издательства «Фарандоль» соседствует со стендом Суданской республики. Здесь книги поскромнее, национальная полиграфия делает первые шаги, но и задачи книг другие: это главным образом первые собственные национальные учебники для школ, работы по научному социализму...

Отсюда начинается шеренга стендов, принадлежащих прогрессивным издательствам развивающихся стран и капиталистических государств. Индия, Аргентина, Мексика, ФРГ, Голландия... Вот две стендовые стены, увешанные яркими брошюрами и книгами с портретами Маркса и Ленина. На витрине — подшивка газеты «Аванте!» с 25 апреля прошлого года, с момента ликвидации фашистского режима в Португалии. Давая у стенда интервью Центральному телевидению, директор издательства «Аванте!» Виктор Бранко с гордостью показывал первые популярные книги о социализме, легально изданные в Лиссабоне...

Мы на втором этаже. Сюда не доносится сдержанный гул голосов, здесь царит напряженная тишина, а люди переговариваются шепотом... В одном из круглых павильонов-шатров — книги необыкновенной судьбы. Пробитые осколками, обожженные, со следами крови, они воевали вместе с солдатами. Вот роман Н. Островского «Как закалялась сталь», без переплета и первых страниц. Между строчками — боевой счет прошедших боев: «отбито 6 танковых атак, уничтожено до 5 тысяч немцев». Эта книга была с участниками морского десанта, высаженного под Новороссийском. Защитники Малой земли в минуты затишья между боями читали вслух Островского, и книга, израненная осколками, воодушевляла бойцов, прибавляла им сил и мужества.

Пробитый разрывной пулей томик В. Маяковского; том В. И. Ленина, спасенный в годы оккупации сельской учительницей Д. Шведовой; побывавшие под обстрелами книги Пушкина, Горького, Шолохова...

В соседнем шатровом павильоне — реликвии отечественной и мировой культуры. Не иссякает поток книголюбов возле застекленных витрин, все новые посетители с волнением вчитываются в строчки Михайлы Ломоносова, начертанные им на титуле своей книги... Здесь же прижизненные издания сочинений Коперника, Пушкина, Грибоедова — многие с автографами... Трепет охватывает, когда видишь эту состоявшуюся через века встречу гениев прогрессивной мысли, прометеев науки и литературы, возвеличивших человечество...

А в круговой витрине выстроились миниатюрные издания. С того далекого 1788 года, когда в России появилась первая, размером 60×75 мм, «книжка-малютка «Искусство быть занимательным в беседах», отечественная печатная миниатюра непрерывно совершенствовалась, расширялись ее жанровые границы: кроме произведений художественной литературы, в мини-формате стали издаваться политические и научные книги, энциклопедии, календари... Вот искусная миниатюра «Три стихотворения о Ленине», выпущенная в Таллине, сборники Якуба Коласа и Янки Купалы (Белоруссия), книжки-малютки, изданные в Казахстане, Башкирии, Карелии...

Здесь же, на втором этаже, на строгой формы стендах — книжная графика, экслибрисы. Но особое внимание книголюбов притягивали к себе витрины с конкурсными изданиями — книгами, альбомами, плакатами, вокруг которых царила все дни особая, приподнятая атмосфера.

Нелегкая задача выпала на долю Международного жюри конкурса, председателем которого был член-корреспондент Академии художеств СССР, профессор Андрей Гончаров: из 440 изданий, выставленных 23 странами, надо было отобрать самые достойные, выдающиеся. А ведь книгопечатание ныне во многих странах достигло небывалого подъема. Если говорить только об отечественной книге, то невозможно не заметить большого сдвига, который произошел со времени последней международной выставки 1970 года. Лучше стала издаваться политическая литература — и на русском и на иностранных языках. Издательства отошли от однообразия в оформлении, больше стали вкладывать выдумки в свою продукцию. Резко шагнули вперед издания научно-технической литературы, выпускаемые в издательствах Российской Федерации и других союзных республик, стало больше типов изданий, разнообразнее стали применяемые материалы — особенно в детской и юношеской литературе...

Много, очень много прекрасных книг оспаривали право называться лучшими. Тут принимались во внимание не только уровень полиграфического исполнения, но и содержание, его созвучность девизу выставки —«Книга на службе мира и прогресса». И когда жюри, в состав которого входили писатели, художники и книгоиздатели Индии, Дании, Монголии, СССР, Франции, Кубы, Югославии, ГДР, Англии и других стран, собралось для вынесения своих оценок, то высшая награда — золотая медаль «Серп и Молот»— была единодушно присуждена советской книге, содержащей речь Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева «Великий подвиг советского народа» и текст Обращения ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, правительства Советского Союза «К народам, парламентам и правительствам» (Политиздат).

Серебряных медалей «Серп и Молот» удостоены пятитомная «Большая история Коммуны» (издательство «Ливр Клаб Дидро», Франция), «Чили — песнь и репортаж» («Миттельдойче Ферлаг», ГДР), сборник «Немецкое антифашистское Сопротивление в фотографиях и документах. 1933—1945 гг.» («Редерберг — Ферлаг», ФРГ).

Золотые, серебряные и бронзовые медали и поощрительные дипломы были вручены представителям издательств и типографий различных стран Европы, Азии, Ближнего Востока, Латинской Америки, а также нашим советским полиграфистам за отличные издания трудов классиков марксизма-ленинизма, альбомы, монографии о художниках, энциклопедии, детские книги...

Есть хорошие традиции на наших крупных книжных смотрах. Не были они забыты и на выставке «Книга-75». И хотя до миллионного посетителя дело не дошло (на выставке побывало около 750 тысяч человек)— полумиллионного не упустили.

Им оказался токарь Одесского автосборочного завода Борис Юрченко. Еще дома, в Одессе, Юрченко так спланировал свой отпуск, чтобы обязательно попасть на «Книгу-75». И как видите, попал очень удачно. Правда, на вопрос, как он умудрился оказаться именно полумиллионным, токарь отвечал шуткой: мол, особый метод расчета. Но если серьезно, то получивший памятный подарок Б. Юрченко, сам страстный любитель чтения, работает на заводе, где есть две библиотеки, свой книжный магазин, открывающий двери в семь утра — до начала смены... Значит, не так уж случайно приз оказался у представителя читающей Одессы.

Контакты читателей с писателями и редакторами издательств — это тоже в традициях больших книжных выставок, и в этом смысле «Книга-75» побила все рекорды: литературных вечеров, диспутов, концертов и экскурсий по экспозициям было свыше двухсот пятидесяти.

Всегда людно было у вариоэкрана, на котором демонстрировался фильм «Свет разума»— об истории книгопечатания, о книжной культуре наших дней. «Прекрасный фильм»— таково единодушное мнение зрителей. Посетивший выставку Герой Социалистического Труда писатель Леонид Леонов, посмотрев этот фильм, назвал его «гимном знанию и книге».

Что такое «хорошая домашняя библиотека»? Разговор об этом зашел во время встречи читателей с работниками издательства «Книга». Поговорив о судьбах книг, вспомнив слова известного библиофила Н. Смирнова-Сокольского: «Книга приходит к тем, кому она нужна»,— выступавшие подчеркивали, что главный критерий хорошей библиотеки на дому — наличие в ней книг, «которые часто снимаются с полки». Не все присутствующие согласились с этим: ведь на полках есть и книги, не обязательно требующиеся часто, да и от количества томов немалое зависит. Встречи с издателями, прозаиками, поэтами проходили интересно, посетители задавали множество вопросов, просили почитать любимые стихи, рассказать о творческих планах, о книжных новинках.

Многие гости впервые здесь, на выставке, познакомились с деятельностью таких организаций, как «Международная книга» и ВААП (Всесоюзное агентство по авторским правам), их стенды были оформлены выразительно, со вкусом. Всесоюзное объединение «Международная книга» держит связь более чем с 1000 книготорговых фирм и издательств в 133 странах. Вдумайтесь в эти цифры: ежегодно зарубежному читателю предлагается около 20 тысяч книжных новинок!

В дни работы выставки «Международная книга» подписала торговые договора со странами социализма на сумму свыше 30 миллионов рублей. Были подписаны соглашения между ВААП и крупнейшими издательскими концернами «Бертельсманн» (ФРГ и Западная Европа), «Эльзевир» (Нидерланды), «Мак Гроу-хилл» (США).

О том, какой широкий международный резонанс приобрела «Книга-75», можно судить и по такой детали: во время проведения выставки в Москве работала специальная 3-я сессия Международного книжного комитета, созданного под эгидой ЮНЕСКО и объединяющего в своем составе видных специалистов в области книжного дела Европы, Азии, Африки, Северной и Латинской Америки.

Когда вице-президента концерна «Бертельсманн» Ульриха Векслера попросили поделиться впечатлениями о Московской выставке, он сказал, в частности, что «Книга-75» нисколько не уступает известной традиционной книжной ярмарке во Франкфурте-на-Майне.

С большой похвалой отозвался о выставке «Книга-75» президент американской книготорговой компании «Макмиллан» Гарри Моуст.

А что думают книгоиздатели братских стран социализма о прошедшем смотре, какие выводы они сделали для своей будущей деятельности? Из разговоров с представителями печати и книжного дела стран СЭВа выяснилось, что, например, в деле удовлетворения запросов книголюбов ныне наметились три ведущие тенденции: 1. Возрастание доли дешевых, издаваемых массовыми тиражами книг в ярких обложках — качество бумаги здесь не играет роли; 2. Усложнение оформления некоторой части книг — дорогих, но также имеющих спрос у библиофилов и новичков; 3. Увеличение процента серийных изданий — читатель хочет получать систему знаний, представлений. (В СССР вышло около 150 томов «Библиотеки всемирной литературы», а всего издаются только центральными издательствами десятки серий. Очень распространены серии в ГДР, Польше, Венгрии и других странах социализма. Практикуется совместный выпуск серий, когда 5—7 стран выпускают книги одной серии. Например, в серии «Библиотека Победы» участвуют семь стран социалистического содружества, и из 35 ее томов 12 принадлежат советским авторам.)

Выставка «Книга-75» закрылась. О ней еще пишут, говорят, выступают с докладами. Каковы же главные итоги работы этого поистине гигантского по масштабам книжного смотра? Когда мы обратились с этим вопросам к председателю Госкомиздата СССР Б. И. Стукалину, он сказал:

— Советская и международная общественность оценили выставку, как одно из важных культурных мероприятий, свидетельствующее о нашей готовности развивать международное сотрудничество в этой области в духе договоренностей, достигнутых в Хельсинки. Выставка продемонстрировала все возрастающую роль прогрессивной книги в жизни народов, в их борьбе за мир и социальный прогресс.

Для нас, советских издателей, эта выставка важна еще и потому, что мы могли сравнить свои издания с продукцией многих зарубежных фирм. Опыт наших коллег из других стран сейчас тщательно изучается. Это, несомненно, поможет нам добиться дальнейшего повышения уровня издательской культуры, использования последних новинок техники.

●

Экспозиция издательств ГДР. * Уголок выставки. * Вход на выставку «Книга-75». * Здесь собраны книги необыкновенной, героической судьбы.

Елена Андреевна Лобач — доярка.

«...РАЗВЕРНУТЬ ВБЛИЗИ ГОРОДОВ СТРОИТЕЛЬСТВО КРУПНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ, КОЛХОЗНЫХ И МЕЖКОЛХОЗНЫХ КОМПЛЕКСОВ ПО ПРОИЗВОДСТВУ ПРОДУКЦИИ ЖИВОТНОВОДСТВА НА ПРОМЫШЛЕННОЙ ОСНОВЕ...»

Из Директив XXIV съезда КПСС

ПОИСКОМ Ж

У пульта кормораздачи оператор Н. А. Глушков и инженер энергетик А. А. Киливник.

Суточный привес — 510 граммов.

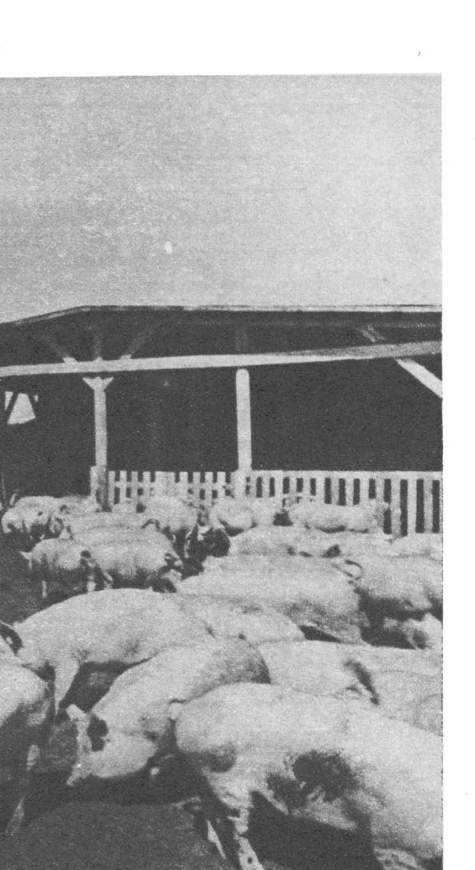

Головное предприятие объединения.

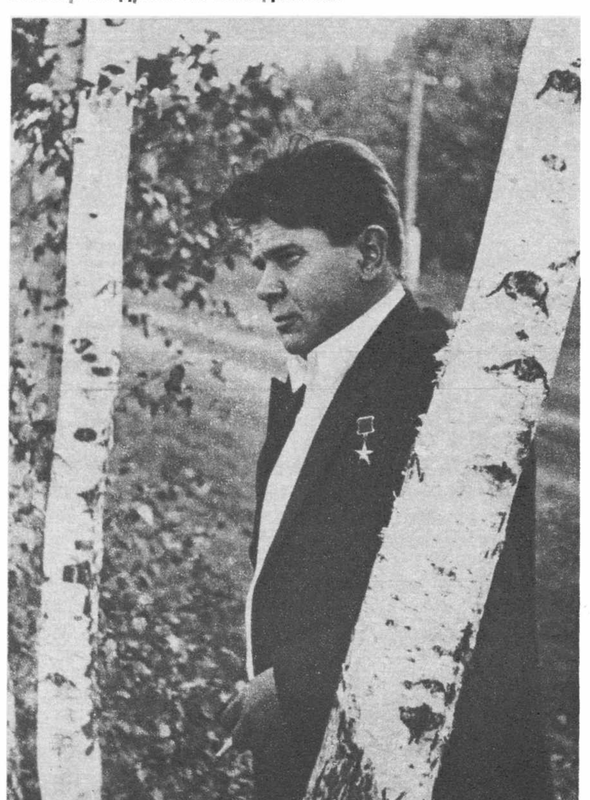
ИВ ЭКСПЕРИМЕНТ

А. ЩЕРБАКОВ

Фото Д. УХТОМСКОГО

Виктор Андреевич Бельденков.

Не думаю, чтобы генеральный директор действительно отдал трех зоотехников за одного энергетика. Но он так сказал, и сказал, видимо, потому, что хотел подчеркнуть: энергетиков ценит особо. Ребята — выпускники Саратовского института механизации сельского хозяйства — пришли к директору с направлениями на работу, нарядные, взволнованные ответственностью момента. Им явно льстило, что директор не спешил закончить с ними беседу и даже принимал при них работников объединения, обсуждая неотложные дела, и всем этим как бы давал понять новеньким: вникайте, приобщайтесь — все это теперь касается и вас.

В этом, пожалуй, весь Бельденков — опытный, знающий дело руководитель крупнейшего в Пензенской области объединения по промышленному откорму свиней.

Четыре года назад я писал в «Огоньке» о новом эксперименте, о Панкратовской свинофабрике, о Герое Социалистического Труда В. А. Бельденкове.

Тогда мне бросилось в глаза умение Виктора Андреевича безошибочно определять круг насущных забот, очерченный сегодняшними потребностями сельского хозяйства, забот, от которых зависит успех очень важного эксперимента.

Панкратовская фабрика тогда откармливала одновременно 125 тысяч свиней. Индустриальный характер предприятия вызвал совершенно новую организацию труда, отвечающую соответственно и новым принципам подбора работников, и воспитанию их, и отношению к ним. Тогда я видел: Бельденков верно уловил самую суть нового дела. Теперь это подтвердилось самыми свежими примерами.

Пора сказать, что Панкратовская свинофабрика представляет собой объединение, в которое входит головное предприятие и четыре совхоза, дающие откормочному комплексу поросят. На фабрике введены новые цеха, и в год откармливается 120—130 тысяч свиней. Это примерно 13 тысяч тонн мяса. Вырос объем, выросла техническая база, увеличилось число специалистов сельского хозяйства на производстве. На одном только головном предприятии их более семидесяти.

Показатели хозяйственной деятельности здесь высоки и устойчивы. Суточный привес, например, составляет 510 граммов (областной показатель — 350—400); себестоимость центнера мяса на 40 процентов ниже, чем в других хозяйствах области. Объединение получает в год до четырех миллионов рублей прибыли и уже выполнило свою пятилетку.

Достижения бесспорны. Однако жизнь определила рубежи намного выше нынешних. В следующей пятилетке объединение должно производить не меньше тридцати тысяч тонн свинины. А это значит, что надо наращивать и мощности, и интенсивность, и темпы. И их уже наращивают. По инициативе генерального директора объединения создана специальная строительная организация со своей производственной базой. Строятся комбикормовый завод, дополнительные помещения, рассчитанные на выращивание в год 450 тысяч поросят — сейчас столько дает вся область,— и многое другое.

Строительство, дальнейшая механизация, внедрение научных достижений... Но самым основным для генерального директора попрежнему остается работа с людьми. Она весьма многогранна, зачастую даже неожиданна.

Как-то Бельденков узнал, что к одному из специалистов вернулась жена. Несколько лет этот специалист жил здесь один, потому что в семейной жизни у них что-то надломилось. И вот теперь она приехала. Был маленький праздник. А поутру директор, направляясь куда-то по своим делам, заметил женщину с чемоданом, удаляющуюся от дома, где еще вчера все так радовались ее возвращению. Он остановил женщину и выяснил, что снова произошел разлад.

— Садитесь в машину! — Виктор Андреевич не просил, а приказывал. Она подчинилась. Много народу пришлось подключить в тот день, чтобы уладить беспочвенный в общем-то конфликт, привлечен был даже баянист.

— Сейчас супруги уехали отдыхать на юг,— закончил свой рассказ об этой истории Бельденков,— путевки лично им вручал, как и большинству наших работников, бесплатные.

— И как у вас на все хватает времени?

— Сегодня встал в половине пятого и только в середине дня добрался до дирекции, все застревал где-то по пути, «задерживался», как говорят про начальство. А вообще-то трудно все успеть. Но это ладно, со всем бы мирился, если бы, так сказать, не трудности «сверхнормативные». Больно уж они терзают.

И Бельденков рассказывает о тех усилиях, которые приходится затрачивать на занятия со специалистами; ведь большинство нынешних сельскохозяйственных вузов еще не готовит людей для обслуживания аграрных комплексов; сетует, что много уходит энергии на выяснение отношений с районными организациями, где расположены четыре хозяйства, входящие в объединение (у районов — свои планы, у объединения — свои, и часто они не стыкуются); говорит о перебоях в снабжении. Все это требует немало сил и нервов. А ведь у директора много дел и забот по строительству: надо быстро закончить новый поселок, школу, проложить дорогу от главного предприятия к поселку, открыть парк, музыкальную школу. Ребятам, приехавшим из Саратова, директор обещал: «К весне, если женитесь, квартиры гарантирую!»

Панкратовское объединение, шагая в десятую пятилетку, по-прежнему ищет. Потому что тут неуклонно следуют истине: эксперимент жив поиском.

Юлиан СЕМЕНОВ

РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

КУРТ ШТРАММ (III)

«Эсэсовец прав,— подумал Курт, чувствуя, как мучительно одеревенели ноги, поясница и предплечья.— Он прав, к сожалению. Я не вытерплю, если меня подержат здесь еще неделю. Или две. Я начну лгать ему, я ведь придумал сотни версий, и каждая из этих версий правдоподобна, и все детали сойдутся, но не сойдется одна крохотная мелочь, обязательно не сойдется, потому что у меня нет карандаша и бумаги, и друзей — Гуго и Ингрид, и они не могут проговорить со мной каждую из этих версий; а эсэсовец может созвать совещание, поручить своим семерым или ста головорезам исследовать каждое мое показание и — главное — вызвать наших и начать их допрашивать, зачитывая им мои слова. Он будет подолгу рыться в бумагах, доставать ту, которая ему нужна, действуя на Гуго или Ингрид таким образом, чтобы заставить их поверить, будто я начал говорить, и сознание того, что я заговорил, погубит друзей, потому что мы дали друг другу клятву молчать».

Курт поднял плечи так, словно у него чесалась спина, но движение это не ослабило мучительной одеревенелости, а, наоборот, подчеркнуло ее — тонкие, холодные иглы вонзились в шею, ноги и в спину; каждое движение было сопряжено с ощущением зажатости в крохотном каменном мешке, повторявшем фигуру человека, стоящего на полусогнутых ногах.

«Я могу распоряжаться тем, что досталось мне по праву,— решил Курт.— Мне не по праву досталась в наследство фабрика, и не по справедливости я получил счета в банках. Но я по праву получил жизнь, по праву любви моих родителей. И я могу распоряжаться моей жизнью в этих условиях. Ну, спорь, Курт, спорь,— попросил он,— ведь разум всегда ищет выход, но ты, Курт, сейчас не имеешь права на это, потому что пошел на борьбу, веруя в ее высшую справедливость. Ты можешь, конечно, возразить, что честно лишь то, что заработано потом, кровью, руками, мозгом, талантом, голосовыми связками, и я поэтому не имею права распоряжаться жизнью, которая всегда случайна и получена в дар. Ну, спорь же, Курт! Ведь можно сказать, что надо выдержать; ты пообещаешь выдержать все, в глубине души каждый надеется на чудо, на то, что Гитлер разобьется на самолете, что на него упадет кирпич или его хватит паралич. Хотя таких паралич не хватает: за его здоровьем каждый день следят врачи, он принимает по утрам ванны, днем греется под «горным солнцем», а вечером пьет настой из целебных трав: ведь жизнь фюрера так дорога германскому народу! Нельзя надеяться на нечто, что может прийти извне. Надеяться надо лишь на себя. Ну, возрази, Курт! Это ведь гитлеровское: «Во всем и всегда надейся на свою силу!» Значит, мне нельзя надеяться на Гуго? Значит, нельзя надеяться на Ингрид и Эгона? Почему?! Потому что они не имеют права рисковать организацией ради одного меня. Они знают, что я буду молчать. Они поэтому спокойно продолжают наше общее дело. Ну, Курт, ведь ты подбросил себе кость — «наше общее дело»! Ухватись за это! А вдруг наше дело победит в эти дни? А? Молчишь? Молодец, что молчишь, это было испытание: такие дела, как наши, побеждают не сразу, а лишь со временем, как незримые ручьи весной — теплом и чистотой своей — исподволь разрушают серую корку снега. Господи, открой мне, что угодно тебе: мучения, которые убивают во мне твоего сына, или смерть, которую я приму не из твоих рук? А как же ты сможешь умереть, Курт? У тебя нет ремня, а если бы он был, то ты даже не смог бы накинуть петлю на шею. Железные пуговицы на брюках они спороли при обыске — разве забыл? Ты не сможешь распорядиться собой, Курт, потому что здесь, в этой стране, научились лишать человека права на самого себя, и не только в тюрьме, но и дома, а это страшней».

— Эй! — закричал Курт.— Пусть меня срочно отведут на допрос! Скажите, что я об этом прошу!

Когда его привели в комнату эсэсовца, Курт сказал:

— Я сойду с ума в моем мешке...

— Это может случиться,— согласился седой штандартенфюрер.— Но психический шок в мешках носит характер буйного помешательства, которое мы довольно быстро излечиваем. Причем врачи утверждают, что во время маниакального бреда арестованные порой открывают ту правду, которую мы так настойчиво ищем.

— Переведите меня в нормальную камеру, пожалуйста. В мешке я не могу думать над вашими предложениями.

— А вы здесь думайте. Сейчас принесут кофе и бутерброды — думайте себе на здоровье.

«Если я попрошу его снять наручники,— подумал Курт,— он может насторожиться».

— Да, но когда вы станете вызывать моих друзей на допросы и захотите свести меня с ними, они ужаснутся моему виду.

— С вами так поступили лишь потому, что я находился в отъезде, я же объяснял вам.

— Значит, вы отказываете мне?

— Я вынужден отказать. Просьба носит противозаконный характер. Если бы у вас было инфекционное заболевание, или чума, или воспаление легких, я бы отправил вас в лазарет.

«Воспаление легких,— ликующе уцепился Курт,— спасибо тебе, милый эсэсман, громадное тебе спасибо! Ах, как это хорошо — воспаление легких!»

Когда его уводили в мешок, Курт странным движением, которое при этом не было подозрительным, успел высоко вздернуть брюки кистями рук, схваченными за спиной наручниками. Он сделал это для того, чтобы они сразу же опустились,— Курт сильно оголодал за эти дни. Брюки должны сползти еще ниже, и тогда рубашка, которая отделяет его спину от

Продолжение. См. «Огонек» №№ 37 — 42.

холодной плесени каменной стены карцера, выпростается.

«Из плана мероприятий по наблюдению за группой лиц, связанных с Куртом Штраммом, подозреваемым в контакте с «Быстрым», курьером из Берна.

...Ингрид фон Боден-Граузе, совершающая частые поездки по стране, должна попадать в сферу наблюдения местных отделов гестапо. В связи с тем, что она должна выехать в генерал-губернаторство, следует сообщить ее приметы — если не успеем переслать фото — штандартенфюреру фон Ловски в Варшаву и оберштурмбаннфюреру Дицу — в Краков. План мероприятий на местах должен быть согласован с нами. (Наблюдение за ней в дороге ведем мы.)

СС штурмбаннфюрер Холтофф».
«Утверждаю
СС бригадефюрер Мюллер».

ГАННА ПРОКОПЧУК (III)

На этот раз чиновник комендатуры был еще более внимателен к Ганне, предложил ей черную сигарету, спросил, нет ли каких-нибудь трудностей с французской полицией: «Они совершенно сошли с ума, им кажется, что мы чудовища, которые жаждут крови невинных, они хватают несчастных эмигрантов, сажают их в Сюртэ, а все шишки валятся на нас, проклятых «бошей»...

— Нет, нет, меня не тревожили,— ответила Ганна, не отрывая глаз от коричневой тоненькой папки.— Полиция, конечно, проверила мои документы, но все на этом кончилось.

— Ну и прекрасно. Теперь по поводу той просьбы, которую вы передали господину Прокоповичу...

— Он отказался ее принять.

— Мы знаем. Ничего. Я думаю, мы сможем помочь вам. Следует только написать заявление...

— Новое?

— Да, коротенькое новое заявление. Вы обратитесь с просьбой разрешить вам отъезд на работу в рейх. Вы станете трудиться по своей профессии: мы нуждаемся в хороших зодчих. А уже оттуда, из рейха, для вас не составит никакого труда разыскать своих детей. Мы помогаем тем иностранцам, которые честно трудятся на ниве нашего национал-социалистического государства.

— Здесь у меня работа, интересная работа... А что будет там?

— То же самое. Только более интересная, с моей точки зрения, работа — вы сразу увидите результаты своего труда: пока-то соберетесь отсюда в Бразилию...

— И вы думаете, мне разрешат выезд из Германии в Польшу?

— Куда?

— В Польшу, к моим детям?

— Польши нет. Нет больше такого государства, и оно никогда не возродится, так что, пожалуйста, говорите «генерал-губернаторство», это не будет обижать тех, кто осиротел в Германии после польской кампании.

«А кто осиротел в Польше? — подумала Ганна.— Как страшно сейчас сказал он, как ужасно и спокойно он сказал это...»

КАРТА

— Получить право на посещение генерал-губернаторства без отъезда на работу в Германию никак нельзя?

— Боюсь, что я не смогу вам помочь. Я готов переслать ваше прошение в Берлин, но поймите нас: в Варшаве сейчас слишком много всякого рода забот у новой власти. Город разрушен, гостиниц нет, вас не смогут обеспечить жильем, а это опасно, потому что там введен комендантский час.

— Дети в Кракове. У моей тещи.

— Простите?

— Теща — это мать моего мужа. Она живет в Кракове.

— Краков — закрытый город. Там резиденция генерал-губернатора Франка.

— А можно запросить власти Варшавы или Кракова?

— По поводу ваших детей? Но мы не разрешаем выезд оттуда вообще, а уж в оккупированную зону, сюда, в Париж,— тем более.

— Значит, выхода нет?

— Почему же? — искренне удивился чиновник.— Я предлагаю вам выход: работа в Германии. Это даст вам право найти своих детей, уверяю вас.

— Но...

— Не верьте вздорным слухам. Побежденные, как правило, клевещут на победителей. Мы создаем все условия для работы. В рейхе вы сможете творить по-настоящему.— Он положил свою жесткую ладонь на ее руку, по-дружески, как человек, понимающий горе матери, и добавил: — Поверьте мне и положитесь на меня — я не научился еще быть нечестным. Вот вам бумага, а текст я продиктую...

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАЕДИНЕ С СОБОЙ

Бандера проснулся в холодном поту от своего же страшного крика. Сон был кошмарным. Бандере привиделось, будто он привязан к стулу, перед ним — огромный циферблат с медленной, дергающейся секундной стрелкой, а вместо гирек — секира из стали, раскачивающаяся в такт секундной стрелке прямо над головой. Все ниже опускается секира, все ниже, и вот уже почувствовал Бандера мягким пушком на макушке легкое, будто ветерок «шарк-шwырк» ее прикосновение, и представил, как через несколько минут полоснет, и как легонько распустит кожу, и как кровь теплыми струйками побежит за уши, а потом секира — с синим отливом, тяжелая, бритвенная — тронет кость черепа, и Бандера ощутил это мгновение, закричал тонко и проснулся.

«Жара,— подумал он, когда явное ощущение сна ушло, притупилось,— поэтому и мучают кошмары».

Он поднялся с широкой тахты, прошлепал по навощенному полу в ванную комнату и стал под холодный душ.

«Лебедь говорил, что плоть надо усмирять холодным душем,— почему-то вспомнилось ему.— Ерунда какая. Холодная вода — главный возбудитель плоти. Тепло — это спокойствие. Холод предполагает борение».

Бандера явственно увидел маленькую церковь, где обычно служил отец; ощутил теплый, успокаивающий запах ладана и подумал испуганно, что замахивается на огромное, отвергая примат тепла.

«Хотя,— подумал он, стараясь успокоить себя,— это только православие ищет тепло, уния устремлена в холод неба».

Привыкший бояться отца, он долго еще — даже после того, как уехал во Львов,— ощущал в себе страх: не за поступок какой, а даже за невысказанную мысль.

Он стеснялся того, что был поповичем, и страх свой поборол силой: в драке студентов, когда Петро Бурденко был сбит ловкой подножкой, Бандера наступил каблуком на его лицо, и услышал хруст, и закричал, потому что глаза застлало красным, а потом стал пинать мягкое, пинать до изнеможения и рвоты, и это было неким рубежом в его жизни, приобщением к вседозволенности, которая подчиняет себе человека без остатка.

...Бандера растер плечи и живот резиновой жесткой щеткой, накинул на себя простыню, легонько промокнул капли воды, оглядел свою маленькую, ладную, сухопарую фигуру в зеркале, напряг по-борцовски мышцы, усмехнулся, вспомнив рекламу нижнего белья для спортсменов, помассировал лицо, свел тугие брови в одну линию, потом широко улыбнулся своему отражению, подмигнул озорно и пошел одеваться.

Бандера любил красиво одеваться. Как и все мужчины небольшого роста, он компенсировал недостачу внешней мужественности строгостью костюма и постоянной, годами выработанной гримасой скорби на порочном, внутренне жестоком, женственном лице.

Зная, что сегодня предстоит встреча с представителем гетмана, который путешествует вместе с офицером СД, Бандера надел серый костюм в серебряную искорку, галстук повязал синий, но потом, оглядев себя еще раз в зеркале, решил поменять на серый, чтобы все было в один тон. Ботинки он заказывал особые: внешне подошва выглядела нормальной, но внутри, в самом башмаке, она была приподнята на четыре сантиметра — при его росте такая прибавка многое значила. Сначала, по молодости, когда он не мог распоряжаться средствами, Бандера придумал особую манеру: он, наоборот, сутулился, чтобы всем казалось — вот распрямится он, разведет плечи, поднимет голову и станет сразу же высоким и стройным, таким, каким и надлежит быть «вождю», террористу и борцу за национальную идею.

Но во Вронке, в польской тюрьме под Познанью, когда Бандера впервые стал на колодки, он вдруг увидел себя в окне «приемного покоя» и поразился тому, как много значат эти четыре деревянных, громыхающих, мозольных и тяжелых сантиметра; он понял высший смысл кажущейся малости. Он подумал тогда, что малость только тому кажется малостью, кто в ней не видит интереса. Перейдя мысленно от колодок и роста к делу, он тогда еще раз убедился в своей правоте: действенное малое важнее пассивного многого. Пусть у него будет лишь сто верных людей, но они могут сделать столько шума, что всем заинтересованным сторонам эта сотня покажется миллионом.

Когда было принято решение убить польского министра внутренних дел Пирацкого, Бандера организовал этот «теракт», выгодный объективно двум силам: Германии и Пилсудскому. (Германия вносила элемент смуты в пограничное государство, стараясь изнутри ослабить его; Пилсудский — получал свободу рук для «завинчивания гаек»; этот обычно болезненный процесс после гибели Пирацкого приветствовался органами прессы как действенное средство против бандитов. Люди не понимали, что нельзя «завинчивать гайки» только в одной какой-то области, подавляя лишь одну национальную группу — процесс этот будет неминуемо обращен не только против оуновцев, но и против всех украинцев; затем процесс этот коснется и поляков — поначалу коммунистов и демократов, а потом обрушится против тех, кто позволяет себе иметь собственное мнение и отстаивать личную точку зрения на происходящее. Взаимопроникновение тенденций — вещь естественная, опасная, распространенная. Национал-социализму Гитлера отец легионеров Пилсудский хотел противопоставить тоталитаризм польского единства. Бандера помог ему в этом, он развязал ему руки.)

Две силы, находясь в конфликтной ситуации, склонны фетишизировать (хотя и внешне) третью силу, которая является неким оселком в сшибке их амбиций. Один, помогая этой силе, другой, выставляя эту силу как момент национальной угрозы, делаются подобны жонглерам, пускающим новый шар в каскад шаров, летящих из руки в руку. Бандера понял свою «значимость», когда в зале суда замигали магниевые вспышки газетных репортеров. Бандера уверовал в свое предначертание, когда смертная казнь была заменена пожизненной тюрьмой. Об этом ему сказали еще до вынесения приговора, который он выслушал дерзко, чуть приподнявшись на носках, чуя, как икры трясутся от долгого напряжения.

Он всегда мечтал с т а т ь. Обладая умом жестким, быстрым, торговым, он понял, что родился в такое время, когда вырваться из ряда может дерзкий, смелый, ловкий, ставящий не только на свою умелость, свою особость или свое знание. Нет, вырваться, считал Бандера, может лишь тот, кто одарен способностью представлять многих в себе одном. Личность выше толпы; надо только понять нужную идею, надо поначалу раствориться, исчезнуть в этой идее, зная заранее, что это растворение временно, что общая идея в конечном счете подчинена личной устремленности — «стать». У Бандеры был выбор: он не холоп какой, он сын священника. Сызмальства, со

школьных еще времен, когда другие хлопцы утирали ему нос кепкой, нахлобучивая ее на глаза — сверху вниз,— в нем зрело жадное, больное, постоянно жестокое, яростное, кровавое желание доказать. Всех тех, кто насмехался над ним, не брал в баскетбольную секцию, кто не позволял ему быть вратарем в команде («шкет, не дотянется»), он хотел обратить в своих подданных, которые кровью умоются за надменность.

«Сырье» — несчастные массы бесправных украинцев в панской Польше — страдало тяжко. «Эта тупая тьма должна стать моим оружием,— думал Бандера.— Им нужен вождь, тот, кто скажет».

Холодок ужаса и восторга проходил по спине, когда он читал «Майн кампф». «Гитлер германца берет, как с в о е,— думал Бандера,— он подчиняет его своей воле, обращаясь к затоптанному в человеке величию. А почему я не могу так же в з я т ь украинцев? Если не я — придет другой, и я останусь тем, что есть, лишусь людской памяти — значит, буду смертным. А я хочу вечного для себя, вечного».

Рико Ярый не зря проводил «анкетизацию» польских и украинских военнопленных в Германии. Его сеть потому оказалась действенной, что не была «сетью» в шпионском понимании этого слова. Когда он заполнял «анкетки», расспрашивая каждого пленного о прошлом, о мечтах на будущее, о семье и друзьях, он всегда силился оказать несчастным помощь: того пристроит на работу, этого определит — через Красный Крест — в лазарет, тому выхлопочет билет на родину.

Люди Ярого, ходившие за кордон, к его «анкетникам», не просили их отвечать на вопросы, которые могли породить сомнение в осторожной до противозаконного крестьянской душе. Люди Ярого вели беседы, которые казались «анкетникам», спасенным в свое время австрияком, продолжением того доверительного, участливого разговора, который вел бывший командир бывшей армии с бывшими солдатами своими.

И однажды в ячею такого собеседования попало имя Степана Бандеры.

Человек чаще всего и не подозревает, что к нему п р и с м а т р и в а ю т с я. Разные люди оказываются втянутыми в сложную комбинацию, которая должна дать ответ на вопрос, в политике важнейший: можно ли делать ставку на ту или иную личность. Друзья, которые в другую пору и слова бы не промолвили о недостатках и пороках своего з а к а д ы ч н о г о, расскажут все второму приятелю, тоже старинному, особенно после нескольких лет разлуки. Недругов, наоборот, спросят о плюсах того, кем интересуются,— ежели о враге только минусы говоришь, грош тебе цена и нет тебе веры. Познакомятся с родителями, поговорят с соседями, найдут старых учителей, послушают «объект интереса», умело организовав дискуссию в дружеском застолье, и только потом, когда будут взвешены все плюсы и минусы, за кордон отправится посланец «вождя» ОУН Коновальца для личного контакта с Бандерой. Смешно и глупо представлять, что такой посланец, озаренный ореолом героизма (шутка ли — ходить через кордон!), скажет Бандере или любому другому честолюбцу его подобия, что, мол, давай, хлопец, служить немецкому хозяину, запишись в агенты и начинай шпионить.

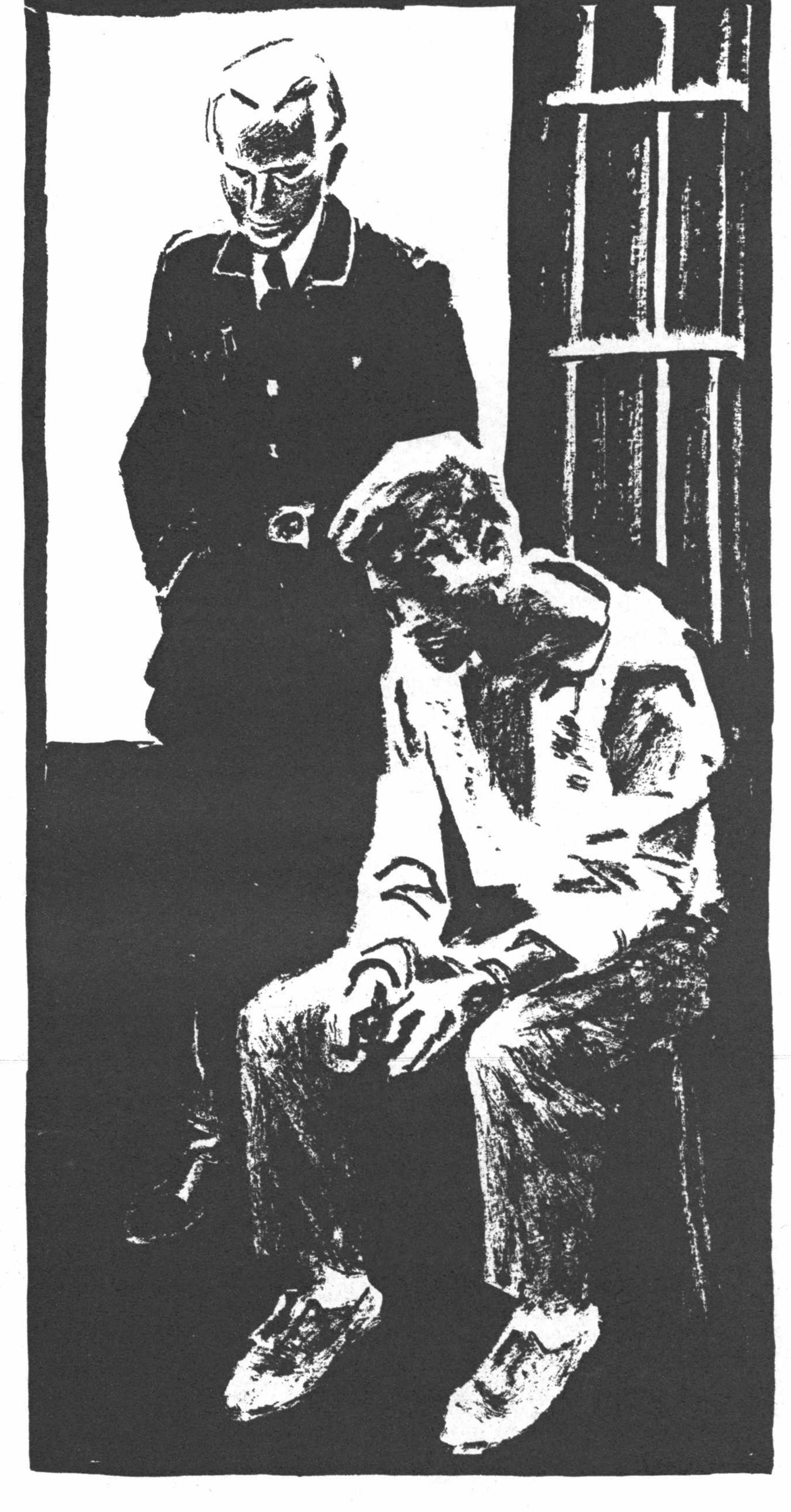
Сначала под Бандеру надо было «подложить фундамент». В своих выступлениях на сборищах террористов он шел от «личного» чувства, от честолюбия (это «вычислили» в абвере достаточно точно), а надо было поставить его выступления на стезю «чувства национального», скрыв, упрятав ото всех глаз то «ячество», что вынесло его на поверхность и доказало его нужность Берлину. А нужность, если она порождена лишь желанием человека с т а т ь, если она не продиктована высшим идеалом правды и свободы, такого рода «персональная нужность», сдобренная национальными лозунгами, оказывается выгодной третьей силе, ей она — объективно — служит, ею используется.

Следовательно, Бандеру, который через определенное время с т а н е т благодаря незримой помощи третьей силы, необходимо подготовить к превращению из экспансивного честолюбивого юноши в беспощадного террориста, который в дальнейшем должен быть управляем. Надежность и гарантированность этой, столь необходимой управляемости обязана дать идеология национализма, изученная, расфасованная по проблемным ретортам и расписанная во всякого рода книженциях людьми из гиммлеровской разведки. Попытки доморощенных «идеологов» национализма отвергать это наивны, ибо политика — это наука, живущая по законам постоянных формул и данностей. Дело заключается в том, что суверенитет соседнего государства предполагает для дипломатов, парламентариев, деятелей государственного аппарата исключение возможности входить в серьезные контакты с националистами, находящимися в эмиграции, ибо это означает открытый разрыв с той страной, которая исторгает ту или иную группу в изгнание. Но и отказываться от такого рода контактов непростительно — с точки зрения агрессивного внешнеполитического планирования. Следовательно, связи с националистической группой берут на себя тайные организации — разведывательные учреждения рейха.

Человек ущемленного честолюбия, и физического (сызмальства лишь великан казался ему героем) и морального, Бандера получил первую порцию литературы и прослушал первые лекции от посланцев «главного руководства», посвященные, как это ни странно, античной истории.

«Что есть трибун? — спрашивал хитрый до человеческого материала посланец абвера.— Это есть та личность, которая нисходит до горя слабых и сирых. Трибун живет сам по себе, в мире своих утонченных чувств и мечтаний, он волен представлять себе все, что ему грезится. Но грезы его должны идти сверху вниз: от него — ко всем другим. Трибун всегда страдает за чистоту идеи. Ты должен понять, Степан, что истинный трибун более других стремится к схиме, к простоте и скромности, ибо он знает свою отметину на будущее. Можно носить рубашки голландского полотна, золотые запонки и парижское канотье, но при этом быть дешевым торгашом. Можно ходить в костюме ровного тона, уметь слушать и помогать, есть скоромное, ездить в трамвае, а не на «оппеле» и быть истинным трибуном, незримым владельцем душ тех миллионов, которые пойдут за твоим высоким, отдельным от всех духом».

Потом разбирался вопрос о том, что коллективизм, реально выраженный в московском большевизме, есть главный, личный враг трибуна, ибо он подчиняет часть общему, то-

гда как призвание свободного духа есть, наоборот, подчинение общего личному.

...Лишь утвердив в двадцатипятилетнем парне, рвавшемся в политику, идею его исключительности и объяснив «по науке», что и кто есть враг этой его свыше полученной исключительности, повели речь о национализме. Человек из Берлина в свое время сказал Бандере, что высшее проявление национализма сокрыто во всеобщем, темном эгоцентризме. Если обратиться именно к этому в человеке, если позволить ему выразить себя, если он найдет в твоих проповедях позволение быть самим собой в рамках одной нации, если ты призовешь его к силе, чтобы добиться освобождения от пут общественной опостылевшей морали,— тогда за тобой пойдут и в тебя поверят, как в национального пророка. «Не бойся,— продолжал посланец,— звать к социальной справедливости. Брани буржуя и банкира: ему слово не страшно, ему страшно, если его лишат собственности. Нация без устойчивых точек собственности разлагается иллюзиями. Гитлер не боялся называть буржуазию своим врагом, но он никогда не называл своим врагом Круппа, ибо придумал ему титул «национальный организатор производства». Тебя не поймут, если ты сразу потребуешь отдать фабрику старому хозяину. Нет, ты не говори так; ты требуй передать фабрику новой власти, а инородцев изгнать, как присосавшихся паразитов».

Бандера до конца понял все, лишь когда вышел из тюрьмы после разгрома Польши. Ему тогда в отель люди абвера привезли костюмы, пальто, ботинки; два дня давали витамины и приводили массажистов, а потом посадили в поезд и переправили в Берлин. В тот же вечер его пригласили на ужин за город, в одиноко стоявший коттедж на берегу канала. Три человека, его принимавшие, беседу повели открыто.

— Господин Бандера, после гибели Коновальца,— начал старший по званию,— у власти в ОУН стал Мельник. Мы знаем, что вы хотите созвать свой конгресс и вините Мельника в убийстве Коновальца. Это — ваше право: пусть победит сильнейший. Но мы связаны с Россией пактом, и поэтому открытая деятельность ОУН в настоящее время нежелательна. Только осуществляя связь с нами, выполняя наши указания, лишь конспирируя вашу деятельность по законам нашего военного ведомства, вы сможете получать необходимую помощь.

Бандере тогда захотелось спросить: «Сколько ж вы Коновальцу-то в месяц платили?»,— но потом верх взяли уроки по аристократизму: унижая память ушедшего, ты унижаешь свое будущее.

— Я не совсем вас понимаю,— сказал тогда Бандера,— мы такого рода беседы называли вербовкой...

— Что касается вербовки,— сказал тот, что званием, судя по серебру на погонах, был меньший,— то это несерьезный разговор, господин Бандера.— И он раскрыл толстую кожаную папку.— Здесь собраны все донесения ОУН из края.

Бандера рассмеялся, не разжимая рта:

— Значит, все это время меня здесь закладывали?

Офицеры тоже посмеялись, а потом старший ответил:

— Только безумец или безответственный военный деятель дает деньги, оружие, паспорта, квартиры, явки, окна на границе, если в закладе нет чего-либо существенного. Все это время вы делали то, что планировалось нами.

— Размер субсидии, контакты и все прочие организационные вопросы оговорим сейчас? — спросил Бандера.

— Бесспорно,— согласился старший.— Только сначала для того, чтобы мы имели возможность продолжать контакты, вам надо выбрать псевдоним. Телефоны в Берлине работают отвратительно, возможны досадные накладки.

— «Консул». Такой псевдоним вас устроит?

Бандера заметил, как офицеры быстро переглянулись.

— Это закат аристократизма,— заметил, улыбаясь, старший.— Может быть, «Император»?

Военный в серебре почтительно вмешался — чуть не пополам сломился над ухом старшего:

— «Император» уже есть.

Все рассмеялись. Бандера — тоже.

— Хорошо, пусть будет «Консул-2»,— сказал старший,— я питаю врожденную неприязнь к первому консулу. (Не говорить же ему, право, что Андрей Мельник при вербовке взял себе точно такой же псевдоним. Придется проинструктировать Мельника, что отныне он именуется «Консулом-1».)

...Бандера еще раз вошел в ванную комнату, осмотрел себя в зеркале, вернулся в большой кабинет и сел за огромный, мореного дуба стол. Он переложил несколько бумажек, поправил мраморный чернильный прибор, и вдруг чумное ощущение счастья родилось в нем, и он, не желая сдерживать себя, выскочил из-за стола и начал метаться по кабинету, делая какие-то замысловатые, мальчишеские па, как в далекие студенческие годы, когда из-за малого своего роста стеснялся девушек, и запирался в комнате, и танцевал один — самозабвенно и сладко...

...Штирлица и Омельченко «вождь» ОУН-Б встретил у дверей конспиративной квартиры абвера на Звеженецкой улице, трижды обнялся с посланцем гетмана — пусть старик москалям служил и украинец только по названию, но все равно надо помнить первых борцов против большевизма, они — история, то есть вечность, они излучают особый свет, понятный, впрочем, не всем, а лишь людям с врожденным чувством авторитарности. Бандера, как человек, болезненно жаждавший власти, этим чувством был наделен до предела, поэтому не удержал слез, появившихся в уголках пронзительных глаз-бусинок.

Со Штирлицем он поздоровался сдержанно, ибо кожей ощущал особенность того лихого времени, которое грядет. Он загодя готовился к тому, чтобы возглавить нацию — уголки рта опущены книзу, брови насуплены, желваки перекатываются от ушей к острому подбородку: Сулла, право слово, истый Сулла! Поэтому он должен быть сдержан с представителем той власти, которая войдет на землю, принадлежащую ему.

— Голодны? — отрывисто спросил Бандера.— Я скажу, чтобы накрыли стол.

— Благодарю,— ответил Омельченко,— мы только что позавтракали.

— Действительно, мы только что выпили кофе,— поддержал его Штирлиц.

Бандера поиграл лицом — не поймешь сразу, то ли сожаление, то ли горькая ирония.

— Так ведь кофе с джемом — не завтрак. Это необходимость. Я велю зажарить яишню с салом, у нас на родине так едят, господин Омельченко, а?!

По-немецки Бандера говорил с акцентом, тщательно обдумывая фразу — вероятно, заранее строил ее в уме. «Так говорят люди,— подумал Штирлиц,— болезненно самолюбивые, боящиеся показаться смешными хоть в самой малой малости».

— Нет, нет,— торопливо отказался Омельченко, хотя, видимо, отведать глазунью ему хотелось,— сначала дела, Степан, сначала дела. Времени в обрез.

— Дела так дела,— согласился Бандера.— Прошу присаживаться.

— Нас в первую очередь интересует, как вы мыслите работу Украинской Рады в первые дни после начала кампании? — спросил Омельченко.— Нам известно, что председатель Рады, адвокат Горбовый, наш старый друг и надежный союзник рейха, но не кажется ли вам, что там существует утечка информации?

— Этого не может быть,— снисходительно прищурясь, ответил Бандера.— В Раде собраны проверенные борцы.

— Я не получал информации о создании Рады, господин Бандера,— жестко возразил Штирлиц.— Однако я узнал об этом здесь, в Кракове, от чужих нам людей.

«Не ты, а Омельченко,— сразу же понял Бандера.— Он встречался с Романом Шухевичем и Лебедем, а те по мягкости душевной брякнули!»

— Мои люди ничего не скрывают от представителей СД и германского командования,— сказал Бандера.

— Будем надеяться, что это так,— сказал Штирлиц, удобнее усаживаясь в кресле.— Видимо, вы создали Раду, чтобы загодя провести водораздел между вами и Украинским комитетом во главе с господином Кубиевичем?

— При чем тут Кубиевич? — Бандера пожал плечами.— Он марионетка в руках Мельника.

— Это не моя прерогатива,— сразу же отрезал Штирлиц.— Я хочу спросить вас, господин Бандера, как вы мыслите себе сотрудничество с гетманом? Он вне ваших трений с Мельником, но и его люди не вошли в Раду.

— Ты что ж,— сказал Бандера сквозь зубы Омельченко,— не мог с этим вопросом сам прийти? Обязательно надо было белье выворачивать?

— Ты странно говоришь, Стефан.— Омельченко назвал Бандеру на польский лад.— Я — это я, но гетман сам к тебе с этой просьбой обращаться не станет.

— Этот вопрос обсуждался в министерстве доктора Розенберга. Мы консультировались,— солгал Бандера, и Штирлиц отметил, что «вождь» знает о создании нового министерства восточных территорий, которое было «высшим секретом» рейха.— Я считал, что гетману в Берлине легче договориться с доктором Розенбергом, чем мне здесь с его представителями.

— Вы имеете в виду оберштурмбаннфюрера Фохта? — спросил Штирлиц.

— Именно.

— Трудно работать с ним?

— Он умный, проницательный человек, но ему кажется, что он знает украинскую проблему лучше, чем я и мои люди.

— А в чем суть проблемы? — спросил Штирлиц.— Сформулируйте.

— По-моему, это очевидно. Создание дружественной Германии, сильной Украины, способной вести вооруженную борьбу против Советов.

— Это вывод. Но не проблема,— сказал Штирлиц.— И потом — вы убеждены, что Германии на данном этапе выгодно иметь в своем тылу Украину, а не территорию? Ту, где размещены войсковые соединения, где пекут хлеб для войск и устраивают лазареты для раненых?

— Простите, но я уже достаточно полно обсуждал эту проблему,— настойчиво повторил Бандера.— С господами из ведомства доктора Розенберга.

«Что ж ты про армию молчишь, сукин сын?— подумал Штирлиц.— Что ж ты на Розенберга все валишь?»

— Доктор Розенберг,— вступил Омельченко,— действительно придает этому вопросу большое значение. Гетман встречался с его референтами дважды.

Бандера насупился, желваки стали острыми — вот-вот разорвут тонкую кожу щек.

— Я не совсем понимаю предмет разговора, господа,— сказал он.— По-моему, все в достаточной мере согласовано и выверено... Вы,— он тяжело посмотрел на Штирлица,— интересуетесь деталями в связи с какими-то вновь открывшимися обстоятельствами? Тогда я хотел бы услышать, какими именно.

— Я представляю разведку, господин Бандера. Политическую разведку рейха. Деталями занимается служба безопасности и гестапо. Меня интересует, каким вы себе мыслите германский тыл на Украине? Немецким, оккупационным тылом или тылом украинским, со своим управлением?

— Я мыслю себе германский тыл монолитом, который создадим мы,— снова солгал Бандера, и Штирлиц понял, почему он солгал ему.

Этот человек не мог думать ни о чем другом, кроме как о своей роли в процессе, в любом процессе, и ему было сугубо безразлично все остальное,— немецкое, украинское или какое угодно другое.

Поняв, что Бандера солгал ему, Штирлиц перевел разговор на частности, дал Омельченко вести беседу. Договариваясь про кандидатов от гетмана, «политик» кокетливо отказывался от места, предложенного ему в Раде, а Штирлиц, слушая их быструю трескотню, цепко думал о раскладе сил, который постепенно ему открывался, и о том, как эти силы столкнуть — возможно, это поможет его Родине хоть в самой малой толике.

Потом, не желая мешать Омельченко выполнить главную часть его задания, Штирлиц попросил разрешения ознакомиться с новыми разведданными с Украины и вышел в другую комнату...

Продолжение следует.

Фото И. ЕФИМОВА.

И. КРЯКОВА

БОРИС ЧИРКОВ

«Крутится, вертится
шар голубой...»

Достаточно услышать мелодию, вспомнить слова этой песни, как тут же в воображении оживает Максим — чудесный образ, живое воплощение творческой русской силы, большевистской воли и настойчивости, созданный в кино Борисом Петровичем Чирковым.

Образ неповторимый. И определивший отношение к нему зрителя в той же самой высокой мере, в какой был оценен народом, скажем, образ Чапаева в исполнении Бабочкина. При всей их несхожести они воплощали представление зрительских масс о герое, о нравственных качествах героизма.

По силе обобщения образ Максима стал, пожалуй, наиболее крупным, а вместе с тем живым и ярким кинопортретом, кинобиографией большевика-революционера. Со времени первого появления на экране Максим воспитал в духе патриотизма, преданности Советской Родине уже не одно поколение зрителей.

После работы актера над образом такой силы, кажется, должно наступить «затишье» — и ведь оно будет нами понято, оправдано, не так ли?

Но... вспомним слова и мотив другой песни, которая столь же широко вошла в жизнь народа:

Пусть проходят год за годом
длинной чередой,—
Эта песня остается
вечно молодой...

Музыка Тихона Хренникова, на редкость точно совпавшая с добродушным, жизнелюбивым, но очень деятельным характером героя, и, конечно же, актерский талант Бориса Чиркова опять-таки сделали фильм «Верные друзья» нестареющим.

А разве забудется картина «Учитель», где Борис Чирков вместе с Тамарой Макаровой создали образ истинно народной интеллигенции, передовых людей советского села! Учитель Б. Чиркова — во всех взаимоотношениях с крестьянами — становится для них духовной опорой, помощником и советчиком.

Таким же верным другом предстает Чирков и в самой жизни для всех, кто рука об руку с ним трудится в искусстве.

На дверце книжного шкафа в квартире Бориса Петровича висит шутливый диплом, сделанный из бересты. Он подарен друзьями. Старинной русской вязью здесь написано: «Грамота сия юбилейная выдана славному сыну Петра Борису, урожденному Чиркову — мудрому и доброму человеку и актеру».

Тут все верно! Именно эти качества — доброта и мудрость — органически выступают как ведущие черты героев Чиркова, определяя тему чуть ли не всех главных работ актера в кино. И Максим, получивший всенародную известность, и Чижов в «Верных друзьях», и Степан Лаутин в «Учителе» — все они по-своему выражают лучшие черты национального русского характера — черты советского человека. Но при всем том как же они разнолики и несхожи, эти образы! Хотя в них всегда заметна личность актера, непременно бывает виден еще и он сам.

Зайдем к нему, познакомимся.

Приветливо улыбаясь, этот открытый, спокойный человек встретит нас не как посторонних. Сразу наладится простой, дружеский тон беседы, и мы не заметим ни малейшей позы, ничего, что говорило бы о его исключительности, всенародной известности...

Борис Чирков родился в небольшом городке Нолинске — месте «глухом и заброшенном», по собственному выражению артиста.

До железной дороги от Нолинска 150 верст... Единственным развлечением здесь в то давнее время были спектакли драмкружка, организованного при обществе трезвости. Но, воспитанник реального училища, Чирков даже и не мечтал попасть на любительскую сцену... Помог случай: заболел суфлер, любители обратились за помощью в реальное училище, а там сразу же назвали Чиркова... Вот так он впервые очутился один на один с чудом беззаветно любимого им театра.

Забыв обо всем на свете, нововявленный суфлер сразу почувствовал себя артистом! И... принялся «играть» за всех исполнителей, да так громко и темпераментно, что пришлось закрыть занавес!

Первое же соприкосновение со сценой, следовательно, обернулось неудачей, провалом. Однако о старательном суфлере все же вспомнили при постановке следующего спектакля. И ему была поручена роль Кутейкина в «Недоросле» Фонвизина...

Шел 1919 год, когда имя Бориса Чиркова впервые появилось на афише. К тому времени он уже успел закончить реальное училище и стал сперва школьным учителем, а потом даже и директором школы. Но по-прежнему участвовал во всех спектаклях драмкружка.

В 1921 году Чирков приехал в Ленинград. Он собирался поступать в Политехнический институт. Однако друзья, видя одержимость Бориса театром, буквально заставили его пойти в Институт сценических искусств. Они нарядили его в «парадные» брюки, сшитые из сукна, которым был когда-то покрыт письменный стол, и отправили экзаменоваться.

Чирков вовсе не надеялся на успех. Однако, к удивлению самого абитуриента, в институт его приняли. И зачислили на курс С. Э. Радлова.

...Первые годы учения запомнились Чиркову как время всякого рода формальных экспериментов, ошибок, заблуждений... Но в конце концов эти увлечения миновали; прирожденная тяга артиста к реалистическому видению мира победила. Выпускные спектакли оказались вполне приемлемыми. И сразу же после этих спектаклей режиссер Ленинградского театра юных зрителей Б. В. Зон пригласил Чиркова в свою труппу.

Люди, стоявшие тогда во главе Ленинградского ТЮЗа, учили актеров широко смотреть на все, что происходит в жизни и в искусстве. Еженедельно по четвергам устраивались обсуждения новинок художественной жизни Ленинграда: спектаклей, выставок, концертов, книг...

Вместе с Б. Чирковым в театре работали Н. Черкасов, В. Полицеймако, П. Кадочников... Начинавшие свою драматургическую деятельность С. Маршак, Е. Шварц, А. Бруштейн принимали самое деятельное участие в жизни коллектива. Возглавляли театр А. Брянцев, Б. Зон и Е. Гаккель. Каждый из них был крупной творческой индивидуальностью, в то же время они, совместно строя новый театр, как бы дополняли друг друга.

Начинал Чирков в театре с массовок. Впрочем, он продолжал участвовать в них даже и тогда, когда исполнял уже ведущие роли: Санчо Панса, Тиль Уленшпигель, Иванушка в «Коньке-горбунке»...

Борис Петрович вспоминает, что в одной из пьес того давнего времени он играл роль молодого рабочего. Когда спектакль фактически был уже окончен, артист выходил на авансцену, чтобы произнести довольно длинную клятву — обещание работать так, чтобы помогать победе нового, наступлению хорошей жизни для людей мира... И никто из зрителей не торопился уходить: к клятве рабочего человека горячо присоединялись все, кто находился в зале...

Ощущение полезности, необходимости гражданственного искусства, страстное желание принести пользу людям, впервые пришедшим в театр,— вот какие стороны таланта прежде всего оттачивались у молодого актера. А попутно шла увлеченная, творческая его работа уже и в кинематографе... К ней он был подготовлен, как видим, всей предшествующей работой на сцене.

Кстати сказать, со сценой Чирков не расстался до сих пор. Борис Петрович — участник многих спектаклей Театра киноактера, московских театров имени Пушкина и имени Гоголя. Его сценические образы по-прежнему разнообразны, герои наделены яркой индивидуальностью. Более того, они, я бы сказала, часто бывают контрастны и по характерам и по манере воплощения.

Вспомним хотя бы, с какой чуткостью к мягкой чеховской интонации сыгран Лебедев в «Иванове» — слабовольный, сломленный человек, в чьей душе многое перепуталось: тут и благородство, и сознание собственного бессилия, и ранимость, глубокая грусть и беспомощность... Или в «Украденном счастье» И. Франко, где Микола Задорожный в трагическом исступлении убивает соперника... Забитый, задавленный судьбою человек вдруг оказывается способен к стихийному бунту. И этот неожиданный переход от покорности и тихого смирения к страстному протесту, негодованию показан на редкость ярко.

Трагична фигура Кузовкина в «Нахлебнике» Тургенева. Здесь актер раскрыл не только всю глубину предельного отчаяния, всю горечь этой неудачной жизни, но открыл еще и предельную чистоту натуры, то чувство достоинства, с которым Кузовкин отрекается от отцовства ради благополучия и спокойствия дочери...

Сложная, напряженная психологическая жизнь отличает образ Распутина, которого Чирков играет очень интересно и своеобразно, гиперболизируя черты выродка — человека, отторгнутого народом, социально и психологически заостряя эти черты.

Максим и Распутин... Вдруг столкнулись такие противоположности в творчестве одного и того же актера!.. И это еще раз свидетельствует о широте его творческих возможностей.

Сегодня мы можем увидеть Чиркова в роли Распутина на сцене Театра имени Н. В. Гоголя в «Заговоре императрицы», а завтра встретимся с чирковским Агабо — грузинским крестьянином в спектакле «Пока арба не перевернулась»...

Таков любимый зрителем большой художник, Герой Социалистического Труда Борис Петрович Чирков, артист театра и кино, наш современник, неутомимый деятель советского искусства.

Н. Неврев. 1830—1904. БОЯРЫНЯ.

Государственный Русский музей.

И. Горюшкин-Сорокопудов. 1873—1954. МОСКОВСКАЯ УЛИЦА.

Государственный Русский музей.

Цезарь **СОЛОДАРЬ**,
специальный корреспондент
«Огонька»

ДВОЙНЫЕ

«ТОЛЬКО БЕЗ МЕНЯ!»

Подобную вариацию английского господина еврейской национальности по фамилии Бук из города Сандерленда я уже в «Огоньке» приводил (№ 14, 1974 год). Приведу еще несколько.

Начну с венского домовладельца Либермана. Из всего, чем он владеет, наиболее ощутимый доход приносит ему полуразвалившийся дом на Мальцгассе, где ютятся десятки беженцев из Израиля. Ссылаясь на «несолидные» документы многих квартирантов, Либерман огулом дерет с каждого за угол, как за комнату.

— Я не имею морального права покидать Вену,— обычно отвечает Либерман на вопрос, почему он, добропорядочный сионист, не эмигрирует в Израиль.— Я чувствую себя в Вене коренным австрийцем, но это не мешает мне строго соблюдать заветы иудейской религии. В Австрии я делаю немало добрых дел для еврейского государства. Не только сам помогу каждому, кто чувствует необходимость уехать из Австрии в Израиль, но не поленюсь собрать для него пожертвования у других. А смогу ли я делать добрые дела в самом Израиле? Ведь своих домов я туда с собой не захвачу. А все евреи когда-нибудь будут в Израиле, но пока туда должны ехать, во-первых, молодые и, во-вторых, такие, у кого, к сожалению, не очень ладятся дела дома.

Строительный подрядчик Глейзер, ведавший ремонтом маккабистского спорткомплекса в Мехико, шумный сангвиник и поклонник соленых шуточек, выразился не столь степенно, но не менее определенно, чем Либерман:

— Жаль, что вы спешите, я бы познакомил вас с парочкой-другой чудаков. Ни специальности, ни постоянной работы, ни перспектив для детей. Как говорится, голь-шмоль и компания! Что же тебя, голодранца, держит в Мексике? Какими такими акциями с хорошими купонами ты привязан к ней? А заговори с ним про переезд в Израиль — отнекивается. Боится, видите ли, рисковать. Наверно, в душе хочет, чтобы я за него рискнул, бросил все подряды, забрал детей из университетов и полетел в Израиль. Наивные люди!

Подобные вариации на тему эмиграции в Израиль слышал я и от американских евреев. Но коли речь зашла об Америке, читателям интереснее будет познакомиться с высказыванием нью-йоркского журналиста, как и я, приехавшего в Колорадо-Спрингс на мировой чемпионат фигуристов. Хотя это высказывание не принадлежит сионисту, оно, можно сказать, обобщает многочисленные вариации, на которые так щедры сионисты брахфельдовской модели в разных странах:

— Вас интересует, как любой, более или менее состоятельный еврей в Америке, в Аргентине, во Франции, словом, где угодно, относится к перспективе переезда в Израиль? На это можно ответить анекдотом, правда, вот с такой бородой. Однако замечательный писатель Лион Фейхтвангер счел нужным привести этот старый анекдот в одном из своих романов. Как известно, в пасхальный вечер верующие евреи по традиции пьют бокал вина за то, чтобы в будущем году встретить пасху в Израиле. И когда произносят этот тост, одна дама, проживающая в Америке, энергично, как подчеркнул Фейхтвангер, всегда добавляет к тосту: «Только без меня». Поверьте, это весьма типичная дама. На ее позициях нерушимо стоит абсолютное большинство американских евреев. Некоторые субсидируют — одни охотно, другие вынужденно — любые операции, способные усилить эмиграцию в Израиль, другие пылко поднимают бокалы за возвращение на землю предков, но каждый при этом мысленно или вслух добавляет: «Только без меня». Вопреки Фейхтвангеру они после этих слов ставят восклицательный знак, а может быть, даже целых три...

Вернемся, однако, в антверпенский особняк на Калмастраат, 7, где Марсель Брахфельд говорит мне:

— Некоторые сионисты в Нидерландах рассуждают, мне говорили, так: если много активных еврейских патриотов уедет от нас в Израиль, то это ослабит наши ряды в странах рассеяния. Я с такими мотивами не согласен. И прямо говорю, что хотелось бы видеть побольше единоверцев, добровольно выезжающих из наших стран в Израиль. Но пока слова насчет отъезда еще расходятся с делом, нужно, чтобы все евреи вне Израиля понимали, что дело в конце концов не в паспорте, и всюду ощущали себя гражданами еврейского государства. Со всеми обязанностями.

— И правами?

— А,— машет рукой Брахфельд,— прав мне и так хватает!

— Вас не беспокоит, что двойное гражданство порождает в человеке двойственность, даже двоедушие?

— Философия. Наоборот, когда надо действовать на два фронта, у человека прибавляется сил. Конечно, если это сильный человек... К сожалению, из ваших стран, из социалистических, в Израиль приезжают люди несильные. А требования у каждого колоссальные! Как минимум, дайте ему то же самое, что он имел там. И сколько ни долбите ему, не хочет понять, что служащими Израиль обеспечен по горло. И адвокатами, и банковскими работниками, и всяким начальством. Значит, если ты настоящий еврей, примирись со службой похуже. Не хотят. Протестуют, жалуются, непатриотично выражаются. Я думаю, многие из них — неверующие. Да, неверие — корень зла. Иначе не ставили бы они собственные интересы выше идеалов всего еврейства.

— Всего?

— В будущем — всего... А пока Израилю нужны патриоты, которые даже смерти не боятся, а не олим со ста болячками каждый. Попробует израильской жизни, поморщится и уезжает. Таких йордим[1], всех без исключения, я называю изменниками, не иначе. Их много и среди олим с Запада. От них мало пользы и там, на родине предков, где они становятся только израильтянами, и здесь, где они могут пользоваться двойным гражданством...

ТЕМЫ ЛИТЕРАТУРНЫЕ И ПРОЧИЕ

Продолжать полемику с Брахфельдом о двойном гражданстве было, естественно, бесполезно. И я только повторил ему слова, услышанные мною от приказчика магазина Мориса Фельцштейна в Вене, на Кернерштрассе:

— Двойное гражданство? А тройного они не хотят? Я им скажу, как говорится в «Записках коммивояжера» у Шолом-Алейхема: с одной «извините за выражение» на две ярмарки сразу не ездят!

— Шолом-Алейхем не любил еврейский народ,— неожиданно поморщился коммерсант.— Не будем о нем говорить, его сатиры давали и дают пищу антисемитам.

Не сразу придя в себя от такого парадокса, я заметил:

— Если стать на вашу точку зрения, то Гоголь не любил русский народ, а Диккенс — английский.

Брахфельд остался к этим именам равнодушным, как и к имени Горького, когда я сослался на высокую оценку, которую Алексей Максимович дал творчеству Шолом-Алейхема.

Пытался я заговорить о таких знаменитых еврейских писателях, как Ицхок-Лейбуш Перец, Менделе Мойхер-Сфорим, Давид Бергельсон. Однако разговор на литературные темы у нас не получился. Брахфельд пресек его таким образом:

— Я читаю еврейскую художественную литературу нечасто. Но верю своим детям, что начинается она с современных писателей Израиля.

И назвал имена, столь же, честно говоря, неведомые мне.

— Я знаю,— продолжал коммерсант,— у вас в стране издают еврейские книги, показывают еврейские спектакли. Но, к сожалению, только на идиш. А почему у вас не знают иврит? Ведь ваши молодые люди изучают многие иностранные языки. Почему бы им не изучать и древнееврейский?

— А какая в этом необходимость?

В словах хозяина дома впервые проскальзывает горячность: Советское государство чуть ли не должно обязать молодых людей еврейской национальности изучать иврит.

— И не просто изучать,— подчеркивает Брахфельд.— Читать книги на иврите, беседовать между собой на иврите.

Эту мысль он даже излагает повторно по-французски, для переводчика.

И мой молодой спутник нетерпеливо вступает в беседу:

— Иностранные языки — английский, немецкий, чешский, польский, любой другой — интересны, полезны. Помогают в учебе, в освоении новой техники, в работе. Вот я изучил французский, и он помогает мне объясняться с людьми из десятков стран, в том числе и здесь, в Бельгии. Есть у нас переводчики и с еврейского и на еврейский. Одни переводят на русский, белорусский, украинский Бергель-

Начало см. «Огонек» № 39.

[1] «Йордим» на иврите — беглец.

сона, а другие на идиш русского писателя Фадеева, киргизского — Айтматова, белорусского — Быкова.

— У вас чересчур деловой подход,— нервозно прерывает переводчика Брахфельд.— Для дела мне тоже нужен английский. Но для сердца нужен иврит.

— Мне сердце этого не подсказывает.

— Вы обязаны подсказать,— обращается Брахфельд ко мне.— Вы, старшие, не должны мириться с тем, что еврейская молодежь у вас не знает иврита!

— А ваша молодежь знает иврит?

— Что за вопрос!

— Почему же все сионистские газеты издаются в Бельгии на французском и фламандском языках?

— Все? Ну, вы преувеличиваете!

Я вынужден обратиться к блокноту и коротко проинформировать хозяина дома:

— У вас, в Бельгии, издается двенадцать газет, журналов и бюллетеней сионистской ориентации. Даже «Кайлатенон» — орган главной еврейской общины Брюсселя, бюллетень с религиозным уклоном, бесплатно раздающийся читателям,— и тот выпускается не на иврите. Хотя, как вы знаете, редактирует его Пинхас Каленберг, обязанный безукоризненно владеть ивритом по своему сану военного еврейского капеллана. Так же поступает и журнал «Сентраль» — орган еврейских общественных организаций. Я сейчас не касаюсь их тиражей, порою карликовых, и редкой периодичности. И лишь «Де Сентраль» — выходящий у вас, в Антверпене, журнал центральной администрации еврейских благотворительных и общественных организаций — только 8 процентов тиража печатает на идиш! Остальные 92 процента отданы фламандскому и французскому языкам. Что же касается иврита, то этот язык не фигурирует ни в одном издании. Я не ошибся?

Пытаясь обратить все в шутку, Брахфельд комически поднимает руки кверху:

— Вам, наверно, помогла электронно-вычислительная машина. Что ж, перед точными цифрами деловой человек пасует.— И уже серьезным тоном продолжает: — Я читаю только еженедельник «Исроэль д'Айорди». Этот солидный журнал издается при участии торговой палаты Бельгия — Люксембург — Израиль. Его генеральная тематика — деловые связи с израильской торговлей и промышленностью.

— И все же порядочно места уделяет журнал и сионистской пропаганде.

— Уж, конечно, не антисионистской. Ее вы можете найти во «Флеше», бюллетене Союза прогрессивных евреев Бельгии. «Флеш» — это значит «Стрела». Но вылетает она из лука, говорят, очень-очень нерегулярно. На мой взгляд, если не обеспечена серьезная финансовая база, не стоит браться за издание...

Хотел было просветить Брахфельда, что за последнее время «Флеш» выходит бесперебойно, что число подписчиков растет, что на это внешне скромное издание поступают запросы из других стран. Но меня остановила мадам Брахфельд. Она испугалась, что я сильно огорчу ее мужа.

И все же пришлось огорчить. Когда речь зашла о смешанных браках.

Услышав мое мнение на сей счет, мсье Марсель Брахфельд отставил тарелочку с диетическим желе и, как бы подчеркивая свою неистощимую терпеливость, сказал:

— Не думайте, что я против смешанных браков с религиозной точки зрения. Я знаю, есть и неверующие евреи. Но ведь смешанные браки порождают легкомысленное отношение к национальным идеалам!.. У нас тоже евреи женятся на бельгийках, а еврейки выходят замуж за бельгийцев. Но ведь после этого они перестают быть евреями и еврейками. Плакать хочется!

— Скажите, а бельгийцы разве тоже оплакивают судьбу бельгийской девушки, вышедшей замуж за еврея?

— Как можно сравнивать!— сорвалось с уст Брахфельда. Но затем тихо и с какой-то заинтересованностью он переспросил меня: — Значит, по-вашему, если сын говорит родителям, что женится, они не обязаны прежде всего поинтересоваться, какой национальности девушка?

— Родителей прежде всего интересует, любит ли девушка их сына,— опередил меня с ответом переводчик, очень молодой человек.— И еще где она учится или работает. Наконец, красива ли она, хороший ли у нее характер.

Я одобрительно кивнул.

Брахфельд выглядел весьма взволнованным. И, поймав беспокойный взгляд мадам Брахфельд, я напомнил ее мужу:

— Вы собирались мне показать вашу библиотеку.

На втором этаже, в библиотеке, где доминировали старинные сионистские издания в добротных переплетах и техническая литература в потрепанных обложках, наша беседа продолжилась.

Большого интереса для читателя дальнейшие разглагольствования Брахфельда не представляют, но тут нельзя еще раз не сказать о его отношении к беженцам из Израиля, или, как он их называет, «изменникам». В разговоре Брахфельд запальчиво произнес:

— Мы в Бельгии ни одним изменником не занимаемся. Вы об этом знаете?

— Знаю. Заниматься беженцами из Израиля вы перепоручили так называемому «толстовскому фонду», а также фондам «Каритас католика» и протестантскому.

— Это их дело.

О ТРЕХ ФОНДАХ И ОДНОЙ ДАМЕ-ПАТРОНЕССЕ

Нет, этим делом в Бельгии занимаются, и весьма активно, сионистские организации. Но из тактических соображений, прежде всего из стремления подчеркнуть, что любой йордим в их глазах презренный изменник, сионисты спрятались за ширму трех перечисленных фондов.

Впрочем, список сионистских субподрядчиков в этой области можно продолжить. В него должна войти и группа работников бельгийского эмиграционного бюро во главе с негласным агентом американского «Джойнта» Грецером — ведь именно он уполномочен придать официозность деяниям всех трех фондов по отправке беженцев из Израиля в США, Канаду, Австралию, Новую Зеландию. Несправедливо было бы забыть и отдельных дам-патронесс вроде дочери царского генерала Корнилова.

Да, да, приснопамятного Лавра Георгиевича Корнилова, под чьим командованием была в 1917 году предпринята попытка расстрелять Апрельскую демонстрацию петроградского пролетариата. После этого в послужном списке бесславного военачальника появилось немало кровавых еврейских погромов на юге России. А сегодня дочь Корнилова, всемерно стремящаяся к тому, чтобы не угасла память о доблестном погромщике, заботливо опекает «бедных евреев». При одном, конечно, непременном условии: они и думать не должны о социалистических странах, а письма оставшимся там родственникам должны писать в стиле «Гром победы, раздавайся!». И еще одно глубоко беспокоит госпожу Корнилову: не читают ли, не дай бог, беженцы из Израиля журнал «Патриот», издающийся Союзом советских граждан в Бельгии? Девиз журнала «Одна у человека мать, одна у него и родина» никак не устраивает даму-патронессу. По ее убеждениям, у человека может быть и вторая родина — в этом она сходится с сионистами!

Кому-кому, а «официозному» Грецеру доподлинно известно: все фонды, все бюро, все дамы-патронессы занимаются беженцами из Израиля на сионистские деньги. И отчисляют в свою пользу положенный куртаж. Причем не только за каждого завербованного и уже отправленного в новую эмиграцию человека, но и за тех, кого еще только обхаживают, обрабатывают, проверяют. Как установили активисты журнала «Патриот», сионистские организации зачастую выплачивают агентам трех фондов вознаграждение даже за тех, кто сам и не подозревает, что включен в список «лиц, подлежащих отправке из Бельгии». Одну из дам-патронесс, некую мадам Изабеллу, уличили в том, что из желания побольше подзаработать она включала мертвые души в списки «подлежащих отправке».

Отправке ли? Пожалуй, деятельный агент «Каритас католика», известный бывшим израильтянам под кличкой «Брюнет», не без оснований именует эту отправку депортацией — страшным словом, означавшим смертный приговор миллионам людей в годы нацистского террора.

Не следует поэтому наивно удивляться размаху, с каким фонд «Каритас католика» организовал лагерь беженцев в Вестэнде, близ голландской границы. В этом заведении католические сотрудники первым делом взывают к... еврейским национальным чувствам беженцев и методично увещевают блудных сынов и дочерей вернуться в лоно еврейского государства. В помощь католическим агитаторам сионистская федерация Бельгии забросила в Вестэнде несколько тюков своей пропагандистской литературы.

Увещевания желаемых результатов не дают. И тогда начинается подготовка к переотправке беженцев из Израиля в другие страны западного мира. Каждый строго-настрого предупреждается: обходи стороной консульство страны, откуда ты переехал в Израиль, не смей туда обращаться! Мой земляк винницкий обувщик Борис Гуревич и его жена Роза Дихтярь пренебрегли этим предупреждением и немедленно были вышвырнуты из Вестэнде.

Не успели они очутиться за воротами лагеря, как их тут же подобрал другой фонд — протестантский. По передоверию сионистских организаций он тоже занимается беженцами, правда, не в таких масштабах, как католический.

Но первенство все же за брюссельским филиалом «толстовского фонда». За последние годы его деятельность в Бельгии заметно потускнела: некем было заниматься. И когда вдруг привалил такой бизнес, как депортация в Северную Америку беженцев из Израиля, филиал ожил. Пришлось даже расширить штаты, тем более, что «Джойнт» и «Сохнут» охотно оплатили расходы. Хозяева фонда сочли новые задачи брюссельского филиала сугубо ответственными и тут же прислали инструкторов из Мюнхена. Первым делом те проинструктировали аппарат филиала в таком направлении:

— Досконально проверяйте действительную специальность и квалификацию каждого, кого наметили депортировать. В Израиле приехавший техник выдавал себя за конструктора, сиделка — за врача, а мелкий репортер — минимум за писателя. А Соединенным Штатам, например, шантрапа не нужна — пусть «Каритас католика» отправляет ее в Новую Зеландию!

При участии мюнхенских инструкторов была также выработана унизительнейшая процедура медицинского обследования. И не редкостью становятся такие заключения:

— Муж годится, теща — с некоторой натяжкой тоже. Но жена не подойдет.

Для такой семьи сразу возникает «третьесортный» вариант — Новая Зеландия или Австралия.

Передо мной анкета «толстовского фонда», без которой невозможна «регистрация для классификации, как условно въезжающего в США». После 5-го параграфа, гласящего «Я бежал из...», логически следует один из важнейших параграфов анкеты с пометкой «изложите подробно». Он требует подробного рассказа о причинах отъезда регистрируемого из страны, где тот родился и жил. И когда дело касается бывших граждан социалистических стран, некая Ольга Михайловна, заведующая регистрацией, требует ответа только в таком духе: «Подвергался репрессиям, как еврей». Иные формулировки она перечеркивает и предлагает заполнить новый бланк, предупреждая, что «это в последний раз!».

Параграф 14-й требует от «условно въезжающего» подробнейшего рассказа о прохождении военной службы. А параграф 15-й обязывает: «Ниже я перечисляю все организации, общества, клубы и объединения, в которых я состоял или состою сейчас, а также время и место членства».

Завершает анкету параграф 19-й: «За меня ручается: (укажите имя и адрес вашего поручителя в Соединенных Штатах Америки)». На этот параграф регистрируемый отвечать не должен. Он обязан ждать три, четыре, пять месяцев, пока на этот параграф ответит Ольга Михайловна и собственноручно напишет, что ручается «толстовский фонд».

Бывший житель Узбекистана Джура Абрамович Муллаев ждал этой записи в своей анкете 213 дней и с грустным юмором сказал мне:

— На меня по моему собственному недомыслию свалилось много неожиданностей. Но мне и не снилось, что за меня, ташкентского часовщика, и за мою жену, маникюршу Рахилю, перед иммиграционными властями Америки поручится «толстовский фонд». Значит, я уже конченный человек?

— Лучше бы фонд поручился за меня перед самым плохим родильным домом в Израиле,— добавляет Рахиля.— Меня не взяли ни в один, так как знали, что я йорда, бегу из Израиля. И я родила мертвого ребенка.

Собственноручная пометка Ольги Михайловны в регистрационном бланке еще не завершает многомесячного процесса подготовки к выезду. Недостаточно и заверенного фондом

такого обязательства кандидата в иммигранты: «Я подтверждаю под присягой, что мне известно содержание этой, подписанной мною регистрации, включая приложенные документы, что все это правда, насколько мне известно, и что занумерованные исправления сделаны мною или по моей просьбе, и что эта регистрация была подписана мною, моим полным и настоящим именем».

Этим обязательством, однако, не заканчивается прощупывание клиента. Он обязан еще устно рассказать подробнейшим образом свою биографию, изложить свои политические взгляды и ответить на самые неожиданные вопросы допрашивающего. Эта «беседа», длящаяся иногда часами, записывается на пленку.

Но и всего этого еще мало. Через несколько недель ожидания, как сказано в инструкции, еще нужна будет «Гарантийная форма 1 — 591, заполненная поручителем в Соединенных Штатах Америки», которая «потребуется прежде, чем вам будет разрешен условный въезд».

Зачем же ждать несколько недель?

Одного особенно нетерпеливого клиента Ольга Михайловна раздраженно отбрила:

— Вы же давно догадались, что ваши документы мы отправляем на просмотр. А куда — я вам не скажу! Впрочем, могу сказать...— Выдерживает паузу:— Не в Америку.

Сведущие люди утверждают, что «не в Америку» означает «в Европу, в Мюнхен».

«Толстовский фонд» придерживается правила, по которому Магомет в случае необходимости идет к горе. И если йордим не гонится за разрешением на «условный въезд», агенты фонда начинают гоняться за ним.

Это испытала на себе двадцатичетырехлетняя Бронислава Шувалова, в недалеком прошлом машинистка из Москвы. Бронислава предала родину, но она еще и жертва неописуемой подлости мерзавца, за которого вышла замуж.

Ее отец, пенсионер Илья Михайлович Эрбург, в 1972 году отправился в Израиль. Бронислава осталась в Москве и никак не реагировала на отцовские приглашения приехать в Израиль. Но мгновенно отреагировал на них некто Н. В. Лыченков. В данном «интеллигенте без профессии» любовь к Брониславе, да еще шекспировского накала, вспыхнула с первого взгляда. И башмаков еще не износив, в которых шел в загс регистрировать свой брак с Брониславой, он уговорил молодую жену подать заявление о выезде к отцу. А влюбленный муж не может не последовать за ней! Еще по дороге в Израиль Бронислава с ужасом поняла, что женитьба на ней была для Лыченкова только ширмой. А в Израиле он перестал это скрывать.

И такого отъявленного проходимца сионистская пропаганда разрекламировала как «благородного русского человека, растроганного стремлением рассеянных по свету евреев воссоединиться на земле отцов».

А Бронислава, покинув «мужа» и отца, бежала из государства, где у власти сионисты.

В Брюсселе на нее никакого внимания не обратили ни «Каритас католика», ни протестантский фонд. За такую «голову» они не получат вознаграждения: ведь Канада, куда они преимущественно импортируют беженцев, не принимает одиноких женщин. У каждого хозяина своя фантазия!

Зато сотрудники «толстовского фонда» сразу нацелились на Брониславу, преследуют ее по пятам...

К сожалению, я был лишен возможности ознакомить Брониславу с письмами беженцев, депортированных означенным фондом в США и уже успевших вкусить прелести американского образа жизни! Хоть писаны письма с большой оглядкой — чтобы не повредить себе в Америке и адресату в Бельгии! — все же они достаточно точны и убедительны.

ЗАПОЗДАЛОЕ ПРОЗРЕНИЕ

Начну с письма, рассказывающего не о материальных лишениях и отсутствии крыши над головой, а о нравственной атмосфере, обрушивающейся на олим, очутившихся в США в результате, как они говорят, «переваки» из Бельгии.

Прежде чем показать мне письмо, жительница Брюсселя мадам Тилэв бегло охарактеризовала написавшего ей человека:

— Я приютила бежавших из Израиля супругов — экономиста и учительницу. В советское консульство они не решились обратиться. Несколько раз подходили, но так и не отважились нажать кнопку дверного звонка. Стыдно было. «Нам нет прощения. Мы молодые люди,— говорили они мне,— мы сформировались в советском обществе, получили образование в советских институтах. Может быть, малограмотный старик еще приведет какие-нибудь доводы в свое оправдание и заслужит прощение Советского государства. А мы?» Их подхватил «толстовский фонд» и после семимесячных проверок отправил в Америку. Еще не найдя работы и вообще, как пишет Бетя, «еще не определившись», они прислали мне подробное письмо. Большую часть письма писал Леонид. Вот оно, прочтите. И вы ни за что не решитесь опубликовать фамилии и американский адрес Бети и Леонида — поймете, что с ними могут там жестоко расправиться.

«Мы понимали,— пишет Леонид,— что едем не в рай (после Ашкелона и Тель-Авива мы рая уже не ждем). Но надеялись хоть немного отдохнуть от треска и демагогии сионистской пропаганды... А мы действительно устали в Израиле от злобства по адресу Советского Союза. Мы устали от лжи, так как сионистскую пропаганду в Израиле можно одним словом «ложь»[1]). Бетя где-то прочитала о том, что геббельсовские пропагандисты утверждали, что чем больше лжи, тем эффективнее пропаганда. Может быть, израильские сионисты тоже так считают, не знаю. Но у меня было такое впечатление, что они все лгут. И друг другу и сами себе. Во вранье для них большой смысл жизни. А как нас обрабатывали сионисты в Брюсселе, вы сами видели. Если б вы нас не оградили, я бы кого-нибудь ударил и попал в тюрьму.

И в Бостоне[2] мы еще не обеспечили себя хлебом насущным, а нас уже начали снабжать пищей духовной. Нам регулярно присылают газету «Новое русское слово», хотя мне не до выписки ее. Сначала мы подумали, что хорошо хоть читать новости на русском языке, когда кругом говорят непонятно для нас по-английски. Бетя хоть немножечко понимает, а я совсем ничего. Мне сказали, что эта русская газета основана при участии эмигрировавших от царизма в 1910 году русских демократов. А оказалось, что в «Новом русском слове» целые страницы уделены сионистской трескотне. И в том же самом номере еще несколько столбцов идут на восхваление израильской политики на Ближнем Востоке и еще полстраницы на проклятия арабам. Бетя еще не совсем потеряла юмористическое чувство и сострила, что это не новое русское слово, а старые сионистские слова.

Плохой признак. Я чувствую, что мы и здесь будем под ярмом сионистов. Хотя в Брюсселе нас предупреждали, что (вы помните) нас будет вначале содержать толстовский фонд. А когда нам выдали первую помощь (мужчине на 9 долларов 35 центов больше, чем женщине), то тут же предупредили, что это деньги еврейской благотворительной организации, названия я даже не запомнил, но в нем есть слово «цион». Резюмируя, должен сказать, что чувствую, что мы опять попадаем в сионистские лапы, и крепко-накрепко. Про такую ситуацию мы в студенческие годы говорили «неважнец». Только теперь не думайте, что я на нервной почве преувеличиваю. Подумайте сами, если самая большая русская газета здесь проводит почему-то сионистскую пропаганду...»

«Почему-то?» Далеко не почему-то, а вполне закономерно для хозяев и руководителей «Нового русского слова». Бывший экономист Леонид просто еще не успел узнать, что издатель и главный редактор «Нового русского слова» Андрей Седых — это видный сионистский деятель в США Яков Моисеевич Цвибак.

По характеру и склонностям он во многом схож со своим однофамильцем, одесским кантором Цвибаком — персонажем колоритной пьесы Исаака Бабеля «Закат». Бабелевскому Цвибаку удавалось одновременно совмещать богослужение в синагоге, куда захаживал сам Беня Крик, с меткой стрельбой из револьвера по забравшимся в синагогу крысам. И нью-йоркскому Цвибаку тоже удается одновременно выступать в двух ипостасях: горячего рачителя русской национальной культуры и ловкого руководителя одесского сионистского землячества в США.

Скупить акции «Нового русского слова» ему помогли сионистские организации Америки. Они смекнули: эту газету читают русские эмигранты, и совсем не худо будет, если день ото дня в их голову будут вдалбливаться сионистские побасенки.

Вот какое чтиво ждет в Америке любого несостоявшегося израильского гражданина, если «толстовский фонд» все-таки «перевалит» его за океан.

Письмо бывшего киевлянина Бориса Болотникова мне вручил швейцар брюссельского национального банка Аркадий Болеславович Цыганков, помогший Борису после бегства с земли предков кое-как просуществовать несколько месяцев в бельгийской столице. Вначале взволнованный Цыганков хотел передать мне несколько «самых отчаянных писем Бориса», но все же, поразмыслив, дал мне только первое, «более лояльное».

Переброшенного «толстовским фондом» в Америку Бориса Болотникова «распределили» в Даллас — тот самый, где убили президента Кеннеди. «Более лояльное» письмо написано еще на фоне сверкающего холодильника, в котором Борис обнаружил недельный запас питания, преподнесенный ему сионистами «ковбойского», как он пишет, города. Но и в этом письме есть такие строчки:

«Аркадий, ты сейчас самый близкий для меня человек. И ты должен знать, что здесь, вдали от своей настоящей родины, я не знаю даже, как проживу. Я здесь сдохну от тоски по родине, без близких и друзей. Друзей у меня здесь не будет. Что с того, что я выучу английский язык, когда все чужое кругом. Аркадий, тяжело... Местная еврейская организация будет пока что оплачивать квартиру, а что потом? Наверно, устроят на какую-то работу, а что потом, Аркадий? На чужбине, особенно такой, долго не протянешь...»

Ностальгия, видимо, толкнула Бориса Болотникова на какой-то нежелательный еврейским националистам шаг. И, судя по его письму, далласские сионисты по-ковбойски крепко предупредили его: обратишься в советское консульство, пристрелим!

Из Канады тоже приходят в Бельгию вести от жертв «перевалок», осуществленных фондами «Каритас католика» и протестантским. И тоже крайне безрадостные. Там, как правило, получают работу либо муж, либо жена. Вот письмо из Торонто от бывшего румынского гражданина Каухмана:

«Нас считают здесь ненатурализовавшимися жителями Канады. Это связано с ограничениями. И за тем, чтобы мы, не дай бог, не пользовались тем, что не положено ненатурализовавшимся, больше всех следят местные еврейские богачи. Пока мы не настоящие граждане Канады, мы для них дешевая рабочая сила и нам можно платить на 30—40% меньше, чем настоящим. Наша Фанни[3] приехала сюда с двумя курсами медицинского факультета. А тут оказалось, что вступительные экзамены надо сдавать заново. О стипендии, как это было в Румынии, и думать нельзя. Но мы еще боимся, как бы ей не пришлось совсем распрощаться с высшим образованием, а она так мечтала стать врачом».

Довелось мне ознакомиться еще с одним письмом из Канады. Прислал его своей брюссельской знакомой бывший ленинградец Григорий Мирзокандов, двадцатитрехлетний инженер-оптик. Отправителем инженера в Канаду был протестантский фонд, сортирующий своих подопечных в брюссельских отелях «Де бук» и «Шопен». Мирзокандов коротко и ясно охарактеризовал свою жизнь в Канаде: «Ощущаю себя рабом — ведь здесь знают, что я человек без родины».

В Брюсселе мне говорили, что нет пока никаких вестей от израильских беженцев, переброшенных в Новую Зеландию. Но вот накануне моего отъезда из Бельгии повар кафе краснодеревщиков Дрибуш, прославившийся искусством готовить русскую солянку и чай по-славянски, показал мне письмо из Новой Зеландии.

Семья Гиршман, до отъезда в Израиль проживавшая в Черновицкой области, именует свое пребывание в Новой Зеландии ссылкой. «Только ссылка дается на какой-то срок по приговору, а у нас получается пожизненно. Лучше на Украине работать поденщиком на погрузке-разгрузке, чем в Кентерберри заведовать участком на погрузке-разгрузке»,— к такому выводу приходит глава семьи.

А покамест с личного одобрения самого Зусскинда, руководителя координационного центра федерации сионистских организаций Бельгии (и такой высокий пост есть у них!), агенты трех брюссельских фондов продолжают вербовку жертв для депортации.

Но газета федерации «Ля трибюн сионист», журнал общинного центра нерелигиозных евреев Бельгии «Регар» и ежемесячник организации солидарности с Израилем и объединения евреев вокруг Израиля «Контакт» продолжают уверять читателей, что сионисты тут ни при чем, что им нет никакого дела до презренных йордим, что они опекают только желающих уехать в Израиль.

Да что-то нет желающих!

[1] Леонид, очевидно, второпях пропустил слово «определить» или «назвать».

[2] Наименование города я изменил.— Ц. С.

[3] Речь идет о дочери.— Ц. С.

Записки вратаря

Лев ЯШИН

2

НОВЫЕ ПТИЦЫ — НОВЫЕ ПЕСНИ

Без малого пять лет просидел я в запасе. Тогда я пережил немало горьких минут, теперь же, возвращаясь мыслями к событиям двадцатипятилетней давности, вижу череду прекрасных, солнечных дней. А чем, собственно, они были так уж ярки, эти дни? Ну, тренировались, играли, отдыхали, ухаживали за девушками. Все, как у всех. Почему же память рисует это время таким уж счастливым?

Мы были молоды, и этим сказано все. Мы были в том возрасте, когда труд не в тягость, когда каждая игра — праздник, когда предвкушение отдыха слаще, чем сам отдых.

Матчи дублеров редко проводились на стадионе «Динамо». Обычно на свои игры мы выезжали в небольшие города, порой за стополтораста километров от Москвы. Мы собирались рано утром у ворот динамовского стадиона, где нас поджидал старенький, тряский автобус, каких теперь уже почти и не осталось, подпрыгивающий на дорожных ухабах, похрипывающий при переключении скоростей, с потертыми креслами, из которых проглядывали острые концы пружин.

Дежурный пересчитывал игроков — все ли на месте, шофер включал мотор, автобус трогался, выворачивал на Ленинградское шоссе, обдавая прохожих бензиновой гарью, и набирал посильную скорость. И в этот момент из растворенных окон автобуса вырывались на простор первые звуки песни. Люди на тротуарах оборачивались и поглядывали на нас с интересом: куда это они отправились, полторы дюжины молодых, здоровых и голосистых парней? На праздник, на загородную прогулку, на пикник?

Какие песни мы пели? Всякие. Мы знали их десятки, а может, сотни. Про любовь и про войну, веселые и грустные, маршевые и лирические, о девушках и о «махорочке-махорке». Не было штатных запевал, но не было и молчальников. Пели все, и никто не мог себе представить дорогу без песни. А когда наступал момент, про который в песне поется: «Захрипели, потеряли голоса»,— то переходили к шуткам. Со стороны, может, не слишком остроумным, может, даже плоским, может, старым и сто раз повторенным, но неизменно вызывавшим дружный хохот, от которого сотрясались стены и дребезжали окна нашего утлого, чихающего копотью лайнера шоссейных дорог.

Мы были молоды, и нам было весело, и автобус, перебираясь с асфальта на проселки, приближал нас к желанному футболу...

Начало см. «Огонек» № 41.

Смелость и точный расчет.

Сейчас мы тоже ездим на игры все вместе. К нашей великолепной тренировочной базе в Новогорске, где комнаты на двоих, и все удобства, и телевизор, и бильярдная, и столовая с накрахмаленными скатертями, и поле со всем необходимым оборудованием, подается просторный автобус с окнами во всю стену. Такие же молодые ребята-дублеры, какими были мы когда-то, выходят из дверей дома, подняв воротники свитеров и зябко поеживаясь, и садятся в автобус. Я захожу последним и пытаюсь расшевелить ребят:

— Ну, как сегодня сыграем? Обед хоть отработаем?

Кто-то улыбнулся из вежливости, кто-то взглянул на говорящего равнодушным взглядом, кто-то и вовсе не поднял глаз, будто не слышал.

Автобус катит по Куркинскому шоссе, по правую руку — поле, по левую — сосны, ели, белоствольные березы — никогда не надоедающий подмосковный пейзаж, на который не устаешь глядеть и не можешь наглядеться.

Тихо в автобусе. Я поворачиваю голову и со своего места, сразу за водительским, оглядываю фигуры молодых динамовских гвардейцев. Уж какие там песни! Уж какие там шутки! Если и скажет один другому слово, то тихо, в четверть голоса. Большинство же молчат — кто дремлет, укачанный ровным бегом автобуса, кто косит невидящим глазом в окно, кто рисует чертиков на стекле. Если кто и повысит голос, то лишь для того, чтобы бросить безразлично:

— Шеф, поищи там в приемнике музыку...

Придя в раздевалку, ребята молча переодеваются, по одному выходят на разминку. Не знаю, возможно, мне так только кажется, но, по-моему, и во время игры они не загораются. Во всяком случае, тщетно я пытаюсь встретить сверкающий взгляд захваченного пылом борьбы человека, напрасно ищу проявлений восторга, уныния, недовольства собой. Разве что вскинет кто-нибудь вверх руки после забитого гола. Но и эта вспышка длится секунду. И опять каждый принимается за свое с такой деловитостью, словно он не футболист, а бухгалтер, надевающий нарукавники и готовящийся отщелкивать свои цифры на арифмометре.

Кончится игра, они быстренько примут душ, оденутся и разбредутся поодиночке, каждый в свою сторону, разбредутся тихо, кивнув друг другу головой или бросив общее: «Пока...» Не пойдут они, как мы в прежние времена, всей гурьбой на танцы, или в Парк культуры, или в общую компанию.

Куда же они пойдут? Право, не знаю. Должно быть, по своим каким-то делам.

Почему так? Почему мы были такими, а они теперь другие? Почему им, нынешним, нужны теперь иные радости? Почему?.. Можно произнести еще сто раз это самое «почему?». Только куда проще спрашивать, чем отвечать.

Впрочем, один ответ вроде бы напрашивается сам собой. Раз мы были веселей, жизнерадостней, раз мы относились к своему делу более романтично, значит, мы были лучше. Так ли это на самом деле? Нет, не может так быть. Да и вообще бесплодное это занятие — спорить о том, какое поколение лучше, какое хуже. Мы были проще — вот, на мой взгляд, ответ наиболее верный.

У всех нас было трудное военное детство — без лишнего куска хлеба, без лишней ложки сахара, без лишней рубашки. Мы знали, что такое взрослый труд на заводе и в поле. На наших глазах жизнь входила в нормальное русло, и мы «добирали» теперь то, что «не добрали» в детстве. Зашел в магазин и купил коробку конфет — прекрасно. Могу провести в автобусе два беззаботных часа — еще лучше. Гуляю с любимой девушкой до поздней ночи по освещенным, лишенным затемнения улицам и не думаю о том, как завтра встану в пять утра и буду, не разгибая спины, стоять

до вечера у станка,— совсем замечательно.

Хватало любого пустяка, чтобы доставить нам радость, привести в хорошее настроение. А где радость, там смех, песни, шутки. В здоровом теле — здоровый дух. И мы, я бы сказал, физически ощущали себя здоровыми: мы совсем недавно стали сытно есть, всласть спать, носить хорошие костюмы. И в коллективе мы уживались проще. И такие понятия, как «долг», «обязанность», «надо», «жертва личного ради общественного», вошли в нашу плоть и кровь давно, с детства — в годы войны каждый из нас впитал их в свое сознание на всю жизнь.

Зато редкий человек среди нас имел среднее образование. Зато мы маловато, не в пример нынешним молодым ребятам, читали. Зато круг наших представлений о мире был сравнительно узок и примитивен. Нашим тренерам было относительно легко работать с нами. Мы многому верили на слово, поскольку знали: тренер образованнее, эрудированнее нас, у него больший жизненный опыт, а если и не имеет он вузовского диплома, то и мы ведь в большинстве совсем не имели аттестатов зрелости.

Человек, которому сейчас 20—25 лет, даже если он ленив и нелюбопытен, даже если не слишком восприимчив к знаниям, все равно поверхностно осведомлен о тысяче разных вещей. Ему известно, как жил Леонардо да Винчи, зачем ездил в Россию Бальзак, как запускаются космические корабли, почему дельфины умнее всех прочих животных, каковы достопримечательности острова Борнео, чем отличается «поп-джаз» от «рок-джаза». Как о своих знакомых, толкует он о Жане Габене и Джейн Фонда, о Дюке Эллингтоне и Мирей Матье, о Марселе Марсо и Рене Клемане. Все эти знаменитые люди беседовали с ним с телеэкрана.

Нынешний молодой футболист за редким исключением пришел в команду после окончания десятилетки, и его голова постоянно занята мыслями о выборе института, заботами о «хвостах», приближающихся сессиях, о незаконченных курсовых работах, недописанных дипломах. Нынешние спортсмены учатся в разных учебных заведениях, но большинство, естественно, поступает в институт физкультуры или школы тренеров. Потому кое-кто из них с тренером может на равных поспорить и по сугубо специальным вопросам, сославшись при этом на конкретную страницу учебника или возразив ему что-нибудь вроде: «А нам на лекции по физиологии говорили иначе». Общеизвестна истина, что тренер может рассчитывать на авторитет в команде, если по развитию стоит выше своих учеников. А это очень непросто в нынешние времена.

Да, мы были проще, и с нами было проще. К нынешним нужен иной подход, нужны новые методы воспитания. А мы чаще всего идем к ним со старыми, которыми пользовались и два и три десятилетия назад. Те испытаны, проверены, апробированы на тысячах футболистов. Только на других, прежних, не нынешних. В этом все дело.

...Я гляжу со своего кресла, что рядом с шофером, на скучающие лица ребят и понимаю, почему они скучны. Не только потому, что озабочен человек множеством забот и ушел в себя. Ему еще, как ни хороша наша новогорская база, осточертели эти четыре стены, на которых он изучил каждую трещинку, надоели одни и те же лица, одни и те же собеседники, с которыми все говорено-переговорено, с которыми все темы перебрали давным-давно, чьи мысли и взгляды так же изучены, как трещинки на стене.

Нас тоже тяготила необходимость подолгу находиться на тренировочных базах, неделями не видя родных, девушек, друзей, жен. Но, с другой стороны, мы понимали: это оправдано. Большинство из нас жили в коммунальных квартирах, в одной комнате с многочисленными родственниками, в условиях, где и зарядку не сделаешь и не поешь, как надо, не отдохнешь, не ляжешь вовремя спать. Теперь все не так. Теперь многих тогдашних проблем не существует. Теперешние футболисты умеют организовать свой режим соответственно всем требованиям спортивной науки, а они по-прежнему живут под надзором многочисленных нянь, живут, по существу, взаперти.

Они лишены того, что свойственно их возрасту и без чего жизнь молодого человека неполноценна — они не могут побродить по ночной улице с любимой, не могут встретиться с интересными им людьми, не могут в дружеской компании вволю поспорить о новом фильме или прочитанной книге, не могут в конце концов посидеть с приятелями за бутылкой вина.

Верно, ложиться поздно спать вредно. И просидеть весь вечер за столом — тоже. И в прогулках с девушками нужна мера, поскольку футболист обязан постоянно находиться в хорошем физическом состоянии. А разве скука и однообразие полезны? Разве монотонный быт, лишенный малейшего разнообразия, безвреден? Разве нехватка пищи для ума, недостаток новых впечатлений не отражаются на настроении человека, на его психологическом состоянии, которое не менее важно для играющего в футбол, чем состояние физическое?

В газетах нередко мелькают сообщения о дисквалификации кого-то из футболистов за «нарушение спортивного режима». Мы-то, работающие в командах, знаем, что попадают в печать далеко не все грешники, а лишь те, чьи нарушения закончились громким скандалом. А отчего они, эти скандалы? Да все оттого же. Вырвется парень домой и торопится взять от жизни все, что она ему не дала за дни пребывания в каком-нибудь Новогорске, Мячкове или Баковке. «Один денек — да мой!» — вот его девиз. И он уж и напровожается в этот денек, и за столом насидится, и дыму наглотается и за прошлое и за будущее.

Я не против того, чтобы собирать футболистов на базах команд, где они как следует отдохнут накануне матча, надышатся свежим воздухом, приведут в нормальное состояние свои эмоции, пройдут элементарный врачебный осмотр. Но все хорошо в меру. А мера меняется с годами, потому что меняются те, к кому мы с этой мерой подходим. Меняется уровень их физического, умственного, интеллектуального развития, меняется их быт.

Мне довольно часто приходится наблюдать молодых динамовских футболистов во время зарубежных поездок. Их не удивишь ни Эйфелевой башней, ни Букингемским дворцом, ни Колизеем, ни Бранденбургскими воротами. Куда бы мы ни приехали, они уже здесь, оказывается, успели побывать. А я вспоминаю свою первую поездку за границу, в Индию. Мне было уже 25 лет, когда я был включен в сборную.

...Нас было около сорока человек — известных, бывалых футболистов, кандидатов в олимпийскую команду. Мы провели в Индии множество матчей, исколесили множество городов, играя и разъезжая по стране в сорокаградусную жару. Но мы слозно забыли, что существует такое понятие, как усталость. Мы были счастливы, как дети, и, как дети, осыпали сопровождающих вопросами. Мы были ненасытны на впечатления. И сегодня эта первая большая поездка свежа в моей памяти.

Мы вылетели из Москвы вскоре после Нового года, и после коротких остановок в Хельсинки, Стокгольме, Мадриде, Лиссабоне, в каком-то — не помню уж каком именно — африканском аэропорту, в Конакри, Карачи, попали из снежной русской зимы в душное индийское лето. Была глубокая ночь, когда мы сошли с трапа самолета на асфальт аэродрома Дели, уселись в кресла просторного автобуса и помчались навстречу огням индийской столицы. Нас поселили в большом комфортабельном отеле, в удобных комнатах с мягкими постелями. Казалось, стоит только прикоснуться к подушке, и уснешь богатырским сном — усталость валила нас с ног. Но никто так и не уснул в ту ночь. Да и как уснешь, когда в распахнутые окна врываются тысячи незнакомых звуков, когда под потолком кружат большие пестрые бабочки, а по стенам мечутся громадные белые ящерицы.

Ранним утром мы вышли из отеля в тренировочных костюмах с буквами «СССР» на груди и тут же попали в плотное кольцо любопытных. Напротив отеля нам открылось бескрайнее, покрытое чахлой травкой поле. Там нам предстояло делать зарядку. Но поле было усеяно сидящими людьми, собаками, мирно дремлющими тощими коровами. Они не обращали ни малейшего внимания на палящее солнце, мы же чувствовали себя так, словно к спине каждого прислонен кусок раскаленного железа.

Потом мы бродили по делийскому базару, ходили по улицам и не уставали поражаться носящимся между прохожими собачьим стаям, лазающим по стенам и крышам домов обезьянам, чинно вышагивающим по мостовым слонам. Мы заходили внутрь величественных храмов из белого камня и заглядывали за занавески циновочных шатров, обнаруживая в каждом из них жующих, пьющих, спящих, что-то делающих людей, копошащихся среди пестрого скарба детишек.

Мы были во многих индийских городах, и каждый оставил по себе яркую и добрую память. Мы купались в теплой воде океана, пили молоко прямо из кокосовых орехов, сорванных с дерева и вскрытых на наших глазах. Нас знакомили с видными общественными деятелями, нам устраивали встречи с друзьями Советского Союза в многотысячных залах, которые все равно не могли вместить всех желающих. Нас катали на самых настоящих индийских лодках, сделанных из толстых древесных стволов. А мы ведь еще играли и тренировались. Играли практически через день. Правда, все с одной и той же командой, которая сегодня называлась сборной страны, завтра — олимпийской сборной, послезавтра — сборной города, в который мы приехали, и т. д. Играли хоть и с босоногой наполовину, но очень неплохой и знающей толк в футболе командой.

Но мы не жаловались на усталость. Да мы ее и не чувствовали. Мы увидели мир — и этого было нам достаточно для полного счастья.

РОМАНТИКА УВОЛЕНА?

Вот написал я это слово — «романтика» — и подумал: если и употребляется оно изредка сейчас по отношению к футболу, то звучит несколько даже иронически. Теперь говорят: «времена романтического футбола» прошли, канули в вечность времена, когда футбол был прост и наивен, когда игроки и тренеры больше полагались на импровизацию, чем на заранее распланированные схемы. Теперь пришел «рациональный футбол». И этот термин звучит как высшая похвала, как явное противопоставление тому, «романтическому» футболу.

Можно сколько угодно вздыхать по минувшим идиллическим временам (а я по ним, признаюсь, и вздыхаю: они принесли нам самые большие успехи), но ясно: историю не повернешь вспять.

Ну, а если на это слово — «романтика» — взглянуть с другой стороны? Готовность отдать избранному делу всего себя без остатка, умение идти к победе, невзирая ни на какие невзгоды и препятствия, неугасающая воля к борьбе — разве это не обязательные черты истинных романтиков? Обязательные, конечно же, обязательные. Больше того, в наш рационалистический век, век математического расчета, достижение больших высот в избранном деле доступно лишь тем, в ком есть эти черты. Нет их — и никакая квалификация не поднимет человека над уровнем посредственности.

Впрочем, назидательных бесед на эту тему ведется с футболистами и теперь немало, даже больше, пожалуй, чем прежде. Однако суть не в словах, а в делах. И когда же думаешь о делах, на ум невольно приходят строки Эдуарда Багрицкого:

...Романтика уволена —
За выслугою лет...

Эти мысли кажутся мне совсем нелишними на фоне тех событий, которые разыгрались вскоре после нашего возвращения из Индии. Матч со сборной ФРГ, Олимпиада в Мельбурне, отборочные игры к чемпионату мира 1958 года.

Что скрывать: приятно предаваться воспоминаниям о событиях, которые прославили наш футбол, но хоть я и был непосредственным участником тех славных дел, не для того возвращаюсь я к ним, уже не раз описанным лучшими перьями нашей спортивной журналистики, чтобы потешить собственное тщеславие.

«К нам едет чемпион»... Тогда еще новички на международной арене, мы не могли ясно представить себе, что это такое — лучшая профессиональная сборная в мире, тем более, что матчи первенства мира 1954 года никто из нас не видел даже по телевидению. Велико было наше волнение перед встречей с овеянной легендами командой, обыгравшей в финале чемпионата мира самих венгров, в чьих рядах были Кочиш, Божик и Грошич, командой, возглавляемой Фрицем Вальтером, имя которого тогда не сходило со страниц печати.

В какой футбол они играют? Какими техническими приемами владеют? Как наступают и защищаются? Никто не мог дать ответа на эти вопросы. Зато ежедневно приезжавшие к нам спортивные руководители, один другого главнее, повторяли: «Вы обязаны победить сборную ФРГ». Нам твердили эти слова, едва мы просыпались, и повторяли их, как вечернюю молитву, на сон грядущий.

Что же удивительного в том, что большую часть первого тайма мы пребывали в каком-то оцепенении. Даже таких наших «технарей», как Игорь Нетто, не желал слушаться мяч. Они теряли его в довольно простых ситуациях, их пасы не находили тех, кому адресовались, их удары были неточны. А бывалый и уверенный в себе соперник терзал и терзал нашу оборону, которая едва успевала отбивать мяч куда попало.

Быть может, я сгущаю краски и внешне все выглядело для нас не так уж скверно в эти первые полчаса, тем более, что именно в на-

чале матча наш центрфорвард Николай Паршин открыл счет. Но мне игра в те минуты представлялась именно такой. Я и сам испытывал чувство скованности, мешавшее принимать решения быстро и точно. И в обоих случаях, когда мяч побывал в наших воротах, была моя вина. И тогда, когда после удара Вальтера мяч, задев кого-то из наших защитников, влетел в сетку, и тогда, когда воспользовавшийся моим неосмотрительным выходом Шефер забил гол в ближний от меня угол.

Какими словами передать наше настроение в эти минуты? Каждый готов был сквозь землю провалиться от стыда перед своей публикой. Каждый корил себя нещадно за плохую игру. Каждый видел себя выходящим после игры из раздевалки и понимал, что не сможет поднять глаза на знакомых и незнакомых людей...

Мы выиграли этот матч 3 : 2. И в статьях, появившихся сразу после игры и спустя некоторое время, и в интервью, которые давали журналистам Г. Д. Качалин и немецкий тренер Зепп Гербергер в тот же вечер, были названы разные причины нашего успеха, такие, скажем, как лучшая физическая подготовленность, преимущество в скорости и т. д. Все это было верно, все базировалось на объективных данных. Но было еще одно обстоятельство, которое ускользнуло — да и не могло тогда не ускользнуть — от внимания аналитиков.

...Когда второй гол влетел в сетку ворот за моей спиной, я был в состоянии, близком к отчаянию. Каких только слов не сказал я себе, каких мыслей не передумал! У меня было в те минуты такое чувство, словно на мне скрестились испепеляющие взгляды всех шестидесяти тысяч зрителей, как скрещиваются на одной точке жгучие солнечные лучи, собранные увеличительным стеклом. Казалось, вот сейчас я сгорю под этими взглядами, сгорю от стыда за свою оплошность. (Уже спустя много лет я прочитал воспоминания одного крупного спортивного журналиста об этом матче, и, в частности, о голе Шефера, голе, который, по мнению этого журналиста, хоть тогда и считался плодом моей ошибки, на самом деле был итогом удивительного и в те времена никому не ведомого резаного удара, когда мяч, пущенный почти с лицевой линии, делает неожиданную петлю и влетает в ближний от вратаря угол ворот.) Но мысль: «Все, конец, проиграли» — не пришла мне в голову в те минуты. Ни мне и никому из нас. И картина игры вдруг резко изменилась. Команда ФРГ оказалась прижатой к своим воротам, наши устремились вперед, все, включая защитников. Душевный подъем, охвативший всех нас, был так велик, что великолепные немецкие футболисты, превосходившие нас и опытом и техникой владения мячом, были бессильны что-нибудь ему противопоставить.

...Отвлечемся теперь на минуту от той игры и вообразим себе, что происходит она на двадцать лет позже, в наши дни. Дело идет к концу, и сборная СССР проигрывает чемпиону мира 1 : 2. Воспримет ли кто-нибудь на поле или на трибуне случившееся, как катастрофу, как нечто невозможное и недопустимое? «Ну, уступили лучшей команде мира с почетным счетом... Хорошо уже и то, что играли на равных или почти на равных... За такое поражение никто строго не спросит, оно естественно и простительно...»

Цитируя не высказанные никем слова о никогда не бывшем матче, я тем не менее не фантазирую и ничего не преувеличиваю. Не этот, выдуманный, так другие матчи проигрывали. И той же сборной ФРГ, и англичанам, и бразильцам, и шведам. Не только в гостях, но и дома. И атмосфера на поле и вокруг была вполне благодушная: все в порядке, все так, как и быть должно — выше головы ведь не прыгнешь...

А в спорте тот, кто хочет добиться убедительных побед, обязан пытаться прыгнуть выше головы, обязан уметь найти в себе и отдать все силы, без остатка.

...Мы уходили с поля, не слыша счастливого рева трибун. Мы не слышали и не видели ничего. Входя один за другим в раздевалку, мы валились в кресла, не в силах сделать больше ни одного движения — даже нагнуться, чтобы расшнуровать бутсы. Мы не могли даже улыбнуться. Да и не хотелось: мы были опустошены этой игрой настолько, что не было сил ощутить счастье победы.

Это было как глубокий сон или забытье, из которого выходишь не сразу, постепенно, когда шум, и похлопывания по плечу, и рукопожатия кажутся не реальными, а лишь продолжением сна, и только потом становятся слышны отдельные слова, и узнаешь чей-то знакомый голос, и вдруг ощущаешь: это явь! И полуторачасовая борьба, и влетевшие в мои ворота мячи, и наступивший в игре перелом, и рвущийся вперед Толя Масленкин — все это было наяву.

Тот матч с чемпионами мира был неофициальным, и выигрыш не принес нам ни титулов, ни медалей, но для нашего футбола он был важнее любого официального и даже финального матча. Сборная СССР снова была сильной, боеспособной, поверившей в себя.

«Король умер, да здравствует король»,— говорят французы. В свое время мы, молодые совсем еще футболисты, были свидетелями кончины олимпийской сборной 1952 года. Ее гильотинировали на наших глазах. Команде не простили поражения в матче с югославами на Олимпиаде в Финляндии. Уволили в отставку прекрасного тренера Бориса Андреевича Аркадьева, расформировали лучший клуб — ЦСКА, где играли такие великолепные футболисты, как Всеволод Бобров и Владимир Никаноров, Валентин Николаев и Анатолий Башашкин, Юрий Нырков и Виктор Чистохвалов, Алексей Гринин и Владимир Демин. Это решение принято было людьми, не понимавшими, какой вред футболу они наносят. Наш футбол сразу лишился и сборной, и клуба-лидера, и лучших игроков. Чуть позже кое-кого из тех, кто не успел еще окончательно потерять охоту к игре, правда, помиловали, и они доживали свой футбольный век в разных командах, но восстановить прежний класс уже не смогли: моральные травмы, подобные пережитым ими, не заживают.

И вот сборная снова существует!

Мы редко хвалим наш футбол, зато ругаем его постоянно и за ставшие уже привычными неудачи на мировой арене, и за серую игру команд на чемпионате страны, и за то, что не в пример футболу пятидесятых и начала шестидесятых годов почти не выдвигает он из своих рядов игроков выдающегося класса, и за многие другие грехи. Все это справедливо — нынешний футбол дает куда больше поводов для упреков, чем для комплиментов. Только — в этом я убежден — не абстрактный футбол надо бранить, а конкретных его руководителей. История гибели и воскресения сборной показывает, что может сделать умный, опытный тренер. И если мы со своего футбольного древа слишком часто снимаем чахлые, незрелые плоды, значит, неважные мы садовники, значит, плохо работают люди, стоящие у руля футбола.

Однако я отвлекся...

Выигрыш у сборной ФРГ при всей важности был всего лишь победой в товарищеском матче. А нам через год предстояла Олимпиада — первая для нас.

Не стану подробно описывать, как ехала советская олимпийская команда в Австралию, как жили мы в удивительном городе под названием «олимпийская деревня», где близко познакомились и сдружились со спортсменами многих стран; как болели за своих, ежедневно уезжавших из «деревни» на разные олимпийские арены и возвращавшихся вечерами, одни — счастливые, с медалями, с рекордами, другие—убитые горем.

О первой нашей игре — с объединенной командой Германии — я тоже вспоминать не буду: она сложилась для нас легко. И мы уже про себя присоединили к этой победе другую, в матче с индонезийцами. С какой легкостью мы завладели инициативой! Как непринужденно подходили наши форварды к штрафной площадке индонезийцев! Как красиво, не снижая скорости, обходили наши крайние нападающие Борис Татушин и Анатолий Ильин по нескольку защитников подряд! Мне нетрудно было любоваться игрой моих партнеров: я ведь выполнял роль не столько участника, сколько зрителя — мяч почти не пересекал средней линии, и я несколько раз уходил от своих ворот чуть ли не к центру поля.

Оставалось лишь одно — подтвердить наше полное превосходство голом. Но время шло, а гола не было. Десять игроков индонезийской команды сгрудились у своих ворот, оставив впереди лишь одного нападающего. И мяч никак не мог пробиться сквозь сплошной частокол ног и тел. Каждый раз в тот момент, когда мячу, казалось, больше некуда было деваться, кроме ворот, он задевал кого-то из футболистов и отскакивал то в поле, то в аут. А однажды вся эта сумятица едва не закончилась катастрофой. После очередного удара мяч срикошетил почти к середине поля, где, кроме центрального нападающего индонезийцев, никого не было, и тот, подхватив его, без всяких помех устремился к моим воротам. А я в этот момент как раз вышел далеко вперед. Что делать? Бежать назад? Ждать, когда форвард сам сблизится со мной? Я выбрал третий путь: как заправский защитник бросился ему навстречу. И не ошибся. Индонезийский форвард, видимо, растерялся, отпустил мяч, и я поспел к нему первым.

Ну, все в порядке, подумал я, теперь ударить посильнее... Сам не знаю, почему я так не поступил. Может, наше преимущество меня заворожило, а может, усыпила та легкость, с какой я обыграл нападающего. Так или иначе, но только на глазах изумленной публики, приведя в трепет своих товарищей по команде, я стал обводить индонезийского центрфорварда. Уж потом мне рассказывали, что запасные на трибуне в этом миг замерли от ужаса, а Качалин, наш невозмутимый тренер, побелел, как мел, и закрыл лицо руками. К счастью, все обошлось благополучно, финт удался, и я отпасовал мяч партнерам. Но больше за всю свою футбольную жизнь я никогда не испытывал судьбу, не проверял, умею ли играть как нападающий или защитник.

Больше мяч у наших ворот не побывал, он не покидал индонезийской половины поля, но гола забить мы не смогли. Ничего не изменилось и в добавочное время, а это значило, что на следующий день мы должны снова выйти на полуторачасовой матч да еще в тридцатиградусную жару.

Такого оборота дела наши тренеры не предвидели, и перед переигровкой Качалин наставлял команду: «Бейте издалека, бейте как можно чаще. Не бойтесь промахнуться. Чем больше ударов, тем больше вероятность точного попадания. Заставьте вратаря работать с полной нагрузкой. Дайте ему возможность ошибиться, ту самую возможность, которой вы лишили его вчера».

И мы победили, забив четыре гола. Но какой ценой! Потратили столько лишних сил и нервов, а ведь наш следующий соперник — сборная Болгарии, с которой у нас матчи обычно складывались очень напряженно. Теперь же болгары были особенно сильны, имея в своем составе таких великолепных спортсменов, как Колев и Бонев.

Да, пришлось поработать и мне и моему болгарскому коллеге. Мяч почти не задерживался в середине поля. Дважды болгарские нападающие выходили со мною один на один, что же касается точных ударов со средней и дальней дистанции, то их и не счесть. К счастью, в сетке за моей спиной мяч так ни разу и не побывал. Впрочем, как и в болгарских воротах. Два тайма истекли, а счет 0 : 0. Опять дополнительное время, и будет оно работать уж никак не на нас: мы ведь и без того вымотаны до предела.

Мы это, конечно, понимали, но не знали, какая беда поджидает нас сразу же после начала третьего тайма. Мы лишились Николая Тищенко, нашего защитника, который столкнулся с кем-то из болгар и получил тяжелую травму. Это была катастрофа, кто в этом мог сомневаться. И, словно подтверждая приговор, мяч влетел в мои ворота.

Это значило, что за полчаса нам надо забить два гола, играя, по существу, вдесятером: замены тогда не разрешалось,— и хоть Коля Тищенко и остался на поле, заняв место на левом краю, чем он мог помочь команде, если каждое резкое движение вызывало у него адскую боль.

И снова, как и на матче со сборной ФРГ, ощутил я каждой клеточкой своего тела, каждым нервом это удивительное чувство душевного подъема, который охватил всех нас. Такой шквал, такой тропический ливень атак обрушили девять моих измученных товарищей на болгарские ворота, что бывалые болгарские защитники пришли в смятение. И это не был штурм, на который идут очертя голову, идут с мыслью о том, что терять все равно нечего. Нет, это была не атака отчаяния, а веры в свои силы. И мы сравняли счет в конце третьего тайма, а в четвертом забили и решающий мяч. И, быть может, самым знаменательным в этом решающем мяче было то, что забит он был после навесного удара Коли Тищенко.

Олимпиада заканчивалась. Оставалась неразыгранной единственная золотая медаль в турнире футболистов. Кому она достанется — нам или югославам?

Нетрудно представить, с каким настроением вышли мы на последний свой матч. Ни потеря серьезно травмированных в прошлой игре Николая Тищенко и Валентина Иванова, ни груз физического и нервного переутомления, ни блеск имен еще молодых, но уже получавших широкую известность югославских футболистов Шекулараца, Папеца, Веселиновича — ничего не могло поколебать укрепившуюся в каждом из нас мысль, что победить мы обязаны.

Этот матч мы выиграли 1 : 0, и над громадным, переполненным мельбурнским стадионом последним прозвучал Гимн нашей страны.

Принято считать, что людей роднит общее горе и пережитые лишения. Счастье тоже роднит. Те, кто пережил двадцать прекрасных дней на дизель-электроходе «Грузия», доставившем советскую олимпийскую делегацию из Австралии на Родину, как бы навсегда приобщились к некоему братству. И теперь, два десятилетия спустя, встречаясь с кем-нибудь из пассажиров рейса Мельбурн — Владивосток, мы восторженно кидаемся друг другу навстречу, и нет конца воспоминаниям — радостным, комичным, трогательным.

Должно быть, лишь у входа в бухту Золотой Рог мы начали понимать, что значила наша победа. В Мельбурне мы, конечно, не забывали о том, что дома за нами пристально следят по сообщениям радио и газет, что радуются нашим выигрышам и огорчаются поражениям. Но эхо домашних волнений долетало до Мельбурна, приглушенное огромным расстоянием. И вот мы стоим на палубе нашего снежно-белого красавца, ошеломленные, потрясенные, притихшие. Украшенные разноцветными флажками корабли, запрудившие бухту лодки, шлюпки, катера, с которых летят к нам приветственные крики и ленты серпантина, несметная толпа на пирсе, празднично разодетая, со знаменами и транспарантами приветствуют нас, олимпийцев.

Потом был экспресс Владивосток — Москва, останавливающийся даже на небольших полустанках, где нас встречали, обнимали тысячи людей, счастливые нашей победой, как своей кровной. На одном из таких полустанков у Байкала в наш вагон ввалился могучий старик, в тулупе, с длинной бородой, в высоком треухе, весь заиндевевший на тридцатиградусном морозе. Его окающий бас прогудел на весь вагон:

— Где бы мне, сынки, Льва Яшина найти? Двести верст прошел, чтоб на него поглядеть, едва успел к поезду.

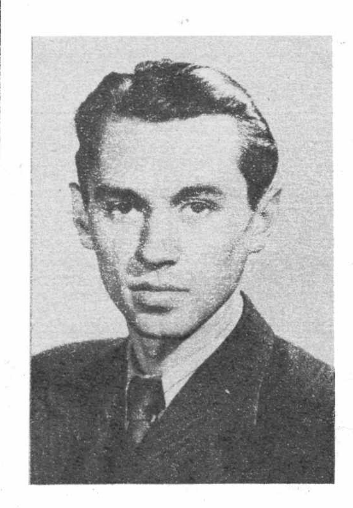
Когда я вышел из купе ему навстречу, он прижал мое лицо к щекотной своей бороде, и мы трижды расцеловались. Человек я не сентиментальный и в жизни повидал всякое, но тут защемило у меня что-то в горле, заволокло слезами глаза, и не мог я вымолвить ни слова: боялся — расплачусь. А он достал из торбы большого вяленого омуля с лоснящимися жиром боками.

— Вот,— говорит,— отведай с друзьями нашей байкальской рыбки...

...К перрону Казанского вокзала два олимпийских поезда подходили рядом. Все подступы к вокзалу, вся Комсомольская площадь были запружены народом. И снова флаги, транспаранты, оркестры, трибуны, ораторы.

Прошло несколько дней, и начались приемы, вручения наград, выступления перед многолюдными аудиториями. Но если бы и не было всего этого, то и стихийные встречи во Владивостоке, по дороге в Москву и в Москве были бы каждому из нас высшей и желаннейшей наградой.

Литературная запись
Евг. **РУБИНА.**

ПАМЯТИ ДРУГА

Умер Евгений Петрович Умнов, известный фотожурналист, один из старейших сотрудников «Огонька». Четверть века своей жизни отдал он нашему журналу. Высокий вкус, глубокое понимание искусства всегда отличали творчество Е. П. Умнова. Многие его работы с большим успехом экспонировались на всесоюзных и международных фотографических выставках, были отмечены дипломами и медалями.

Сотни фотоочерков, репортажей, событийных снимков опубликовал он на страницах «Огонька», они отразили многие стороны нашей жизни. Особенно плодотворным мастером проявил себя Евгений Петрович Умнов в театральной теме. Его объективы запечатлели все выдающиеся балетные постановки Большого театра СССР за последние тридцать лет, программы ансамблей И. Моисеева, «Березки» и других наших танцевальных коллективов. Работы Евгения Умнова высоко ценили артисты и режиссеры, ему были благодарны наши читатели.

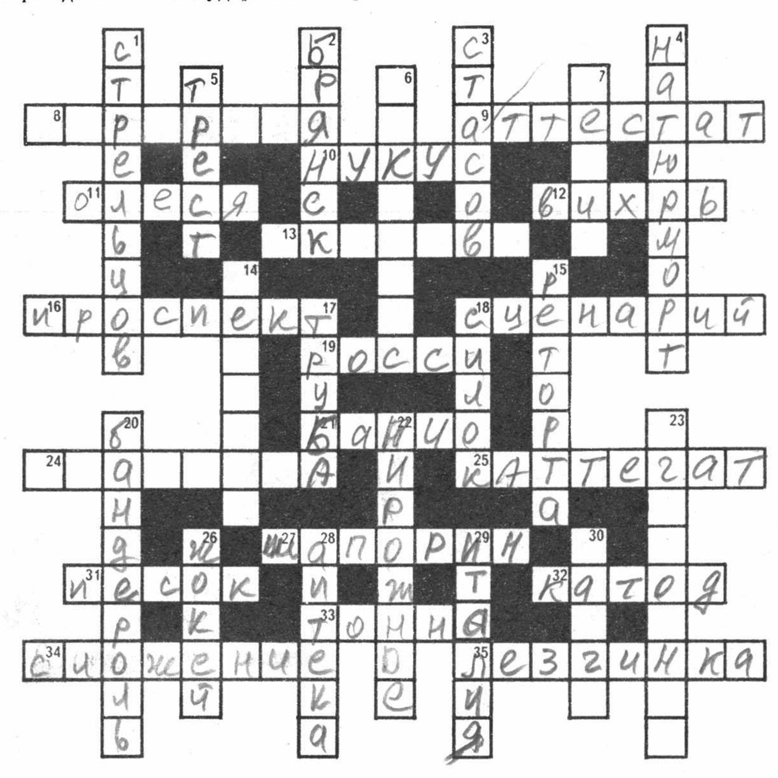
Человек, сделавший главной темой своей жизни искусство, он и сам жил по законам большого искусства, добиваясь максимальной выразительности своих фотографий. Он был требователен к себе и неустанно стремился донести до людей высокое мастерство советских артистов.

Ушел из жизни талантливый журналист, наш друг и товарищ, доброжелательный и благородный человек. Мы прощаемся с другом, но в памяти нашей он останется вечно живым.

КРОССВОРД

По горизонтали: 8. Рассказ А. П. Чехова. 9. Документ об окончании среднего учебного заведения. 10. Столица Каракалпакской АССР. 11. Повесть А. И. Куприна. 12. Порывистое круговое движение ветра. 13. Японский остров. 16. Широкая городская улица. 18. Литературное произведение, по которому ставится фильм. 19. Архитектор, создавший ряд монументальных ансамблей в Петербурге. 21. Действующее лицо оперы Р. Леонкавалло «Паяцы». 24. Промысловая рыба. 25. Пролив, соединяющий Балтийское и Северное моря. 27. Советский композитор. 31. Строительный материал. 32. Электрод. 33. Метрическая мера массы. 34. Арифметическое действие. 35. Кавказский танец.

По вертикали: 1. Персонаж романа М. А. Шолохова «Они сражались за Родину». 2. Областной центр в РСФСР. 3. Русский художественный и музыкальный критик. 4. Живописный жанр. 5. Объединение производственных предприятий определенной отрасли. 6. Приток Миссисипи. 7. Серо-коричневая краска. 14. Цветок. 15. Лабораторный сосуд. 17. Духовой инструмент. 18. Приспособление для ловли птиц. 20. Почтовое отправление. 22. Кондитерское изделие. 23. Стихотворение Н. А. Некрасова. 26. Наездник на скачках. 28. Медицинское учреждение. 29. Государство в Европе. 30. Тропическое плодовое дерево.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 42

По горизонтали: 4. Пирогов. 7. «Отелло». 8. Ереван. 9. Гандбол. 14. Елена. 15. Шторм. 17. Окапи. 18. Могадишо. 19. Коленкор. 20. Линде. 21. Хрусталь. 22. Новгород. 24. Манок. 26. Якоби. 27. Нетто. 29. Шолохов. 32. Малина. 33. Мазепа. 34. Токката.

По вертикали: 1. Витоша. 2. Космодром. 3. Болеро. 5. Атташе. 6. «Мачеха». 10. Мелодрама. 11. «Парижанка». 12. Котловина. 13. Зимородок. 15. Штольня. 16. Макензи. 23. Боровинка. 25. Наждак. 28. Труппа. 30. «Очаков». 31. Омметр.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Депутат Верховного Совета РСФСР, доярка колхоза имени Свердлова, Колышлейского района, Пензенской области, Галина Федоровна Слепова.

Фото Д. Ухтомского

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Сванетия.

Фото А. Чарквиани

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 6/X— 75 г. А 00658. Подп. к печ. 21/X— 75 г. Формат 70×108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2509. Тираж 2 030 000 экз. Заказ № 1214.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

И. МЕСХИ
Фото Г. РОЗОВА

КОБЫСТАН

Когда едешь из Баку по Карадагскому шоссе вдоль берега Каспийского моря, видишь: нефтяные вышки торчат прямо из воды, уходят далеко в море мощные эстакады. Человек подбирается к ископаемым Мирового океана. Когда-нибудь люди скажут: «Началось это в конце второго тысячелетия нашей эры». Но стоит повернуться лицом к суше, а еще лучше свернуть с шоссе и проехать вглубь несколько километров, как попадаешь в девятое тысячелетие до нашей эры.

Большие пространства от моря до Шемахи — единый географический район, Страна оврагов, что по-азербайджански именуется Кобыстаном.

Три горы—Беюкдаш, Чичикдаш и Джинджирдаг. Все три будто обезглавленные, без вершин, ровные, как столы. Их называют еще Столовыми горами. Через громаду отвесных скал поднимаемся на Беюкдаш, в центр Государственного историко-археологического заповедника Академии наук Азербайджанской ССР. Осмотр, пояснения научных сотрудников, и вот какая картина очень далекого прошлого встает перед нами.

Среди буйной растительности по лесам и долинам бродят огромные стада животных: дикие быки, олени, козы, лошади, куланы... И вдруг тревога! Одно из стад окружено со всех сторон. Сильные двуногие существа быстро сжимают кольцо окружения, сбивая животных в плотную кучу, и гонят их к морю, к Столовым горам. Гора как бы обрублена со всех сторон, только одна тропа ведет вверх. С гиканьем и воем животных загоняют на «стол», и тут финал: прижатые преследователями к самому обрыву, они на полном ходу летят с обрыва вниз и разбиваются. Тут же, у подножия горы, люди свежуют животных, разжигают костры и готовят себе еду.

Обо всем этом рассказывают не только археологические находки Страны оврагов, но, что самое интересное, рисунки на скалах. Очень много удивительных, любопытнейших рисунков. Человек каменного века брал кусочек заостренного кремня и выдалбливал в скале то, что занимало его мысли, воображение. По этим рисункам (точнее, по пропорциям на этих рисунках) мы узнаем, каков был он сам. Поражают очень длинные ноги с сильно развитыми икрами. Еще бы: ведь ему надо было бегать быстрее лани!

Кобыстанец изображал и животных, каких знал: от громадных горбатых быков до фаланг и скорпионов. Он рассказал нам в своих рисунках и о том, что женщина охотилась вместе с мужчиной.

Люди стоят цепочкой, взявшись друг за друга. Танец «Яллы», говорят ученые. А что такое «ял»? В архаических оборотах азербайджанской речи «ял» значит «еда». Танец еды или танец, символизирующий добычу пищи. Представим себе еще раз гонную охоту. Никто не имел права отставать — железная дисциплина, взаимопонимание. Для этого нужна была хорошая тренировка. Вот истоки того, древнего танца. Он и сейчас живет в народе, конечно, видоизмененный, но продолжает слыть силовым, спортивным танцем, в котором участвует только молодежь.

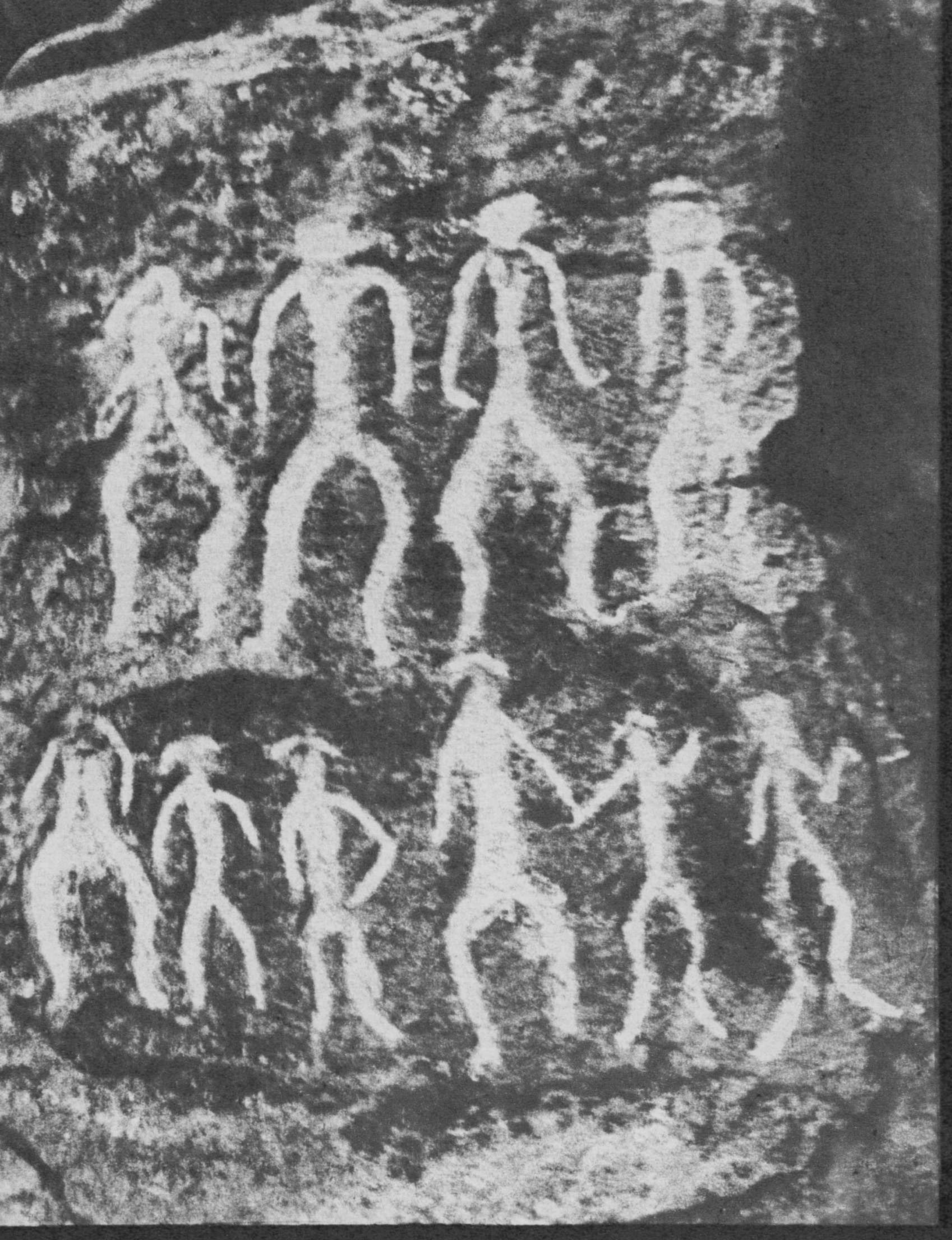
А вот подскальное убежище, которое называется Ана-зага, что в переводе означает Мать-пещера. Естественный навес образован каменными глыбами. Он мог укрыть одновременно сотни людей. Азербайджанские археологи раскопали тут три культовых слоя — от среднекаменного века до эпохи ранней бронзы. Найдены десятки тысяч экспонатов. Одних только каменных орудий несколько тысяч штук. И самая первая, примитивная керамика. И десятки пылавших здесь когда-то очагов. И обломки костей животных; любопытно, что все они раздроблены: из них человек извлекал мозг для пищи.

Самое же интересное в Ана-зага — это ее стены, все испещренные рисунками. На самые первые линии ложатся более поздние, образуя сплошную паутину.

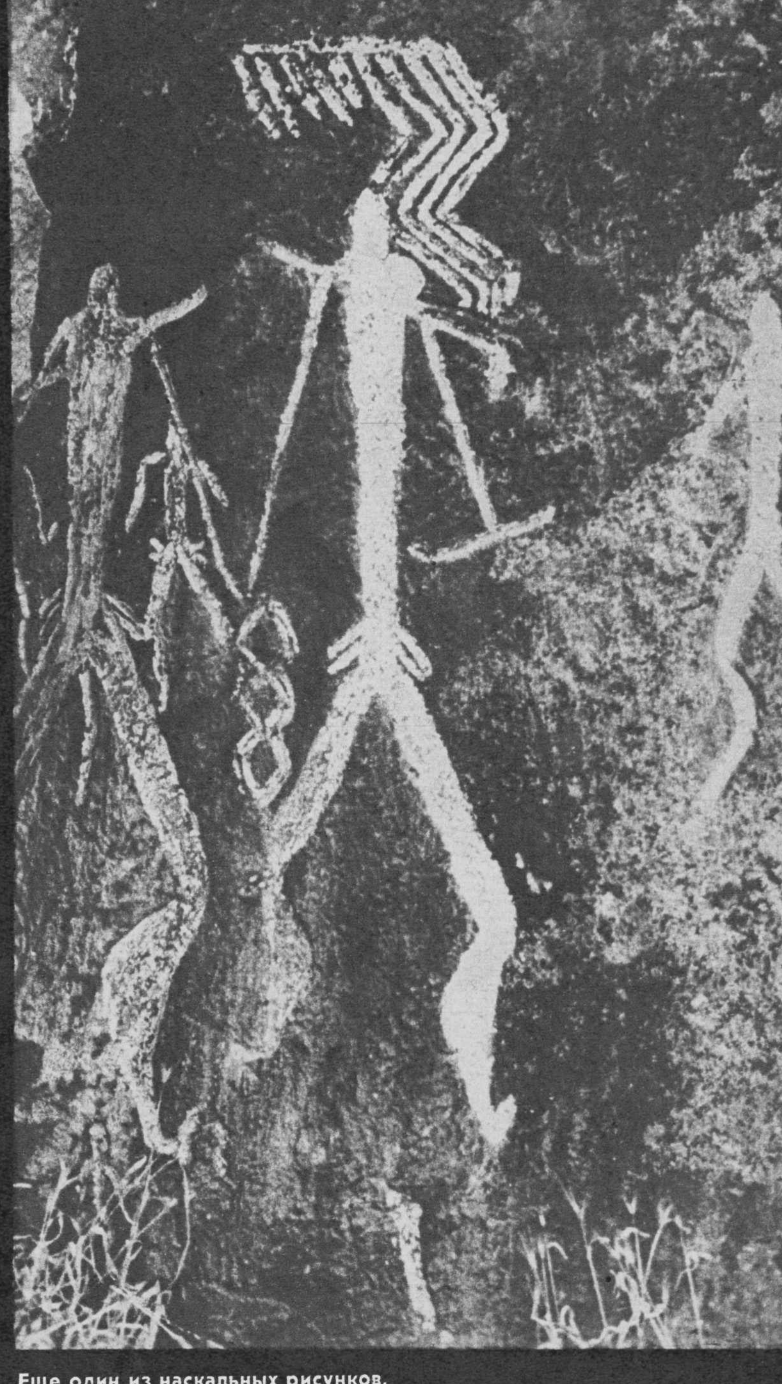
Удивительная тяга к самовыражению, к тому, что мы теперь называем искусством! И было это сто столетий тому назад.

Задача ученых — сохранить все это от разрушительного действия времени. И изучить. По существу, изучение только начинается, хотя открытие Кобыстана и сделано лет двадцать пять назад, хотя обнаружены уже сотни скал с рисунками. Но это только на трех горах. Исследователи подобрались уже к двум следующим — Шихкаю и Шомгару. Каков же весь он, Большой Кобыстан, страна, где жили вольные и такие далекие предки, возможно, участвовавшие в формировании кавказских племен!

◀ Вход в пещеру Ана-зага — убежище первобытных людей.

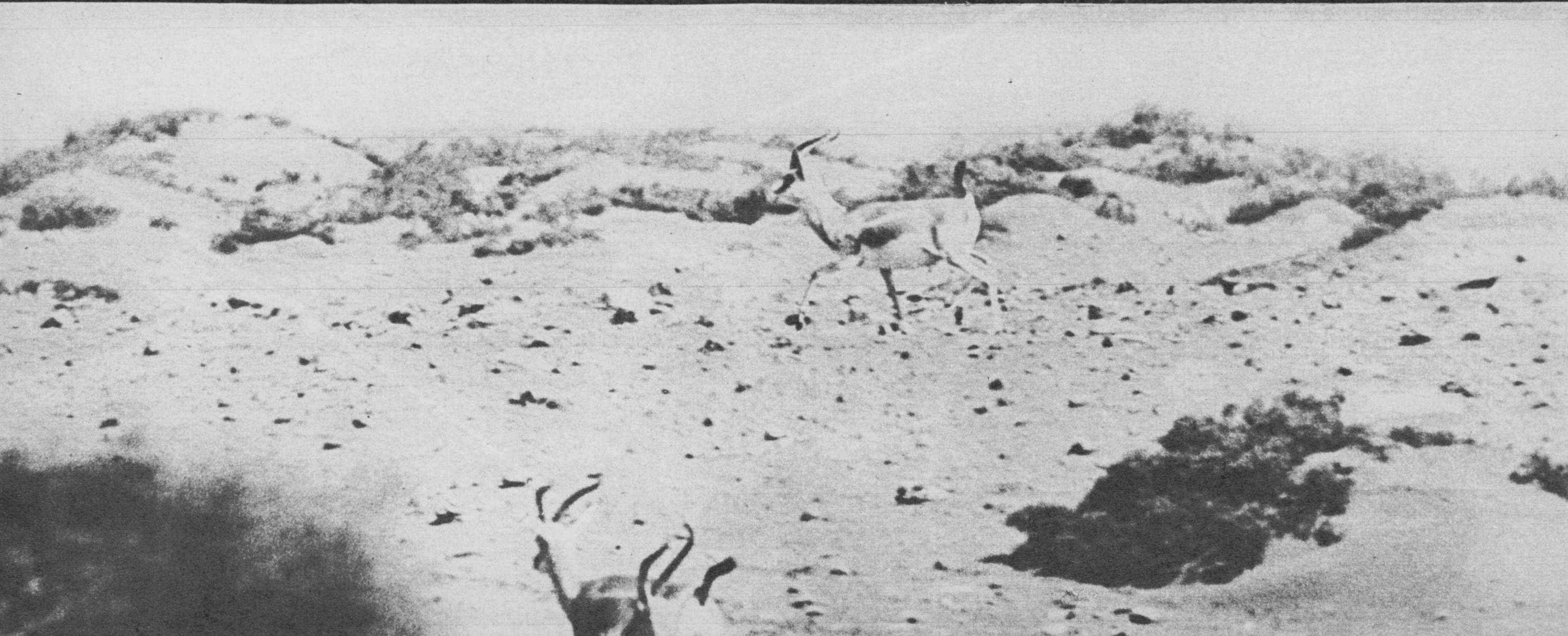
Вот он, знаменитый танец «Яллы».

Еще один из наскальных рисунков.

—СТРАНА ОВРАГОВ

Такие же джейраны бегали здесь и десять тысячелетий назад.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663